

Русская речь

№

1

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1970

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

Обращение к преподавателям русского языка и литературы	3
В. В. Виноградов. Русский язык в современном мире	4
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Г. И. Шкляревский, А. И. Герцен о русском литературном языке	17
В. Н. Бачерикова. Контрасты в языке А. И. Герцена («Былое и думы»)	21
М. Ф. Власов. Народная речь в поэзии Н. А. Некрасова	24
ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ	
В. К. Журавлев. Петр Саввич Кузнецов	31
П. С. Кузнецов. Об основных единицах речи и словесного произведения	33
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ	
А. А. Брагина. Плюс, минус и прочая арифметика	40
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
П. Д. Филкова. Образные средства в речи В. И. Ленина	47
Р. П. Рогожникова. Архаизмы <i>сей, оный, сиречь</i>	49
В. Л. Воронцова. О произношении слова <i>мушкетер</i>	51
НОВЫЕ СЛОВА	
Г. Н. Плотникова. Образованные по случаю	53
ГРАММАТИКА, ОРФОГРАФИЯ	
В. И. Чуглов. Дверная ручка — ручка двери	57
Н. С. Авилова. Глаголы с иноязычной основой	59
А. С. Дымский. В тушик	62

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Н. В. Чурмаева. Наши предки были язычниками	66
Г. А. Богатова. Золотая орда	70
Г. П. Рубежова. Горы русские и американские	76
Т. Н. Кондратьева. О Титах, Титах Титычах и Титовых детях	78
А. С. Львов. Врач. Существует ли приставка <i>тре-</i> в русском языке? Прохиндей	82

ПО КАРТЕ РОССИИ

Ш. Э. Бахтиев. Жигули	101
---------------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

М. Н. Морозова. Топонимы и нарицательные слова	84
Т. А. Мудрая. Из двух слов — одно	88

СТАРАЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

В. С. Терехова. Рукописные лечебники XVII—XVIII вв.	95
---	----

ШКОЛА

И. С. Улуканов. Забытые слова	102
---	-----

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

В. Суслов. Трудные буквы	107
------------------------------------	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Ю. А. Степанов. Заикание	108
Словарь начинающего филолога	110
Словарь эпитетов	112
Почта «Русской речи»	114

На обложке: «Русь. XIII век»

Гравюра Ю. И. Коомынина

При перепечатке

*ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУСИСТОВ

В Москве с 22 по 28 августа 1969 года проходила Первая конференция Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Во вступительном слове на открытии конференции академик В. В. Виноградов сказал, что само создание этой ассоциации продиктовано насущной необходимостью объединить усилия ученых и преподавателей разных

стран в поисках наиболее рациональных и эффективных методов преподавания русского языка и литературы. Приняв колоссальный размах, изучение русского языка в мире со всей остротой поставило задачу совершенствования методов обучения ему, как задачу экономии общечеловеческой энергии и времени в мировом масштабе.

Создание Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) было провозглашено на учредительной конференции, созванной по инициативе нескольких стран в сентябре

(Окончание на стр. 13—16)

*Обращение к преподавателям русского языка и литературы
всех стран мира в связи с празднованием
100-летия со дня рождения
Владимира Ильича Ленина*

Уважаемые коллеги — русисты мира!

Мы, участники первой Международной конференции преподавателей русского языка и литературы, собравшиеся в Москве в канун 100-летия со дня рождения выдающегося мыслителя современности Владимира Ильича Ленина, обращаемся к вам с призывом принять участие в праздновании этой знаменательной даты в истории человечества.

В. И. Ленин был не только великим революционером и борцом против бесправия и угнетения народов, выдающимся государственным и общественным деятелем, но и крупным ученым, внесшим неocenимый вклад в развитие мировой науки, культуры и образования.

В. И. Ленин был также страстным пропагандистом культурного наследия человечества. Он неустанно призывал народные массы, особенно молодежь, овладевать высотами науки и культуры, обогащать память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Выдающуюся роль сыграл В. И. Ленин и в защите чистоты русского языка, в сохранении его самобытности, в раскрытии важной общественной роли русской литературы.

Отмечая выдающийся вклад В. И. Ленина в развитие науки, культуры и образования, XV сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 ноября 1968 года единогласно приняла резолюцию о праздновании 100-летия со дня его рождения. Этой резолюцией Генеральный директор ЮНЕСКО уполномочивается выступить с инициативой по проведению ряда мероприятий в ознаменование ленинского юбилея, в частности ему поручается организовать международный научный симпозиум ЮНЕСКО на тему «В. И. Ленин и вопросы развития науки, культуры и образования». Этот симпозиум и связанные с ним мероприятия будут проведены в Финляндии 6—10 апреля и в Ленинграде 11—14 апреля 1970 года.

В связи с этим Международная конференция преподавателей русского языка и литературы:

- 1) приветствует решение XV сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО о международном праздновании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина;
- 2) призывает всех русистов мира в ленинском юбилейном году шире знакомить своих слушателей, студентов и учащихся с основными вехами жизни и деятельности В. И. Ленина, его вкладом в развитие науки, культуры и образования;
- 3) просит Исполнительный Совет Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы провести консультации с Генеральным директором ЮНЕСКО об участии в соответствии с процедурой ЮНЕСКО наблюдателя МАПРЯЛ в работе международного научного симпозиума ЮНЕСКО «В. И. Ленин и вопросы развития науки, культуры и образования».

Москва,
28 августа 1969 года

В сентябре 1967 года в Париже по инициативе нескольких стран состоялась учредительная конференция Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. В создании, а затем и в работе ассоциации активное участие принимал академик Виктор Владимирович Виноградов. Он был ее первым президентом.

Насколько важное значение придавал выдающийся ученый-русиист работе будущей ассоциации, видно из доклада «Русский язык в современном мире», сделанного В. В. Виноградовым на учредительной конференции в Париже.

Доклад публикуется с незначительными сокращениями.

Русский язык в современном мире

Академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Русский язык — язык великого народа, язык культуры, цивилизации, государственности и литературы мирового значения. Тургенев называл русский язык не только великим, но и «могучим, правдивым и свободным». Гоголь считал, что по своей выразительности, драгоценности, по многообразию оттенков и способов изображения «он беспределен и может — живой как жизнь — обогащаться ежеминутно». Его творческие возможности неисчислимы и неограниченны.

Величие и мощь русского языка уже в XIX веке отразились в победоносном движении русской литературы — литературы Пушкина, Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова и других великих русских классиков — по всему миру.

Историки русского языка и русской культуры не раз указывали на то, что поразительное богатство общерусского словаря, необычное разнообразие экспрессивных красок и стилистических оттенков русской литературной речи объясняются как творческим объединением в нем общеславянских или старославянских элементов с народными восточнославянскими, так и многодialectным составом национального русского языка. С укреплением же и развитием русской исторической диалектологии и истории русского литературного языка стало общепризнанным положение, что «взаимодействие всех областных разноречий в выработке нашего образованного языка составляет важное его преимущество перед другими языками, имеющими более узкую диалектную базу» (А. С. Будилович. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы). Эта идея разделялась и крупнейшими мастерами русского художественного слова. Так, И. А. Бунин, говоря о влиянии народной речи и фольклора на свое литературное развитие, заявлял, что «в нашем богатейшем языке ... благодаря географическим и историческим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси».

Литературный язык живет и эволюционирует в тесном взаимодействии с живыми народными говорами. Даже в те периоды исторического развития, особенно с XIII по XVI век, когда русский литературный язык опирался на книжно-славянскую речь как на базу высоких стилей, и тогда его связи с устным «просторечием» были достаточно крепкими. Из народных говоров и наречий в него вливались потоки слов и выражений, многочисленные грамматические формы...

Восприняв все лучшее из тех речевых средств, которые и в прошлом служили целям культурного единения и развития — «от Пушкина до Горького», по словам В. И. Ленина, — современный русский язык «все обогащается с быстротой поражающей», как говорил М. Горький. После Великой Октябрьской социалистической революции русский язык — язык великой нации — стал языком межнационального общения, сотрудничества и культурного взаимодействия между всеми народами многонационального Советского Союза. Его часто и справедливо называют вторым родным языком всех наций и народностей СССР, и, как таковой, он не только оказывает влияние на другие языки народов нашей страны (а их у нас по самому скромному подсчету не менее 130—140), но и сам обогащается в ходе взаимодействия с ними. Особенно ярко это взаимовлияние проявляется в словарном составе, в кругу выражаемых им значений и смыслов, в стилистических возможностях и средствах.

Само собой разумеется, что есть большие различия в исторических судьбах и развитии отдельных советских национальных литературных языков. Теснее всего взаимовлияние русского и близкородственных ему украинского и белорусского языков. Важно, однако, заметить, что результаты характерного для языкового развития страны устойчивого социалистического двуязычия во всех национальных районах отнюдь не ограничиваются заимствованием в русский язык «местных слов» типа *акын, ашуг, аксакал, арык, харчо, сулгунья*. Они рельефно сказываются и на общем структурном развитии всех языков Советского государства, на стилистических дифференциациях в их пределах, на всем их словесно-художественном творчестве народов Советского Союза. Русский язык существенно совершенствуется в ходе активного обмена культурными и языковыми ценностями между народами СССР.

Современный русский литературный язык — не только фиксатор и хранитель одной из величайших литератур мира. На нем мыслили и писали такие гении русского художественного слова, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лев Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, оказавшие огромное воздействие на развитие общечеловеческой литературы и культуры. На нем мыслили и писали крупнейшие ученые, философы, общественные и политические деятели, внесшие колоссальный вклад в мировую историю. Идеи В. И. Ленина были сформулированы и выражены на русском

языке. Под пером поколений передовых умов человечества природные богатства русского языка были приумножены и отшлифованы.

Восприняв сокровища живого и мудрого слова из своего замечательного прошлого, русский язык в советскую эпоху далеко двинулся вперед. Быть может, здесь в первую очередь следует назвать функциональные сферы общественно-политической, художественной, научной и обиходно-бытовой речи. Особенно следует подчеркнуть тот вклад в развитие русского литературного языка и его стилистики, который делался и делается художественной литературой. Русская литература с начала XIX века в силу быстрого прогресса стилей художественной и публицистической речи содействовала расцвету литературного языка, а также распространению и углублению интереса к нему за рубежом, особенно в Западной Европе.

Полное невиданного общественно-патриотического одушевления развитие русской литературы нового времени ярче всего выразилось во все углубляющейся народности ее языка, в ее бережном отношении к самобытным русским началам словесно-художественного творчества, в ее разностороннем и тщательном отборе всего выразительного и ценного из предшествующей речевой традиции. Воспитательная, культурно-образовательная роль этой великой литературы не могла не сказаться и на всем духовном облике русского народа, в том числе и на его языке. Ведь, по определению М. Горького, «от художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значительности, полноте и ясности, требуется четкий, точный язык, тщательно отобранные слова. Именно таким языком писали „классики“, вырабатывая его постепенно, в течение столетий. Это подлинно литературный язык, и, хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным „духом“ (т. е. строем) общенационального языка».

Область стилистики русской художественной литературы велика, сложна и многообразна. В ней складываются не только способы использования средств общего языка, его стилей, форм письменной и устной речи, принципы литературно-художественных новообразований и новых типов сочетания разностилевых элементов, но и мотивированные в словесно-эстетическом плане многообразные роды и формы отступления от норм литературного языка (которые нуждаются в типологическом рассмотрении), а также законы изменения самых норм...

Богатство и многообразие средств русского литературного языка, делающие его совершенно своеобразным и неповторимым явлением в кругу наиболее развитых мировых языков, во многом

объясняются ходом социально-исторического движения самой системы русского языка и «внутренними законами» ее развития. Несомненно, что характер и степень осознанного отношения народа к языку как продукту своего творчества и самопознания качественно меняются со вступлением народа на ступень социалистической нации.

В социалистическом обществе самые широкие массы народа включаются в активное владение национальным литературным языком, который становится поистине всенародным достоянием. Дробление языка на областные говоры и социальные диалекты затихает или во всяком случае подвергается новым закономерностям. Местные особенности речи в силу приобщения самых разнообразных слоев общества к сокровищам литературного слова постепенно стираются. Новые формы общественной организации, новый социалистический быт, новое миропонимание, более глубокая и непосредственная связь жизни с наукой и техникой — все это находит отражение и выражение в языке, в образовании новых слов, фраз, оборотов речи, комбинаций фраз. Русский язык обогащается такими выразительными средствами, такими приемами речевой экспрессии, которые существенно преобразуют и разнообразят систему его стилистики, способы отбора и подбора слов и конструкций, связанные с разными условиями и задачами общения и сообщения. Этим изменениям содействует и социальное расширение состава социальных слоев и групп, овладевших или овладевающих современным русским литературным языком, пользующихся им в устном общении и в письменных сообщениях, в быту и в разных сферах государственной и профессиональной деятельности, в научном и художественном, артистическом творчестве.

Именно в Октябрьскую эпоху в советском обществе все более и более крепнет сознание того, что русский язык — драгоценное культурное наследие всего народа, требующее от всех советских людей неустанного творческого развития, любовного и чистого к себе отношения. Свободное и творческое владение русским языком признано в советском обществе священной обязанностью и почетным правом всего народа. Правда, у нас нередки еще отклонения от правильной, нормальной литературной речи в самых разнообразных сферах употребления языка: в устном разговоре, письмах и деловых бумагах, даже в публицистических и научных статьях, в художественных произведениях. Все это обострило общественную борьбу за высокую культуру речи, придало этой борьбе до сих пор невиданный, общенародный характер. Культурно-речевая деятельность и нормализация литературного выражения встречаются с трудностями, связанными с бурным развитием и обогащением русского языка в советский период его жизни. Эти процессы не во всех отношениях еще ясны и исследованы.

Несомненно, высокое структурное единство русского литера-

турного языка, ставшего к исходу XIX века одним из наиболее упорядоченных, богатых, многожанровых, стилистически многообразных языков мира, несмотря на значительную дробность социально-речевых разновидностей дооктябрьского общества в нашей стране. Литературному языку в условиях классового общества и социально подчеркнутого расчленения населения аморфно противостояли не только народные диалекты, но и мещанская, купеческая, городская речь («просторечие»), арго, жаргоны. В советскую эпоху литературный язык вступил в новую фазу своего существования.

Социалистическая революция и создание новой интеллигенции рабочих и крестьян явились исключительными по своему значению факторами, обусловившими активизацию внутренних законов языкового развития, а отчасти и изменение их характера. Стройность и историческая оправданность сложившейся структуры литературного языка, вопреки мнению некоторых зарубежных русистов, нарушены не были. Советская школа, печать и вообще общественное мнение всегда, в принципе, хотя и не всегда на практике, стойко стояли на страже «чистоты и правильности» русского языка, заботливо сохраняя и оберегая лучшее в нашем языковом наследии.

В то же время очевидно, что старая литературная форма русского языка, связывавшаяся в основном с художественно-образительными задачами письменно-книжной речи, перестала быть главной и единственной формой «правильного, образованного» языка. Получила полные права гражданства традиция общественно-революционной устной речевой стихии, уходящая корнями в творчество революционеров-демократов прошлого века и прошедшая горнило пролетарского революционного движения. Громадную роль сыграл язык В. И. Ленина и других общественных и политических деятелей революционной поры и советского периода. При этом различные социальные слои речевого выражения растворились в широком потоке революционного словотворчества и языкотворчества. Возникает новая своеобразная форма русского национального языка, которую наш покойный лексикограф С. И. Ожегов предлагал называть «обиходной формой» литературного языка. Взаимоотношения собственно литературной и новой движущейся по направлению к разговорно-обиходной речи усложняются с развитием массовой коммуникации, создавая новые возможности совершенствования устно-речевых средств выражения при неприкосновенности основной структурной базы русского языка.

Разумеется, сложные и разнообразные процессы современного речевого обихода вызывают иной раз огорчения, поскольку идут не всегда прямо и ровно и не всегда одинаково обоснованно и оправданно. Помня слова М. Горького о том, что «борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры», советские лингвисты широко распространяют

научные сведения о законах и правилах русского языка, о его стилистических возможностях, о его словарном богатстве, о путях развития — о многом другом, относящемся к вопросам и задачам речевой культуры, воспитания у разных слоев народа эстетического чутья языка.

Итак, современный русский язык представляет собой своеобразное, самобытное явление в истории мировой культуры. Происходящие в нем процессы полны исторического значения и ярко отражают творческую мощь русского народа. В советскую эпоху он становится наиболее рельефным выразителем новой социалистической государственности и идеологии, передовой науки и техники, могучей экономики. Языковая культура — это сложная система государственных, общественно-политических, лично-правственных, художественных, бытовых идей и форм их выражения, которая вырабатывается всей жизнью нации. Как продукт, она принадлежит народу; как пища, как творческое начало, она принадлежит всему миру. С этой точки зрения можно сказать, что русский язык, будучи высшим выражением национальной русской и общественной социалистической цивилизации, является языком всемирного значения. Это теоретическое положение подтверждается растущим с каждым днем распространением русского языка по всему миру.

Около ста лет назад Ф. Энгельс в статье «Эмигрантская литература» писал: «Знание русского языка, языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы, — теперь уже не такая редкость» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XV, стр. 239). Действительно, интерес к русскому языку во всем мире связывается теперь все больше и больше не только (и не столько) с его внутренними качествами, неповторимым своеобразием одного из богатейших и самобытнейших мировых языков, но прежде всего с ролью той культуры, а в частности и литературы, которую он воплощает. По данным ЮНЕСКО, в настоящее время в мире немногим меньше половины всей научно-технической литературы и документации издается на русском языке — конечно, это отнюдь не самый главный фактор, толкающий людей в различных странах к изучению русского языка.

Бросается в глаза резкий рост числа людей в мире, так или иначе пользующихся русским языком. Весьма неточные данные помещают его на третье место (после английского языка и хиндустани, то есть хинди и урду вместе) на шкале фактической распространенности языков мира. Любопытно, что в XVI—XVII веках он на этой шкале занимал шестое место после французского, немецкого, итальянского, испанского и английского. Можно полагать, что сейчас в мире в той или иной мере владеют русским языком около полумиллиарда человек (из них для 150 миллионов — это родной язык).

Изучение русского языка приняло в последние 10—15 лет поистине мировые масштабы. В Венгрии, например, население которой составляет 10 миллионов, один миллион человек изучает русский язык в тех или иных формах обучения (школы, вузы, кружки, курсы) с преподавателем. Аналогичное положение во всех социалистических странах.

Резко растет число лиц, изучающих русский язык, и во всех других странах. Вопрос об усилении изучения русского языка, о введении его в качестве обязательного иностранного языка в программы средних школ обсуждался на правительственном уровне за последние 5—8 лет в США, Англии, Австрии, Италии, Финляндии и других странах. Разумеется, не всегда обсуждение этого вопроса проходит гладко и результативно. В Италии, например, несмотря на неоднократные предложения некоторых групп депутатов парламента принять законопроект о преподавании в средних школах Италии русского языка и литературы, такой закон еще не принят. В одном из последних обсуждений в парламентской резолюции говорилось: «Требования современной жизни делают совершенно необходимым изучение цивилизации, технического и научного прогресса, а также культуры народов которые говорят на русском языке». Эти справедливые слова поддерживаются, как утверждали депутаты, вносявшие законопроект, научными и техническими институтами, издательствами, промышленными и торговыми фирмами, испытывающими большую нужду в кадрах со знанием русского языка. Тем не менее пока что русский язык в Италии преподается лишь в университетах и на частных курсах («Правда», 11 октября 1965).

Одной из причин этого, помимо возможного политического противодействия, можно считать практические трудности, связанные с преподаванием русского языка иностранной аудитории. До сих пор в мире ощущается острая нехватка учебников русского языка, болезненный недостаток квалифицированных преподавательских кадров, несовершенство методов обучения. Встает задача особого, свободного от рутинности и схематизма исследования и описания структуры современного русского языка — такого описания, которое могло бы послужить надежной и удобной научной базой для выявления наиболее целесообразных, эффективных способов отбора грамматического и лексического материала для той или иной группы учащихся с учетом их родного языка, возраста, специфических интересов и т. д. Кроме психологических и иных исследовательских задач, первостепенное значение приобретает собственно лингвистический — конкретный и целесообразный — анализ средств русского языка с точки зрения их функциональной значимости. Важнейшим недостатком модных в современной методике разновидностей «прямого метода», «программированного обучения», «аудио-визуального, глобально-структурного метода» и др. следует признать то, что они, как правило, не имеют строгой и широкой, достаточно полной, лингвистической базы.

Можно полагать, что в основу такого, крайне насущного описания русского языка (а следовательно, и «лингвистического обоснования методики обучения ему») целесообразно положить идею типологии речевых средств или функциональной стилистики. Например, очень существенно в новом руководстве по изучению русского языка представить в полном объеме типологию речевых средств выражения, побуждения к действию, не ограничиваясь стандартными грамматическими анализами функций повелительного наклонения и разных конструкций с частицами *да, пусть* и т. п...

Одной из принципиальных задач описания русского языка с позиций носителей других языков, овладевающих им, следует признать исследования взаимоотношений и взаимодействий устной разговорной и письменно-книжной речи. В последнее время наблюдается повышенный интерес советских лингвистов к изучению явлений живой разговорной речи, что, несомненно, сопряжено с растущей ролью ее в жизни современного человечества в целом (именно поэтому аналогичный интерес наблюдается и в зарубежной науке: чешские исследования обиходной «чештины», американские работы по изучению устного языка массовой коммуникации, широкая исследовательская программа японских языковедов и проч.), а также с совершенствованием технических возможностей анализа звучащей речи. В этой связи любопытны наблюдения над тем, как решалась эта проблема отдельными мастерами слова в их творчестве. Очень своеобразны, хотя и несколько наивны, рассуждения по этому вопросу такого тонкого мастера стиля, как А. Н. Толстой. Он свидетельствует: «Развитие литературного языка теперь должно идти путем изучения народной речи, народного синтаксиса... Я в 1917 году пережил литературный кризис. Я почувствовал, что, несмотря на знание огромного количества русских слов, я все же русского языка не знаю, так как, желая выразить данную мысль, могу ее выразить и так, и этак, и по-третьему, и по-четвертому. Но каково ее единственное выражение — не знаю».

«Очень немногие, — писал А. Толстой, — с первых же шагов овладевают словом, эти — с „природной постановкой голоса“. У меня процесс овладения словом был длительным. Вначале слово было для меня вроде дикого животного, — брыкалось и не слушалось и само несло меня в дебри. Затем открылась удобная, легкая и приятная область — „стиль“. Готовый язык, давно усмиренный и послушный, но мертвый. ... Язык современности был кабинетно-переводный, интеллигентский, выродившийся язык великого прошлого... Живая речь в те годы была несложным воплем тоски и боли. Большой ошибкой нужно считать, когда писатель слишком уж начинает полагаться на живую речь современности. Человек в горе плачет, от гнева рычит, и только во времена затишья и довольства он чувствует влечение облечь свои чувства в слово (народное творчество).

Решающим для меня было знакомство с судебными актами семнадцатого столетия. Там я нашел художественно (но не „литературно“) обработанный (в целях судебной точности и сжатости) великорусский язык. Жест в самой его архитектуре».

Вообще же для А. Толстого образцом служил слог Л. Н. Толстого, который «до галлюцинации видит движение, жесты и находит соответствующие слова». А. Толстой призывал очищать русский литературный язык двумя способами: сближением его с живой народной речью и привлечением забытых слов и выражений из кладовой, не запечатленной в письме. Он приходил даже в своем субъективном пристрастии к древнерусской народно-письменной речи к такому парадоксальному выводу, который свидетельствует лишь о беспредельной широте и свободе современной русской художественной, публицистической и обиходной речи: «Я изучал язык писем и судебных записей. Изучая этот язык, я невольно стал его вводить в свои литературные обороты. Все статьи, которые я писал в последнее время в „Правде“, писаны языком XVII века. Так что язык этот ничуть не умер, потому что он народный, он до сих пор живет». Но с тех пор изучение и употребление русской народно-разговорной речи в ее современном облике неизмеримо расширились...

Во всех этих вопросах большую роль может сыграть Международная ассоциация преподавателей русского языка, для создания которой здесь собрались представители разных стран. Эта будущая организация может внести большой вклад не только в совершенствование методов обучения русскому языку (и тем сэкономить много человеческой энергии, сил и времени во всем мире, ибо изучение русского языка уже приняло колоссальные размеры), но и в методы его мирового использования, а тем самым и в общие закономерности его развития.

В настоящее время русский язык признан одним из пяти официальных «мировых» языков ООН, он является рабочим языком большинства международных организаций, съездов, конференций.

Он стал общепризнанным «иностранным языком», изучаемым наряду с английским, французским, немецким и отчасти испанским в системе образования подрастающего поколения во всех странах мира. Однако его фактическое использование до сих пор меньше, ограниченнее, чем оно могло бы (или даже должно бы) быть. Наряду с оснащением учебного процесса учебниками, словарями, магнитофонными записями, наряду с подготовкой преподавательских кадров стоит задача пропаганды русского языка, показа его самобытности и культурно-исторической ценности, его значения как удобного и необходимого средства международного общения. Характерен пример австрийских коллег, которые смогли укрепить и усилить общественный интерес к русскому языку в своей стране: на всеавстрийском съезде русистов в начале

1967 года стали ощутимы плоды этой деятельности — русский язык стал обязательной дисциплиной австрийских средних школ.

По внутреннему своему влиянию и по территории своего распространения русский язык занимает важное место между общими языками Европы, Азии, Америки, а в последнее время Австралии и Африки. Как язык мирового значения, он развивается и движется в ряду общих языков мировой культуры — английского, французского и др. Но он не изолирован и от разнообразных языков других государств, особенно тех, которые выдвигаются в ходе прогресса современного человечества и близки Советскому Союзу культурными, общественно-политическими идеями, экономическими и иными интересами. Радио, телевидение, кино и другие виды искусства, связанные с человеческой речью, разные формы массового общения не могут не отражаться в многообразных приобретениях русской терминологии и словарно-фразеологического состава.

Все это заставляет думать, что русскому языку предстоит еще более широкие возможности распространения во всем мире. Говоря словами поэта А. Т. Твардовского, «язык Ленина, ставший языком межнационального общения народов Советского Союза, становится необходимым для выражения нынешних дум и стремлений народов всего мира» («Правда», 29 октября 1961).

Вместе с тем, по образному выражению известного германского писателя и поэта Иоганнеса Бехера, великий русский язык — это «язык, на котором история, будущее человечество обращается ко всем передовым людям мира».

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУСИСТОВ

(Окончание. Начало на стр. 2)

1967 года в Париже. За прошедшее с тех пор время ассоциация внесла несомненный вклад в расширение и укрепление деловых контактов между русистами разных частей света. Была выработана научно-исследовательская тематика, изучены главные направления методической мысли, определены основные спорные вопросы преподавания русского языка и литературы. Все это сделало возможным проведение Первой конференции МАПРЯЛ в августе прошлого года. В ее работе приняли участие более 500 представителей от 35 стран.

С приветственным словом к участникам конференции обратился ми-

нистр просвещения СССР М. А. Прокофьев.

Нам приятно, сказал М. А. Прокофьев, ваше решение провести конференцию русистов в Москве. Вероятно, каждому народу радостно отметить, как его родной язык получает все большее распространение в мире. Мы не исключение! Все большее и большее число выдающихся ученых, больших энтузиастов, посвящает свою жизнь русоведению, обучению своих сограждан русскому языку. Это нас действительно радует!

О растущей популярности русского языка в современном мире, об актуальных вопросах его преподавания за рубежом говорилось в основном докладе, подготовленном Научно-методическим центром русского языка при МГУ имени М. В. Ломоносова. За последние десятилетия в различных странах мира значительно возрос интерес к жизни советского народа, к достижениям советской науки, техники и культуры и вместе

*Делегатов Международной конференции преподавателей русского языка и литературы приветствует представитель ЮНЕСКО
Л. С. Муравьев*

с этим к изучению русского языка, ставшего ныне одним из основных мировых языков, неотъемлемой составной частью мировой культуры и образования.

По данным, которыми располагает Научно-методический центр, в настоящее время русским языком в той или иной мере владеет около полу-миллиарда людей самых различных национальностей. Русский язык преподается в высших учебных заведениях 58 стран и в средних учебных заведениях 34 стран. Эта тяга к русскому языку отчасти объясняется и тем, что, по данным ЮНЕСКО, около половины литературы по различным отраслям знаний издается на русском языке. Все эти данные, приведенные в докладе «Русский язык в современном мире» директором Научно-методического центра русского языка В. Г. Костомаровым, не могут не радовать. Но в практической и теоретической деятельности русистов мира наряду с такими успехами есть немало и трудностей, актуальных проблем. Их обсуждению и была посвящена конференция МАПРЯЛ.

Программа конференции была очень насыщенной и обширной. Основная работа проводилась в пяти секциях:

Секция методики и психологии обучения иностранному языку; председатели: профессор, доктор Ф. Малирж (ЧССР) — методика; доктор филоло-

гических наук А. А. Леонтьев (СССР) — психология.

Секция типов учебников и учебных пособий; председатель — профессор А. Менац (СФРЮ).

Секция аудио-визуальных средств и программирования в обучении языку; председатель — доктор В. Джеймс (Великобритания).

Секция лингвистических основ описания русского языка как иностранного; председатели: профессор, доктор К. Габка (ГДР) — общие вопросы лингвистической теории; доктор С. Сятковский (ПНР) — вопросы аспектного описания.

Секция литературоведения и страноведения в обучении языку; председатели: профессор, доктор С. Русякиев (НРБ) — литературоведение; доктор А. Шмид (Австралия) — страноведение.

За время работы конференции были организованы три встречи за круглым столом. Первая была посвящена учету родного языка при обучении русскому языку, вторая — русскому языку в современном мире и третья — учету специальности в обучении русскому языку.

Всего на конференции было прочитано 180 докладов; в дискуссиях приняло участие 87 человек; более 50 человек выступило во время встреч за круглым столом. Академик В. В. Виноградов прочитал участникам конференции лекцию об учении академи-

ка Л. В. Щербы, а профессор А. С. Мясников — «В. И. Ленин и эстетическая мысль XX века».

Мысли основных докладчиков на секции методики и психологии можно суммировать следующим образом. Наиболее успешному овладению иностранным языком во многом содействует не только сообщение определенных сведений о языке, но и активное освоение разговорной и письменной речи. Поэтому работу над языком необходимо сочетать с работой над речью. Выступавшие говорили о нецелесообразности пропаганды какого-то одного-единственного метода преподавания языка. Были выделены некоторые недостатки и пробы в современной методике преподавания русского языка как иностранного. В частности говорилось об отсутствии научно обоснованных различных приемов и методов обучения, о недостаточной разработанности теории монологической речи, а также речи письменной, о совершенно неудовлетворительной работе по обобщению опыта мировой русистики, что неизбежно приводит к дублированию исследований и экспериментов.

На секции типов учебников и учебных пособий основная дискуссия развернулась вокруг проблем общей теории учебника. С конкретными предложениями по созданию учебника для средней школы выступили И. Кошараш (ВНР), Ш. Сухээ (МНР), К. Байор (ПНР), А. Менац (СФРЮ). Рассматривался также вопрос об учебнике русского языка для студентов технических вузов. Было обращено серьезное внимание на необходимость иметь общую для всего цикла обучения программу. Такая программа представляла бы собой основу для написания самых различных (как по методам, так и по целеустановке) учебников русского языка для иностранцев.

На секции аудио-визуальных средств и программирования в обучении языку обсуждалось применение печатных аудио-визуальных курсов с диафильмами и пластинками (магнитофонными записями), курсов с использованием кинофильмов и других аудио-визуальных пособий программированного обучения. В выступлениях Е. Чемодановой (СССР),

Я. Яцкевича (ПНР), М. Георгиевой (НРБ), П. Поляя (Франция), Д. Рикса и Б. Покни (Великобритания), Г. Макаровой (СССР) и других были сформулированы основные принципы построения таких курсов.

Внимание русистов многих стран привлекли проблемы, обсуждавшиеся на секции лингвистических основ описания русского языка как иностранного. Здесь было заслушано 87 докладов и сообщений. На секции выступили ведущие советские и зарубежные ученые.

Плодотворной была работа секции литературоведения и страноведения в обучении языку. Что касается страноведения, то по этому вопросу выявились две основные точки зрения. По утверждению одной группы выступающих, в страноведение входит любая научная дисциплина, имеющая СССР в качестве своего предмета. Вторая точка зрения заключается в том, что страноведение неразрывно связано с языком и, следовательно, обучение языку нель-

зя отрывать от изучения материальной и духовной культуры народа. Сторонники двух этих точек зрения согласились, что их взгляды не противоречат друг другу, а, напротив, дополняют друг друга.

На подсекции литературоведения большинство выступающих говорили о том, что литература может использоваться и как учебный материал при работе над языком, и в качестве самостоятельного предмета. Такой подход к литературе требует более четкого разграничения и в разработке методических вопросов, возникающих в преподавательской практике.

Во время встречи за круглым столом обсуждались вопросы сопоставления родного и русского языка в качестве прикладной, методической проблемы, а также результаты конкретной исследовательской работы по такому сопоставлению.

Встреча, посвященная роли русского языка в современном мире, имела информационный характер. О преподавании русского языка в своих странах рассказали представители Франции, ФРГ, Австралии, Дании, НРБ, ПНР, ЧССР, ДРВ, ГДР и другие. Многие выступавшие говорили и о так называемой «особой трудности» русского языка, причем этот взгляд подвергся всесторонней и убедительной критике.

На заключительном пленарном заседании участники конференции единодушно приняли Обращение к преподавателям русского языка и литературы всех стран мира в связи с празднованием 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (печатается полностью в этом номере журнала) и Резолюцию Первой конференции МАПРЯЛ, в которой были подведены, кроме политических и организационных, и научные результаты деятельности МАПРЯЛ и ее Первой конференции. В Резолюции отмечается, что уровень методической и лингвистической мысли в области обучения русскому языку иностранцев значительно вырос. Были сформулированы основные задачи, стоящие перед русистами мира. К их числу относятся:

— дальнейшее повышение эффективности преподавания и разработка системы конкретных методов и приемов обучения применительно к различным целям и задачам преподава-

ния русского языка как иностранного; — создание на научной основе дифференцированных систем стабильных учебников и учебных пособий;

— теоретическая разработка «основного русского языка» как единой лингвистической базы для преподавания русского языка и создание учебных пособий: теоретическое обоснование и описание активного аспекта грамматики и словаря языка;

— разработка теории и практики страноведения как необходимой составной части обучения иностранцев русскому языку и литературе;

— широкое обобщение опыта преподавания русского языка и литературы в различных странах мира и организация действенной координации научно-методической работы в области русистики.

Участники конференции выразили мнение, что в настоящее время ощущается настоятельная потребность в создании в СССР специализированного Института русского языка для иностранцев, который мог бы обеспечить не только научно-методическую и координационную работу, но и практическую подготовку и повышение квалификации иностранных русистов.

Участники конференции выразили уверенность, что благородная деятельность русистов всех стран, объединенных Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы, будет и в дальнейшем служить упрочению дружбы и взаимопонимания между народами и укреплению мира во всем мире.

В. А. ЕРЕМИН

А. И. ГЕРЦЕН О РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Место Герцена в истории русского освободительного движения и в истории развития русской критической и эстетической мысли с исчерпывающей ясностью определил Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России»: «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его „Колокол“ помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» (Полное собрание сочинений. Т. 25, стр. 93—94).

Взгляды Герцена на литературу и искусство, на историю русского языка и различных его стилей явились логическим продолжением и развитием на новом этапе наиболее прогрессивных сторон русской критической и научной мысли, традиций декабристов, Пушкина, Белинского.

Происхождение русского литературного языка и та роль, которую сыграл старославянский язык в процессе образования и развития русской литературной речи, — эти проблемы издавна интересовали русское общество. Особенно остро обсуждался этот вопрос в эпоху подъема национального самосознания. Не случайно декабристы с их революционным пониманием задач литературы и прогрессивными взглядами на историческое прошлое России много внимания уделили древнейшим эпохам в развитии русского литературного языка, подчеркивая национальное, русское обличье старейших памятников нашей письменности.

Глубокий интерес к истории русского народа, к истории развития его самосознания, его революционных идей заставил Герцена обратить внимание на историю русского литературного языка как важнейшую сторону русской национальной культуры.

Наиболее интересные замечания о различных периодах развития русского литературного языка мы находим в трудах Герцена «О развитии революционных идей в России» и «Русский народ и социализм» (1851). Первая работа вышла одновременно на французском и немецком языках и познакомила европей-

ского читателя с русской историей в самом широком значении этого слова. Внимательный читатель мог среди многочисленных сведений об истории, социальном движении, о литературе встретить и замечания о языке. Герцен задумывается над начальным этапом формирования и развития русского литературного языка, напоминает о роли церкви в этом процессе, указывает на особый и явно не чисто старославянский язык ряда древнейших жанров нашей письменности: летописей, дипломатических и гражданских актов.

«Греко-русская церковь, — писал Герцен, — удержала особый язык, составившийся из разных южных славянских наречий; народный язык не был еще выработан. Летописи, дипломатические и гражданские акты излагались языком, занимавшим середину между церковным языком и языком народным и приближались больше то к одному, то к другому, смотря по общественному положению автора». Таким образом, Герцен говорил о существовании двух вариантов литературного языка Древней Руси: старославянского и русского. И этот русский язык, по мнению писателя, отличается не только большой красотой, но и носит очевидные следы долгого обращения и многовекового предшествующего развития. Подобное разграничение русского и старославянского языков ведет свое начало от Ломоносова. Герцен считает важным сообщить об этом своим зарубежным читателям.

Борясь за самобытное развитие русской культуры, передовые представители русского общества всегда подчеркивали устойчивость русского языка в отношении насильственных иноязычных влияний. Так, Бестужев в 1822 году писал о нашем языке: «Владычество татар впечатлело в нем едва заметные следы» (Взгляд на старую и новую словесность в России). Пушкин, возражая Лемонте, говорит: «Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину в русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши в течение двух веков, стояя под татарским игмом, на языке родном молились русскому богу... едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Воины литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка...» (О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова).

В статье «Русский народ и социализм» Герцен тоже подчеркивает самобытность развития славянства и славянских языков, в частности русского языка: «Зависимость, в которой так часто находились они [славяне. — Г. Ш.], большей частью выражалась только в признании чуждого владычества и во взносе дани. Таков, например, был характер монгольского владычества в России. Та-

ким образом славяне сквозь длинный ряд столетий сохранили свою национальность, свои нравы, свой язык».

Одним из наиболее бурно протекавших периодов в истории русского литературного языка была первая треть XVIII века. Петровская эпоха характеризовалась не только дальнейшей демократизацией русской литературной речи, широким и свободным включением в обиход письменности живых разговорных и диалектных форм, но, что прежде всего бросалось в глаза, — потоком заимствованных слов и выражений, хлынувших в наш язык.

Борясь за национальную основу русской культуры, декабристы критически относились к большинству заимствований Петровской эпохи, часто не без основания считая их формами, не обогатившими, а засорившими русский язык. Так, Кюхельбекер в своей лекции о русской литературе и русском языке, прочитанной в 1821 году в Париже, заметил: «...мы не теряем надежды очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I из трех последних языков» (имеются в виду латинский, немецкий и французский языки. — *Г. III.*). Та же мысль высказана А. Бестужевым: «От времен Петра Великого, с учеными терминами, вкралась к нам страсть к германизму и латинизму, ... теперь только начинает язык наш отрясать с себя пыль древности и гремушки чуждых ему наречий».

Пушкин, трезво относившийся к проблеме языковых заимствований, также обратил внимание на пестроту и неупорядоченность русского литературного языка Петровского времени. «В царствовании Петра I начал он [русский язык. — *Г. III.*], — пишет поэт, — приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей...».

Общеизвестна борьба Белинского за чистоту русского языка. Однако прямолинейное стремление безоговорочно отбросить заимствования чуждо Белинскому. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» критик, отстаивая право употребления в русском языке ряда иноязычных терминов и интернационализмов, писал: «Если бы употребление в русском языке иностранных слов и было злом, — оно зло необходимое, корень которого глубоко лежит в реформе Петра Великого...».

А. И. Герцен.
Портрет работы
А. Л. Витберга. 1835

Герцен, владевший рядом новых западноевропейских языков и классическими языками древности, был ревнителем разумной чистоты и ясности русской литературной речи, боролся против псевдонаучного схоластического жаргона и жаргона правящих классов. Так, о литературе времен Екатерины II Герцен говорит: «До ее царствования замечается подготовительная работа; язык приспосабливается к новым условиям существования, в нем кишат немецкие и латинские слова».

Саркастически пишет Герцен о бюрократической терминологии, подчеркивая при этом социальный смысл явления: «Наши чины немецкие, их даже не потрудились перевести на русский язык: коллежские регистраторы, канцеляристы, актуариусы, экзекуторы — все это еще остается, чтобы поражать слух крестьян и возвеличивать достоинство разных писарей и других конюхов бюрократии».

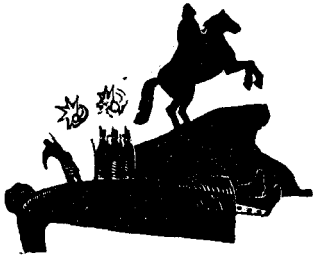
А. И. Герцен, кратко характеризуя развитие нашей литературной речи в Петровскую и допетровскую эпоху и замечая, что русский язык «становился более естественным и более соответствующим духу нации», подчеркнул: «Первый русский, который с талантом пользовался этим языком, был Ломоносов».

Одной из важнейших сторон деятельности Герцена было его писательство. Поэтому-то с таким пристальным вниманием вглядывался Герцен в историю «первозлемента» родной литературы — русского языка, языка, по его словам, гибкого и могучего, способного «выражать и самые отвлеченные идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французского остроумия».

Г. И. ШКЛЯРЕВСКИЙ,
доцент Харьковского государственного
университета

Трудных наук нет, есть только трудные изложения, то есть непереваримые. Ученый язык — язык условный, под титлами, язык стенографированный, временной, пригодный ученикам; ...доктринеры до того привыкают к уродливому языку, что другого не употребляют, им он кажется понятен, — в старые годы им этот язык был даже дорог, как трудовая копейка, как отличие от языка вулгарного. По мере того, как мы из учеников переходим к действительному знанию, стропила и подмостки становятся противны, — мы ищем простоты.

А. И. Герцен. Былое и думы

КОНТРАСТЫ В ЯЗЫКЕ А. И. ГЕРЦЕНА («БЫЛОЕ И ДУМЫ»)

По глубине философских мыслей, значительности изображенных исторических событий, по богатству фактов общественной и личной жизни, по остроте полемических вопросов «Былое и думы» А. И. Герцена представляют явление исключительное в русской и мировой литературе. Богатству идейного содержания соответствует и блестящая форма изложения. И. С. Тургенев писал, что воспоминания написаны «слезами и кровью: это горит и жжет... И сколько искренности и теплоты при всем фейерверчном блеске... Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: живое тело». По словам А. М. Горького, язык Герцена «исключителен по красоте и блеску».

Продолжая реалистические традиции Пушкина и Гоголя, Герцен спо-

собствовал дальнейшему развитию и усовершенствованию русского литературного языка. «Главный характер нашего языка,— писал Герцен,— состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, „жизни мышья беготня“, крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть». В языке «Былого и дум» особенно ярко проявилось высокое мастерство Герцена-стилиста.

Язык мемуаров — это прежде всего сочетание различных стилей: художественного, публицистического, научного и разговорного. Переплетаясь, они образовали герценовский стиль с его неповторимым своеобразием и резкой индивидуальностью.

В стиле мемуаров ярко выразилась личность самого писателя, его понимание и видение мира, его любовь и ненависть, сострадание и гнев, горечь и смех. Присутствие автора чувствуется на каждой странице. Он стоит за каждой фразой, негодующий, страдающий, убийственно пронизывающий, гуманный и страстный, чуткий, отзывчивый и эмоциональный.

Философские мысли, исторические события, факты общественной и личной жизни Герцен изложил увлекательно, живописно, искренне и сердечно, порой с поразительной доверительностью. Философские

раздумья и теоретические обобщения сопровождаются лиризмом и эмоциональностью изложения. Многие страницы написаны «слезами и кровью» так, как «писать умел он один из русских» (И. С. Тургенев).

Современники Герцена вспоминали, что вообще в своей речи он часто использовал контрасты. Известный критик и публицист П. В. Анненков отмечал, что в языке Герцена в необычайной степени была развита «способность к поминутным, неожиданным сближениям разнородных предметов».

Контраст как художественный оборот речи, с помощью которого сопоставляются резко противоположные начала, был излюбленным стилистическим приемом Герцена. Он служил писателю для полного

раскрытия сущности предмета и его более точного определения. Герцен обращался к контрасту, когда объяснял, определял и оценивал лицо, предмет, явление, событие, действие. С помощью контраста он выражал свою мысль яснее, изображал картины живописнее, делал речь динамичнее и образнее. Он использовал контрасты, когда шутил, смеялся, тонко пронизировал и саркастически бичевал. Для выражения контрастности служили различные грамматические категории. Герцен смело сочетал слова, значение которых резко противоположно: «К тишине и совершенной воле в клетке привыкаешь быстро»; «В монахе, каких бы лет он ни был, постоянно встречается и старец и юноша».

К этому приему Герцен обращался и в том случае, когда стремился подчеркнуть значимость одного из сочетаемых слов, из которых одно, противоположное по своему значению, подчеркивает смысл другого слова и заостряет на нем внимание: «Княгиня шнуровала вместе с галией и душу». Иногда Герцен соединяет слова, контрастные по смыслу, для обозначения одного понятия: «Я никогда прежде не видал этого мифического брата-врага».

Сочетание слов, противоположных по значению, применяется для выражения времени, возраста и определения рода занятий: «Так проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днем»; «Да, в жизни есть пристрастие к возвращающемуся ритму, к повторению мотива: кто не знает, как старчество близко к детству?».

Герцен смело, порой дерзко сочетает слова, обозначающие различия в социальном положении людей. В одних случаях такое сопоставление таит в себе едва приметную иронию, в других пронизано едким, убийственным сарказмом. Так в одном ряду оказались *пятишки* и *генералы*, действия которых в определенной ситуации оцениваются как бы на равном основании. И только один тонкий штрих едва уловимой иронии указывает на их различие: у пятишек просто «разговор», в то время как у генералов «беседа». Однако принципиальной разницы в них не оказалось: и

то и другое в равной степени помогло юному Герцену горько осознать свое положение незаконного сына в доме отца.

В другом месте он вспоминает, как однажды во Владимире видел одного пологого «с тем ухарским пробором и отчаянным виском, которым отличались прежде одни русские половые, а теперь — *половые* и *Людвиг-Наполеон*». Неожиданное сопоставление пологого из провинциального русского трактира и Людовика-Наполеона, императора Франции, Герцен использует для того, чтобы высмеять установленную иерархию в социальном положении людей, которых он вопреки обычаю оценивает только по их личным качествам.

Прием контрастности в мемуарах служит средством для выражения иронии самых различных оттенков. Говоря о «государственных доктринах, явившихся в конце александровского царствования», писатель свидетельствует, что они «так усердно занимались отечественной историей, что не имели досуга заняться серьезно *современностью*». Характеризуя министра народного просвещения С. С. Уварова, Герцен пронизывает: «Он удивлял нас своим многоязычием и разнообразием всякой всячины, которую знал; настоящий сиделец за прилавком просвещения, он берег в памяти образчики всех наук, их казовые концы или, лучше, *начала*».

В некоторых предложениях встречаются группы нарных сочетаний контрастных слов: «С этой минуты *гнев* и *милость*, *смех* и *крик* Кетчера раздаются во все наши возрасты, во всех приключениях нашей жизни»; «Людам хотелось бы все сохранить: и *розы* и *снег*; им хотелось бы, чтобы около *спелых гроздьев винограда* вились *майские цветы*». Таким образом, из комплекса явлений или от предмета в целом Герцен берет не только отдельные контрастные части, но наиболее характерные групповые звенья, противоположные по значению. Анафоричность подчеркивает контраст и делает выражаемую мысль образнее и рельефнее.

Прием контрастности характерен для Герцена и в подборе глаголов.

Он часто сочетает антонимичные глаголы, что придает фразе живость и экспрессивность. Он обращается к глаголам-антонимам в тех случаях, когда указывает на резкий поворот действия, влекущий за собой неожиданный результат: «Я... убедился еще больше, что *ездить* совсем *не нужно*, и *поехал* на другой день»; «...если так, я и *читать не стану*,— и *стал читать*». Здесь все: порядок слов, повторяющиеся глаголы, союзы, отрицание — организованы в две группы, смысловое значение которых резко противоположно.

Антонимичные глаголы в одной фразе вскрывают истинную сущность действия. Один глагол называет действие, другой же, противоположного значения, раскрывает его настоящий смысл: «У моего отца был еще брат, с которым он и Сенатор находились в открытом разрыве; несмотря на то, они *именем управляли* вместе, то есть *разоряли* его сообщца». Глаголы-антонимы наблюдаются при описании ситуаций, насыщенных действиями стремительными, порой противоречивыми, исключаящими друг друга: «Когда он дошел до залы и *уселся*, тогда надобно было *встать*». Непоследовательность и абсурдность действий царя Николая против университета выражена при помощи глаголов-антонимов: «Он *велел* студентов одеть в мундирные сертуки, *велел* им носить шпагу, потом *запретил* носить шпагу».

Говоря об эмоциональном состоянии и сложном процессе переживаний, Герцен обращается к парным глаголам-антонимам с отрицанием или без отрицания, однокоренным или разных корней: «Раз, длинным зимним вечером в конце 1838, сидели мы, как всегда, одни, *читали* и *не читали*, *говорили* и *молчали* и молча продолжали говорить».

Любопытно, что в отдельных случаях сочетаются такие глаголы, значение которых не только контрастно, но и вообще далеко друг от друга. Например, описывая бурю во время своей переправы через Волгу, Герцен вспоминает, как перевозчик-татарин беспокоился за судьбу казенного дощаника и в страхе повторил: «„Ну, вот потонет, что мне

будет!“ Я его утешал, говоря, что и он тогда с дощаником потонет». Сочетание глаголов *утешать* и *потонуть* в данной ситуации алогично (утешать человека тем, что он потонет?), однако достигает цели: оно подчеркивает запуганность перевозчика (страх перед началом в нем сильнее страха смерти).

Прием контрастности особенно часто используется в определениях, неожиданно смелых, ярких, порой предельно точных, придающих фразе свежесть, блеск, образность и необычайную живоприродность. Кроме своеобразной характеристики предмета, в них выражена и личность самого писателя, показано его понимание окружающего мира.

Обращают на себя внимание оксюмороны (сочетания противоположных по смыслу слов), характерные для языка Герцена: «Это не отчаяние, не старчество, не холод и не равнодушие: это — *седая юность*». Желая дать точное определение возрасту, писатель ищет нужное слово, отрицает его, подбирает новое, снова отрицает и наконец находит неожиданный эпитет, значение которого резко противоположно определяемому слову, но образно, колоритно и верно. «Ничего нет легче, как с высоты *трезвого опьянения*... осуждать пьянство»; «Вовсе не глупая, она была полна *ледяной восторженности* на словах»; «*Молодой старик* А. И. Тургенев»; «*Звучная немота*».

Контрастные определения встречаются и в тех случаях, когда речь идет о разных предметах. Сопоставляя свое раннее литературное произведение «Записки одного молодого человека» с мемуарами «Былое и думы», Герцен писал, что «их (*Записок*).— В. В.) *утреннее освещение* нейдет к моему *вечернему труду*».

Герцен придавал большое значение контрастным определениям и широко использовал их не только в общей ткани повествования, но и в названиях отдельных глав мемуаров, например, главы XV 2-й части: «Хищный полицмейстер. Жареный исправник. Равноапостольный татарин. Мальчик женского пола. Картофельный террор». За неожиданными, но выразительными на-

НАРОДНАЯ РЕЧЬ В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА

Творческое наследие, литературно-критические статьи и письма Н. А. Некрасова дают довольно полное представление о его взглядах на язык и стиль художественных произведений. Значительное внимание Некрасов уделяет вопросам формы. В стихотворении «Подражание Шиллеру» («Форма»), почти целиком афористическом, поэт говорит:

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

.....
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Н. А. Некрасов всю жизнь изучал и превосходно знал народную речь — крестьянскую и устно-поэтическую, восхищался меткостью и образностью, остротой и точностью народных слов и выражений. Из многочисленных свидетельств этого можно привести известные стихи из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —

.....
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Некрасов был, по словам Н. Г. Чернышевского, «создателем совершенно нового периода в русской поэзии». Его поэтические произведения воп-

званиями стоит горькое повествование о мрачном произволе, невежестве, нищете и нелепостях в жизни.

Роль контрастных определений в языке мемуаров чрезвычайно разнообразна. Помимо точного и образного определения предмета, они дают ему оценочную характеристику. Например, повар Алексей «меня любил и часто, фамильярно трепля меня по плечу, говорил: „Добрая ветвь испорченного дерева“».

Контрастные определения придают фразе яркую эмоциональную насыщенность — от нежных доверительных нот до убийственной

иронии. «Странное дело, это печальное время осталось каким-то горьжественным в моих воспоминаниях», — писал Герцен о Москве 1831 года. Едкой иронией пронизана фраза, сказанная крепостным поваром Алексеем княгине Трубецкой: «Какая непрозрачная душа обитает в вашем светлейшем теле».

В качестве определения чаще всего выступают полные прилагательные: «... пышные сени, ведущие в скромное жильё».

Герцен умеет мастерски использовать определения, выраженные прилагательным одного корня: «Гумбольдт, возвращаясь с Урала, был встречен в Москве в торжест-

лотили в себе лучшее языковое наследие самых ярких писателей прошлого, а также новые прогрессивные тенденции в развитии русского литературного языка.

Народная тематика произведений Некрасова, определяемая изображением угнетенного крестьянства и городских низов, вызвала к жизни новый литературный стиль, широко использующий живой народно-разговорный и устно-поэтический язык. По сравнению со своими предшественниками Некрасов более глубоко и последовательно пользуется народным языком. Слова и обороты из живой народной речи становятся у него не только сильным средством индивидуализации и типизации речи персонажей, но нередко включаются в авторскую речь на правах литературных слов.

Заметный слой в лексике произведений Некрасова образуют меткие и точные слова-диалектизмы, характеризующие крестьянскую речь северных губерний (Ярославской, Костромской, Новгородской и др.) и не нарушающие принципа общепонятности и доходчивости языка. Например: баенка — 'баня', варнак — 'беглый каторжник', жнея, наян — 'нахал' кочень, косуля — 'соха', плетюха — 'корзина для сена', лихой — 'злой', неурядливая — 'перашливая, непроворная', удоволить — 'угостить вдоволь', вестимо, николи — 'никогда' и др. Встречаются фонетические и морфологические диалектизмы: адмирал, епутат, дохтур, пролубь, вострая, сглонуть, куды, те-перича и т. п.

Наряду с разговорно-просторечными и областными словами богатое отражение нашла в творчестве художника лексика и фразеология, ограниченная в своем употреблении социальной средой, — профессионализмы и арготизмы. Некрасов с великолепным мастерством воспроизводит специфические речевые особенности самых разных социальных групп: чиновников, служителей церкви, биржевиков и дельцов-плутократов, арготизмы охотников и любителей карточной игры.

Разнообразны проявления народного языка в синтаксисе. Народноразговорная окраска свойственна многим типам односоставных предложений, например безлично-инфинитивным: к чему повторять; «Не мне б эту яму копать!.. Не Проклу бы в ней почивать...»; «Любить-голубить некому,

венном заседании общества естествоиспытателей при университете, членами которого были разные сенаторы, губернаторы, — вообще люди, не занимавшиеся ни естественными, ни неестественными науками».

В контрастном сочетании довольно часто встречаются краткие прилагательные, которые, являясь сказуемыми, сохраняют оттенок определительного значения: «Слова его были грубы, но чувства нежны, и

мы бездну прощали ему»; «Он был молчалив, задумчив, я резок».

В качестве определения в языке мемуаров использованы сложные прилагательные, образованные от разных корней, далеких по своему значению: «Прежде нежели я оставлю эти казарменно-фламандские картины... скажу несколько слов об офицерах».

Кандидат педагогических наук
В. Н. БАЧЕРИКОВА

ЧТО ЧИТАТЬ

«А. И. Герцен в русской критике». М., 1953

В. А. Пути н ц е в. Герцен-писатель. М., 1952

Я. Э л ь с б е р г. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1963

«Кому на Руси жить хорошо»

Фрагмент лубочной картинки; хромотография, изд. И. Д. Сытина, 1902

звучающего частицами: *«Знай рубит,— не чувствует стужи...»; «Качать его! И ну качать».* Частица может выступать и в роли самостоятельного сказуемого: *«Он тебе все, что полюбится,— на!».* Из народно-разговорного синтаксиса — предложения с несогласованными сказуемыми: *«Мне зять — плевать, и дочь смолчит. Жена — плевать, пускай ворчит!».*

Стилю Некрасова свойственны разнообразные повторы как отличительная черта экспрессивного народно-разговорного и народно-поэтического синтаксиса. Повторяются одни и те же слова или слова однокоренные; при этом они могут быть оторваны друг от друга: *«Вытечет, вытечет за ночь вся наша матушка-рожь»; «Ну, трогай, саврасушка! трогай!»;* хочешь не хочешь, гулять-погуливать, жни-дожинай, ревя-ревет и т. п. Примыкает к повтору употребление двух синонимических слов рядом (путь-дороженька, тоска-беда, поет-звенит) и использование несинонимических слов в качестве синонимов (фрукты-ягоды, гуси-лебеди, поет-зовет).

Народно-разговорная струя некрасовского синтаксиса видна еще в одной особенности его индивидуального стиля — в стремлении непосредственно передать чужую речь со всеми ее оттенками, драматизировать ее. Прямая речь, диалог, форма сказа, перебиваемого репликами персонажей, песни и плачи — все эти элементы резко отличают лирику Некрасова от поэзии его предшественников. Свообразна прямая речь без вводящих слов: *«...(прогнали тут гусей; три затомилися, мужик их нес подмышкою: „Продай! помрут до городу!“.* Купили ни за что»).

Таким образом, Некрасов смело вводил в свои стихотворные произведения народную речь в самых разнообразных ее проявлениях. Но поэтический язык Некрасова не какой-то особый, простонародный язык. Это обще-

А есть кому журить!». Близи к устно-поэтическим по форме и содержанию императивные определенно-личные предложения с эмоциональными обращениями, иногда пунктуационно не выделенными. В поэме «Мороз, Красный нос»: *«Зверь на меня не кидайся! Лих человек не касайся...»; «Белые руки, не пойте!»;* «Сплесни, ненаглядный, руками, Сокольным глазом посмотри...».

У Некрасова много фразеологизированных конструкций народного характера: *«Сон мой был в руку, родная!»;* «Горит под ногами трава!». Встречаются сказочные обороты и построения с элементами пословиц, поговорок: *«Шли долго ли, коротко ли, Шли близко ли, далеко ли...»; «Рассыпался горох На семьдесят дорог»; «Уж налились колосики. Стоят столбы точеные, Головки золоченые...».* Характерно осложнение ска-

«Песня»

Лубочная картинка; литография изд. И. А. Гольщера, 1863

народный русский язык со всем богатством его словарного состава, грамматических и выразительных средств, исторически сложившихся на протяжении многих веков. Главная стихия в нем — не узкоместные и социально ограниченные слова и выражения, а общенародный словарный запас и грамматический строй. Значит, народность языка поэта-демократа заключается прежде всего в сближении языка поэзии с общенародным разговорным языком во всех его разновидностях.

Некрасов разнообразно и широко использует слова «низкого стиля», «прозаизмы», если они необходимы для реалистического изображения действительности. Таковы наименования предметов деревенского быта: говядина, картофель, сало, квас, армяк, балахон, коровы, поросята, свиньи и т. п.

«Прозаичность» — это лишь одна из особенностей поэзии Некрасова. Как справедливо замечает К. И. Чуковский, было бы ошибкой считать, что поэт всегда стремился к сближению высокой поэтики. Определяя некоторые особенности стиля художника, Чуковский показывает, как Некрасов по-разному подходил к совершенствованию формы произведений различных жанров. Если в сатирах и стихотворных новеллах поэт последовательно снижает высокую романтическую лексику и фразеологию, то в произведениях высокого, патетического стиля, когда прозаизмы не соответствовали теме, они устранялись из стихов и заменялись книжно-поэтическими словами и оборотами. Таковы: божество, дань, зрелище, отрада, пафос, возделанный, понести свой крест и т. п. Особой эмоциональностью и лиризмом отмечены традиционно-поэтические слова, употребляемые в описаниях природы, человеческих чувств и переживаний: лазурь, нега, грезы, обаяние и др.

Важен вывод К. И. Чуковского о гибкости и подвижности некрасовского стиля, обусловленного огромным разнообразием его художественного творчества. Здесь необходимо подчеркнуть, что даже независимо от идейно-те-

«Прямо к станции летит»
Лубочная картинка; литография, изд. И. А. Голышева, 1868

матических и жанровых особенностей произведений поэтическому творчеству Некрасова в целом присуще слияние разнородных стилистических элементов, которые, сочетаясь и взаимодействуя, создают совершенно новый сплав — неповторимый некрасовский стиль. Элементы этого стиля следующие: 1) литературный язык, в том числе язык традиционно-поэтический; 2) разговорная речь разночинной интеллигенции; 3) публицистический и журнально-газетный стили; 4) живая и меткая речь крестьянства; 5) городское просторечие; 6) язык фольклора. Все эти речевые разновидности влились в стихотворные произведения Некрасова, раздвинув границы литературного языка.

Индивидуальные особенности стилистической манеры Некрасова создавались также благодаря талантливому, творческому применению богатых изобразительных и выразительных ресурсов общенародного русского языка.

Некрасов охотно использует смысловую многогранность слова, всю гамму его значений и оттенков, сталкивает основное и производное, прямое и переносное значения, придает слову неожиданное осмысление. Иногда при выражении иронии и сатиры слово приобретает совершенно противоположный смысл. На этом приеме целиком построено стихотворение «Современная ода»:

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов...

В результате индивидуально-авторского переосмысливания слово может наполниться социально-обобщающим содержанием. Показательны в этом отношении собственные имена в значении нарицательных: корега (жители деревни Кореги), вахлачина, корежина и т. п., а также характерологические наименования губерний, волостей, уездов, деревень: Подтянутая, Пустопорожня, Заплатово, Дырявино и др.

Некрасовскому стилю свойственно употребление «значащих» личных имен и фамилий, несущих в себе авторское отношение к персонажам. Это, с одной стороны, сатирические имена и клички (Шкурии, Антихристов, Зацепа, Грош, Хватунов), а с другой — личные имена крестьян с суффиксами субъективной оценки, в которых звучит особая задушевность и теплота (Дарьюшка, Еремушка, Гришуха, Машутка, Ванечка, Митенька).

Важная роль в арсенале изобразительных средств Некрасова принадлежит точным, конкретным и народным эпитетам и сравнениям. Значительный слой составляют народно-поэтические постоянные эпитеты: горькая вдова, голубчик сизокрылый, ясные очи, белые руки, сахарны уста, пав-невеста, соколик-жених, моря-окияны и т. п. Но гораздо больше эпитетов нетрадиционных, социально окрашенных, субъективно-эмоциональных. Например, народ наделяется такими эпитетами: несчастный, бедный, угнетенный, неутомимый, народ-раб, народ-герой, народ-богатырь и т. д. Для угнетателей поэт находит эпитеты, полные гнева и ненависти, иронии и сарказма: лоб медный, полумертвецы, подлецы, обжора, ходячие гробы, хищников алчная стая и др.

Своеобразие Некрасова в отборе и стилистическом использовании эпитетов определяется в какой-то мере небольшой группой излюбленных эпитетов, органически связанных со всем его творчеством. К ним К. Чуковский относит всего лишь несколько, вроде: угрюмый, унылый, роковой, суровый, пошлый, озлобленный. Но не меньшее значение для индивидуального стиля поэта имеют те свежие и неповторимые эпитеты, которые воспринимаются как собственно некрасовские. Сюда относятся эпитеты, характеризующие музу Некрасова: плачущая, скорбящая, болящая, жаждающая, просящая, гордая, кипящая злобой, сестра народа, муза мести и печали; метафорические эпитеты: всезяющая тишина, песня горькая, счастье мужицкое, дырявое, с заплатами, горбатое, с мозолями; эпитеты с лирической или сатирической окраской: песня-вьюга, солнце-дедушка, святое беспокойство, чистоплотный либерал, фразистая любовь.

Народность и социально-политическая заостренность присущи и сравнениям Некрасова. Художник часто применяет устно-поэтические отрицательные сравнения типа:

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

И обычные некрасовские сравнения близки к народным конкретностью и определенностью содержания. В них отражается жизнь и быт крестьянина, мир его понятий и представлений; некоторые из них прямо заимствованы из фольклора: «Я клубышком каталася, Я червышком свивалася...»;

«Смеется солнце красное, Как девка из снопов»; избушка одета снегом, «как саваном»; злые судьбы сравниваются с черными воронами; речь помещика — с мухой неотвязной и т. п.

Своеобразны развернутые гиперболизированные сравнения, создающие самостоятельную художественную картину. Таково сравнение весеннего солнца и облаков с играющими дедушкой и внуками в поэме «Кому на Руси жить хорошо», начинающееся стихами:

Весной, что внуки малые
С румяным солнцем дедушкой
Играют облака...

Поэзии Некрасова в высокой степени свойственна метафоричность как одно из ярких изобразительных средств. Многие некрасовские метафоры отличаются свежестью, новизной. Вспомним хотя бы образ царя-голода в «Железной дороге».

На метафоризации значений слов строятся аллегории и олицетворения. Вырубленный лес, дубы, пни в поэме «Русские женщины» аллегорически характеризуют светское общество после расправы царя над декабристами:

Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат.

Глубоким авторским лиризмом окрашены многие поэтические олицетворения, построенные на сближении предметов живой и неживой природы. Олицетворяются, например, ветер, солнце, море, цветы: «...ветер бился и ревел, Играя на реке»; «Ей солнце, море и цветы поют: „Да, это юг!“».

Богатый источник создания поэтических образов — лексическая синонимика. Народность — определяющая черта языка и стиля писателя в целом — присуща и синонимике. Важную роль здесь играют разговорно-просторечные и народно-поэтические синонимы. В пределах синонимических рядов наблюдаются не только смысловые, но и стилистические различия. Одни синонимы окрашены разговорной экспрессией, другие свойственны торжественной речи, третьи эмоциональны и т. п. Вот несколько рядов: ехать, лететь, мчаться, скакать; сказать, заметить, бросить слово; работа, труд; гурьба, толпа; Русь, отчизна, родина.

Многие синонимы с общественно-политическим содержанием раскрывают классовые позиции автора: помещик — суровый господин и наглец; царь — государь, император, мстительный трус, мучитель, палач. И напротив, в синонимах, называющих представителей поработленного народа, с помощью эмоционально-оценочных слов передается авторское сочувствие и сострадание: бедные крестьяне, бедняки, пахарь угрюмый и т. п.

Некрасов использовал в своем творчестве наиболее жизненные, типичные и самобытные средства общенародного языка. Он внес значительный вклад в литературное освоение неисчерпаемых богатств русского языка, в развитие его выразительных средств. Язык поэтических произведений Некрасова по своим художественно-эстетическим качествам — новое достижение многовековой национальной культуры слова.

М. Ф. ВЛАСОВ.
доцент Пермского университета

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
СОВЕТСКИЕ
ЛИНГВИСТЫ**

**Петр Саввич
КУЗНЕЦОВ**

(1899—1968)

Петру Саввичу Кузнецову принадлежит одно из видных мест в советской филологии. Он был ученым с необычайной широтой интересов, обладал не только энциклопедичностью знаний, но и целостным научным мировоззрением.

Родился П. С. Кузнецов в 1899 году на Дону, на Богодуховском руднике Усть-Хоперского округа. В одиннадцатилетнем возрасте его привезли учиться в московскую гимназию. Закончив ее в 1918 году, П. С. Кузнецов записался в университет, но был призван на военную службу. Вернувшись из армии в 1923 году, он поступил в университет и через 4 года окончил его. Одновременно Петр Саввич учился в Брюсовском литературном институте.

Окончив в 1930 году аспирантуру, П. С. Кузнецов работает в Научно-исследовательском институте языковедения и в ряде педагогических институтов. С 1939 года Петр Саввич преподает в МИФЛИ, а затем в МГУ имени М. В. Ломоносова, где и работает до последних дней жизни.

Ученая степень кандидата филологических наук была присвоена П. С. Кузнецову в 1938 году, а в 1947 году он стал доктором филологических наук.

Свою научно-исследовательскую деятельность П. С. Кузнецов начал

как диалектолог*. В поисках научных фактов Петр Саввич за двадцать лет ежегодных экспедиций исходил огромную территорию от Белого моря до южнорусских степей. Первые публикации П. С. Кузнецова посвящены русским говорам Севера. В «Отчете» Московской диалектологической комиссии за 1928 год он пишет о диалектологической экспедиции в Верхнюю Пинегу. Неоднократно переиздавался учебник П. С. Кузнецова «Русская диалектология» — для педагогических институтов.

Широкая научная общественность хорошо знает профессора П. С. Кузнецова как историка языка. Многие годы, еженедельно, как по расписанию, Петра Саввича можно было встретить в хранилище древних рукописей за чтением памятников письменности и старопечатных книг. Им написаны два учебника для вузов по исторической грамматике русского языка: первый — в 1953 году, второй (в соавторстве с В. И. Борковским) — в 1963 году (2-е издание — 1965), книга «Очерки исторической морфологии русского языка» (1959).

Меньше публикаций у Петра Саввича по проблематике современного русского языка, но все, кому посчастливилось слушать его лекции, беседовать с ним, защищать диссертацию

по любому вопросу современного русского языка, будь то морфология, синтаксис или лексика, с удивлением убеждались, что почти по каждому из самых частных вопросов у профессора Кузнецова своя, прочно обоснованная точка зрения. И сколько бы лет, и как бы тщательно ты ни работал над этим вопросом, Петр Саввич почти всегда заметит пропущенный тобою факт или заметку научно-библиографического характера.

Большое место в публикациях П. С. Кузнецова занимает история науки о русском языке. Это — небольшая книжка «У истоков русской грамматической мысли» (1958), статьи о грамматиках церковнославянского языка, о букваре Ивана Федорова, о М. В. Ломоносове, В. А. Богородицком, В. Н. Щепкине, множество рецензий, предисловий и примечаний к изданиям трудов отечественных и зарубежных ученых. Здесь проявилось глубокое понимание развития нашей науки.

Серия оригинальных исследований Петра Саввича Кузнецова посвящена сравнительной грамматике славянских языков. Он издал ценную книгу о праславянском языке — «Очерки по морфологии праславянского языка» (1961). Проследившая историю русского языка, Петр Саввич в своих исследованиях всегда отталкивался от праславянского состояния и рисовал развитие специфики русского языка на широком общеславянском фоне. В 1951 году Петр Саввич издал с комментариями и примечаниями свой перевод с французского «Le Slave Commun» А. Мейе, послуживший чрезвычайно важным стимулом для развития сравнительной грамматики славянских языков в последние годы. Примечания к изданию представляют такую ценность, что при цитации и ссылках зарубежные авторы обычно называют его «Общеславянский язык» Мейе-Кузнецова.

П. С. Кузнецов был одним из авторитетнейших знатоков сравнительной грамматики индоевропейских языков. И в этой области Петр Саввич имел свои оригинальные наблюдения, выводы, концепции, взгляды. Но, как и в других случаях, интерес к сравнительной грамматике индоев-

ропейских языков был в конечном счете подчинен одной цели — как можно лучше понять (через праславянский) историю русского языка, современного русский язык.

Профессор Кузнецов — один из немногих, кто мог охватить предмет своей науки, русский язык, в целом, посмотреть на него со стороны — со стороны общей теории о языке, со стороны многих языков, древнейших и новейших, реконструируемых языков и конструируемых машинных языков.

В курсе общего языкознания привлекали П. С. Кузнецова вопросы фонологии и грамматики, проблемы диахронии. И здесь он оставил нам серию замечательных публикаций, в том числе книгу «Морфологическая классификация языков» (1954). П. С. Кузнецова по праву считают одним из вдохновителей и основателей Московской фонологической школы, получившей всемирное признание.

Однажды во 2-ю аудиторию филологического факультета МГУ Петр Саввич привел известного математика профессора А. А. Ляпунова, который рассказал филологам о возможностях применения математических методов и вычислительной техники в лингвистике. Вскоре под редакцией П. С. Кузнецова выходит сборник «Машинный перевод» (1957), познакомивший наших читателей с состоянием проблемы в современной зарубежной науке. Петр Саввич стоял у колыбели нового научного направления — математической лингвистики. Консультируя и споря, он направлял и осторожно сдерживал, тактично и в то же время настойчиво советовал: «Да вы сначала посмотрите, что уже сделано до вас».

В работах профессора Кузнецова (их около 200) отражена лишь незначительная часть обширных познаний, широчайших научных интересов этого удивительного человека. П. С. Кузнецов хорошо знал классические языки и санскрит, славянские языки и современные западноевропейские, угро-финские, тюркские, некоторые африканские и палеоазиатские. На некоторых из этих языков он говорил, писал стихи, многие из них исследовал.

П. С. Кузнецов поражал глубокой и детальной осведомленностью

научной литературе — старой и новой, отечественной и зарубежной. Казалось, нет такой статьи, опубликованной в самых редких и труднодоступных изданиях, с содержанием которой он не был знаком. Вот почему Петр Саввич хорошо знал и прекрасно чувствовал поступательный ход научной мысли и по конкретной проблематике и по языкознанию в целом. И это давало ему возможность отсеивать временное от непреходящего, четко формулировать конкретные задачи, направлять свои

усилия и усилия учеников на наиболее важные и перспективные участки нашей науки.

Обширнейшие знания, широкие и разносторонние интересы не мешали Петру Саввичу быть скромным, обаятельным, добрым человеком. До конца своих дней этот ярко одаренный ученый сохранил чистую и юношески наивную душу, необыкновенную доверчивость к людям.

Профессор В. К. ЖУРАВЛЕВ

Донецк

В издательстве МГУ выходит из печати сборник «Язык и человек» (под общей редакцией В. А. Звегинцева). Он посвящен памяти крупнейшего ученого нашей страны профессора П. С. Кузнецова. Вводная статья рассказывает о жизни и деятельности П. С. Кузнецова. Дана библиография его работ по русскому языку, эстетике, по диалектологии и истории русского, польского, африканских языков. Авторы сборника — крупнейшие советские и зарубежные ученые.

ОБ ОСНОВНЫХ ЕДИНИЦАХ РЕЧИ И СЛОВЕСНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Лингвистика и литературоведение в наши дни слишком обособлены, представители одной из этих дисциплин по большей части имеют очень малое представление о другой. Между тем эти области должны бы быть тесно связаны, поскольку объектом изучения литературоведения в конечном счете является словесный материал. В прошлом сравнительно далеком и недавнем связь эта осуществлялась, причем именно литературоведение использовало методы и общие положения лингвистики, а не наоборот. Так, например, мифологическая школа в фольклоре широко использовала достижения только что складывавшегося в ту эпоху сравнительного языковедения, представители формальной школы (В. М. Жирмунский и др.) подвергали литературные произведения лингвистическому анализу, статья П. Г. Богатырева [в соавторстве с Р. О. Якобсоном. — *Примеч. ред.*] о фольклоре как особой форме творчества (см. сборник в честь Скрейнена — «Donum natalicum Schrijnen». Nijmegen — Utrecht, 1929), выдвигающая задачу синхронистической фольклористики, навеяна идеями Соссюра, а его же (Богатырева) монография, посвященная функциям костюма в Моравской Словакии, в основных идеях своих восходит к Пражской лингвистической школе, представители которой изучают в первую оче-

редь звуковую систему языка с функциональной точки зрения (см. «Funkcie kroja na Moravskom Slovensku». Turčiansky Sv. Martin, 1937).

Тот факт, что лингвистика оказывала воздействие на литературоведение, а не наоборот, объясняется тем, что лингвистика является наукой более точной. Литературоведение имеет своей задачей изучение литературного процесса, оно изучает генезис и развитие соответствующих явлений. Но нельзя говорить о том, что нечто как-то развивается, откуда-то пошло, без того, чтобы определить, что же есть, то есть с чем (с каким объектом) имеем мы дело. В определении того, что есть, мы должны исходить из каких-то внешних показателей, иными словами, из самого материала. Материалом является внешняя форма произведения. На нее особое внимание обратили в свое время формалисты. Ошибка их была в том, что они изучали только форму, но без формы обойтись нельзя.

Любое словесное произведение (как и любое произведение искусства вообще) представляет целостную систему, взаимообусловленную во всех ее частях. Но изучение произведения невозможно без расчленения этой системы и выделения слагающих ее элементов. Анализ структуры произведения в его отдельных элементах несколько не исключает анализа эстетического, психологического, социологического произведения в целом.

Александр Веселовский, исследовавший генезис основных категорий словесного творчества, пришел к необходимости определения основных единиц поэтического произведения. В решении проблемы определения элементарных единиц, подлежащих изучению, и их объединения в целостную систему, основной проблемы литературоведения, может помочь лингвистика и в первую очередь фонология. Речь идет об использовании общего метода исследования, а не только о приложении конкретных достижений лингвистики к анализу языка художественного произведения. Методы фонологии (теории фонем), изучающей звуки языка с точки зрения их функции и приводящей к понятию системы, то есть совокупности, все элементы которой взаимно связаны, представляющей нечто качественно отличное от суммы слагающих элементов, наиболее диалектической в силу этого среди остальных лингвистических дисциплин, могут быть использованы и в других лингвистических областях и даже за пределами лингвистики. <...>

В любом явлении мира мы можем выделить последовательно включающиеся друг в друга и в то же время качественно отличные друг от друга единицы разного порядка. Так, физическая картина мира представляет молекулы, распадающиеся на атомы, в свою очередь распадающиеся на ядро и электроны, причем как молекула качественно отлична от слагающих ее атомов, так атом качественно отличен от слагающих его ядра и электронов. Из единообразных элементарных частиц слагается все многообразие мира, качественно отличное от слагающих единиц. Точно так же и в языке и в

словесности — из немногих простых элементов складывается система любого языка и система словесного произведения.

Основные единицы речи и словесного произведения могут быть сведены к единой системе. Основные единицы речи, расположенные последовательно в направлении от низших к высшим, следующие: фонема (звук — дифференциатор значимых единиц речи) — морфема (значимая часть слова) — лексема (слово во всей совокупности его значений и форм) — синтагма (словосочетание, выражающее некоторое отношение) — предложение (слово или сочетание слов, выражающее предикативные отношения). Каждая единица низшего порядка входит в состав единицы высшего порядка (непосредственно соседней). Каждая единица высшего порядка разлагается на составные элементы — единицы более низкого порядка (непосредственно соседние). Несколько особые отношения между предложением и синтагмой должны быть оставлены в стороне. Означает ли это, что единицы различных порядков (кроме самой низшей — фонемы) делимы? И да и нет. Любая единица (кроме фонемы) может быть подразделена. Но при этом она теряет свое качество (свои отличительные свойства). Поэтому в каком-то отношении любая единица неделима, хотя и может быть подразделена.

Язык неразрывно связан с мышлением. Отсюда двусторонность любой единицы: каждая единица нечто выражает и как-то выражает (в какой-то форме). На это обратил внимание Соссюр, разграничивший *signifié* и *signifiant* [‘обозначаемое’ и ‘обозначающее’, в переводе П. С. Кузнецова — ‘выражаемое’ и ‘выражение’. — *Примеч. ред.*]. С этой точки зрения фонема, с одной стороны, — звук, а с другой — различитель значения (хотя сама по себе фонема и не значима). Морфема, лексема и т. д. выражают какое-то значение (являются значимыми единицами речи) и в то же время имеют какую-то форму. Но значение в свою очередь может быть двояким, хотя и не у всех единиц. Морфема имеет значение одного порядка (выражает некоторое отношение), но уже лексема имеет значение двух порядков — реальное (является выразителем некоторого понятия) и грамматическое (в ней выражена посредством известных морфем принадлежность слова к известному классу, отношение слова к другим словам и т. д.).

Имеет ли подобное двоякое значение предложение (а также синтагма)? Те значения предложения и его членов, которые мы рассматриваем в синтаксисе, являются по существу значениями грамматическими. Но у предложения есть и реальное значение, поскольку любое предложение выражает какую-то ситуацию. И вот, когда мы приступаем к изучению не грамматического, а реального значения предложения, мы переходим из лингвистики в литературоведение. Нельзя сказать, что и низшие единицы речи мы не можем изучать с литературоведческой точки зрения — отбор лексем и морфем, поэтическая семантика и символика и т. п. занимают очень важное место в литературоведческом анализе, но

тут, то есть при исследовании реальной семантики предложения, мы целиком переходим в область литературоведения.

При изучении композиции произведения предложение является единицей самого низшего порядка. Как элемент композиции оно может быть названо мотивом. По определению Б. В. Томашевского, «тема неразложимой части произведения называется мотивом. В сущности — каждое предложение обладает своим мотивом» (Теория литературы. М.—Л., 1927, стр. 137). Реальная семантика предложения и есть то, что Томашевский называет мотивом. На другое значение этого термина указывает сам Томашевский: «Термин мотив в исторической поэтике имеет другое значение — тематическое единство, встречающееся в различных произведениях, например, „увоз невесты“, „помощные звери“ и т. д.» (там же). Понятие мотива в этом смысле слова установлено, как известно, Веселовским: «Под мотивом я разумею простейшую новостовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» (Историческая поэтика. Л., 1940). Обозначим мотив в смысле Веселовского мотив I, мотив в смысле Томашевского — мотив II.

Остановлюсь на мотиве I. Определение ему дал Веселовский в работе, посвященной поэтике сюжетов. Там определил он эти основные для литературоведческого анализа категории — мотив и сюжет.

И здесь мы опять-таки имеем дело с единицами разного порядка. Сюжет представляет собой систему мотивов. В сюжете, по выражению Веселовского, «снуются» разные мотивы. Сюжет — единица высшего порядка, мотив — низшего. К ним может быть применено все то, что сказано было выше относительно единиц различного порядка. И здесь также встает вопрос о делимости или неделимости. Сюжет есть нечто целостное, и в этом отношении он неделим. Но в нем могут быть выделены отдельные мотивы, и в этом отношении он делим. А делим ли мотив, и в каком отношении? Веселовский говорит о возможном изменении формулы мотива: «Простой род мотива $a + b$, например: злая старуха не любит девушку + задает ей непосильную задачу». Каждая часть формулы может быть изменена. Особенно подлежит приращению b (задача может быть 2, 3, могут быть встречи в пути). Но здесь речь идет не о делении, а лишь о приращении. К тому же здесь по существу получается не один мотив, а группа (система) мотивов, то есть скорее сюжет.

В. Я. Пропп возражал против идеи Веселовского о неразложимости мотива (Морфология сказки. Л., 1928). Так, мотив «змей похищает дочь царя» разлагается на 4 элемента, из которых каждый в отдельности может варьировать: змей может быть замещен кощеем, вихрем, чертом, соколом, колдуном; похищение — вампиризмом; дочь — сестрой, невестой, женой, матерью; царь — царским сыном, крестьянином, попом и т. д. Но вспомнив то, что было сказано выше, мы должны признать: мотив разложим, могут быть

выделены элементы мотива. И в то же время он неразложим как система. Так, например, распространенный мотив боя отца с сыном содержит четыре элемента: 1) отец; 2) сын; 3) бой; 4) взаимная неузнаваемость (два предмета и два отношения, их связывающие). Мотив боя отца с сыном, как он реализуется, например, в русском эпосе, представляет собой по существу не мотив, а сюжет, так как в состав его входит целая система мотивов. В различных вариантах русских былин представлена такая последовательность мотивов: 1) бой двух богатырей; 2) победа младшего богатыря; 3) победа старшего богатыря; 4) вопрос его побежденному; 5) узнавание на основании ответа; 6) примирение; 7) нападение исподтишка сына на отца; 8) убийство сына отцом (в наказание за это). И затем могут быть различные приходящие мотивы (разные для разных вариантов). На основании этого видно, что термин мотив в употреблении Веселовского имеет еще одно значение — основная тема сюжета.

Говоря до сих пор о мотиве (все равно, о мотиве I или о мотиве II), мы имели в виду выражаемое (signifié). Необходимо держать в поле зрения все время две стороны: выражаемое и выражение, signifié и signifiant. И в лингвистике и в литературоведении имеет большое значение установить, как выражается, на каком отрезке (речи, произведения) реализуется выражаемое. Так, например, отношение между словами в языках различного типа выражается по-разному и на протяжении различных отрезков речи: в языках синтетических — на протяжении лексемы, в языках аналитических — на протяжении синтагмы. Мотив в смысле основной темы произведения реализуется на протяжении целого рассказа, сказки, былины и т. д. Каждый из частных мотивов реализуется на протяжении какого-то отрезка, композиционного звена. В языковом отношении эти звенья могут совпадать с абзацами. Граница абзаца в языковом (а не в графическом отношении) определяется, по Пешковскому, лишь большей паузой, чем при конце предложения. Во многих случаях имеет место сверх того трудно уловимая смена интонации. Но здесь дело зависит от большей или меньшей детальности рассказа. Каждый из этих частных мотивов может быть реализован и на протяжении нескольких абзацев. В таком случае у каждого абзаца будет свой (еще более частный) мотив. Путем последовательного членения мы приходим в конечном счете к отдельному предложению и его мотиву, то есть к мотиву II. Каждый из частных мотивов реализуется в конечном счете в каком-то предложении (может быть, двух, трех), которое образует кульминационный пункт, содержит зерно реализации всего мотива. Так, например, мотив узнавания в мотиве (сюжете) боя отца с сыном реализуется в следующих трех предложениях:

— А есть-то я от матушки Натальюшки,
 (А ведь батюшка не знаю я какой-то был)

.....
 «Да ах же ты ведь сын мой любимый!..»

Гильфердинг — Никифор Прохоров

...Да от гой же я от матушки Златыгорки —
(Как зовут меня право Сокольников)

«...Ты ведь будешь нынче мне да непоклёпной сын...»

О н ч у к о в — Акундин Осташов

По существу мы имеем дело с одним и тем же, когда говорим о мотиве I и мотиве II, с чем-то, определяемым с точки зрения реального значения и могущим быть выраженным в пределах различных звеньев.

Мы имеем последовательность единиц, расположенных в нисходящем порядке от высших к низшим (подобным различного рода единицам, рассмотренным выше), характеризующихся с точки зрения выражаемого как мотивы, а с точки зрения выражения — как определенные звенья, характеристика которым может быть дана и с точки зрения лингвистической.

Могут быть характеризованы границы звена. Большая пауза в прозаическом рассказе отделяет данное звено от соседних звеньев. Показателем конца звена может служить особое предложение. Так, например, в санскритском эпосе в конце сарга: «Iti sāvitrī prakhyānē grāthamaḥ sargaḥ» и т. д. (Итак, в рассказе о Савитри первая глава). Показателем начала в языках со свободным порядком слов может служить особый синтаксический прием — обратный порядок, препозиция глагольного сказуемого (этот прием наблюдается и не в начале, но особенно в начале):

Жил-был царь

Жил Всеслав девяносто лет

Ço cent Rolanz

(Жил-был Роланд)

Песнь о Роланде

Asid raja Nalō nama

(Жил-был царь по имени Наль)

Asin madrēsu mahātma rajā paramadharmibah

(Жил-был в Мадрасе великодушный, наисправедливейший царь)

Махабхарата

Так же в саамских сказках (но не в мансийских и в хантыйских, поскольку в этих языках твердый порядок слов).

Существуют показатели, напротив, не начала, а продолжения чего-то. Таковую роль играет союз *a* в русском языке в его присоединительном значении (в древнерусском языке и в сказках), префикс *-ка-* в суахили, например: «Taka ali andoka akaka a numbani mwa mwanamke mtoja» (Кошка встала и поселилась в доме одной женщины), и это *-ка-* повторяется при всех последующих глагольных формах на протяжении всей сказки (C. Velten. Märchen und Erzählungen der Suaheli. Stuttgart — Berlin, 1898). На неначалю в русских сказках может указывать так называемый постпозитивный член. Но надо иметь в виду, что в песнях возможны отступления от норм, свойственных прозаическому языку. Ср. упо-

требление постпозитивного члена в начале русских былин, притяжательно-местоименные (определенные) формы без особой функции в хантыйских песнях (но не сказках) (W. Steinitz. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten*. Tartu, 1939).

Определенной структурой характеризуется и само композиционное звено, а не только его границы. Может наблюдаться особое расположение времен, оборот *praesens historicum* [настоящее историческое], широко распространенный, например, в русском, сербском, французском эпосе (но не в Нибелунгах и не у Гомера), употребление несовершенного вида вместо совершенного в русском эпосе — все это может быть ограничено определенным композиционным звеном. Лексически композиционное звено может отличаться от соседнего своей, ему присущей символикой, как это, например, наблюдается в суахилийских песнях.

Наконец, стихотворное (песенное) произведение может быть характеризовано в своих звеньях и метрически. Интересно, что в наиболее древних эпических формах наблюдается постоянное совпадение границ метрических и синтаксических, отсутствуют так называемые *enjambements* [переносы, текущие строки]. Так обстоит дело, например, в русском и южнославянском эпосе.

Профессор П. С. КУЗНЕЦОВ

ТАЙНАЯ РОДНЯ

Какие родственные слова имеются у существительного *харчи*? Имена *харчевой*, *харчевня*, *харчевник*, *харчевница*, *харчевенный* и глаголы *харчиться*, *харчевничать* — вот и все, что можно назвать для современного языка. Если обратиться к этимологии, то выяснится, что существительное *харчи* (единственное число *харч* мужского и диалектное *харчь* женского рода) восходит в конечном счете к арабскому *х̣ардж* 'расход, издержки, паек, рацион', производному от *хараджа* 'выходить, отходить и т. п.'. От этого же корня в арабском языке было образовано *махрадж* 'выход', множественное число которого *махаридж* тоже через тюркское посредство пришло к нам из арабского языка

в виде существительного *магарыч*. Уже непосредственно из арабского языка к нам попали книжные слова того же корня *харадж* 'налог, собираемый с немусульманского населения' и *хариджит* (от арабского *х̣аридж* с европейским суффиксом *-ит*) 'мусульманский сектант, раскольник'.

Итак, кроме явных родственников у слова *харчи* обнаруживаются также скрытые (этимологические) родственники *магарыч*, *харадж*, *хариджит*. Возможно, что в конечном счете тот же корень содержится и в наименовании кавказского супа из баранины — *харчо*, которое попало к нам через посредство кавказских языков.

И. Г. Добродомов

ПЛЮС, МИНУС И ПРОЧАЯ АРИФМЕТИКА

Слова, давно известные языку, становятся иногда приметамы новой эпохи. Они как бы обретают вторую жизнь, и, хотя значения почти не меняются, растет частота их употребления.

«Знания плюс расчет» («Правда», 13 августа 1966); «„Фитиль“ плюс „Фитиль“» («Литературная газета», 21 июля 1966); «Ритм плюс качество» («Вечерняя Москва», 15 июня 1969). *Плюс* в таких сочетаниях приближается по значению к союзу *и*: «Фитиль» (сатирический журнал) *и* «Фитиль» (кинотеатр для демонстрации сатирических журналов). Но слово *плюс* означает не просто присоединение подобно союзам *и*, *да* (дождь и снег, Иван да Марья), а прибавление, дополнение к чему-либо.

Плюс (от латинского *plus* «больше») первоначально осмыслялось только как знак сложения. При этом первая словарная фиксация обращала внимание на то, что *плюс* — знак сложения одноименных количеств (Н. Яновский. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3. СПб., 1806). Но уже в 20-е годы прошлого века слово *плюс* выходит за пределы специального языка математиков, «наипаче алгебраистов», и начинает играть роль союза, соединяющего отнюдь не одноименные величины. Вот один пример из переписки А. С. Грибоедова (1825): «Таков он (Одоевский) совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел».

Взаимоотношения слова *плюс* и союза *и* весьма интересны. Впервые *плюс*, а также *минус* упоминаются как слова специальные в XIII веке. Употреблялись они «для обозначения ошибки, происшедшей при решении задачи: при получении большего числа, чем следовало, говорили *плюс*, а при получении меньшего числа, чем следовало, говорили — *минус*». В те времена знаком сложения был латинский союз *et* («и»), обозначавшийся сокращенно *t*. С конца XV века *et* стали изображать как *+*, а *минус* изображался непрерывной чертой — (М. И. Михельсон. Опыт русской фразеологии. М., 1900). В сочинении Адама Ризе «Coss» (1524) «знак *+* употреблен вместо обычного слова *и*».

Слово *плюс*, вытеснив союз *и* в специальной речи, вернулось в разговорный язык обогащенное значением этого союза. В ленинском определении «Коммунизм есть Советская власть плюс элект-

рификация всей страны...» *плюс* означает добавление, присоединение важного компонента, но не равногo первому члену.

Уже со времен Пушкина заметно символическое употребление математических терминов *плюс — минус*: «Правда, время нашего выпуска приближается: остался еще год плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!..» (из письма А. С. Пушкина к П. А. Вяземскому, 27 марта 1816). *Плюс* и *минус* вместе со словами *права, налоги, высокое и прекрасное* символизируют науки, преподаваемые в лицее.

Несколько позднее намечается переносное значение: *плюс* 'положительная сторона, достоинство чего-либо или кого-либо'. Это значение, по свидетельству Ю. С. Сорокина, формируется в 30-е и, особенно, в 60-е годы минувшего века (Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.-Л., 1965). Новое осмысление *плюс — минус* в обиходной речи поддерживалось, вероятно, широко известными школьными оценками: три с минусом, пять с плюсом. Ср. современное употребление *плюс*: «Плюс к диплому» (заголовок. «Комсомольская правда», 15 января 1969). *Плюс*, таким образом, может выступать и как неизменяемое слово в функции союза, и как имя существительное, подчинившееся системе русского именного склонения (плюсом) и развивающее способность управления (*плюс* → к диплому).

Многозначность слова *плюс* была осознана не сразу. Уже со времен Пушкина *плюс* как неизменяемое слово используют в значении соединительного союза, но академический Словарь 1847 года отмечает только исходное значение: *плюс* 'знак сложения'. Развившиеся переносные значения слова *плюс* не вдруг входят в литературный язык. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова в 1939 году отметил *плюс* в значении 'выгодная сторона, выгода, преимущество' только как разговорное.

В последнее время в газетной речи можно наблюдать интересную эволюцию двучленной конструкции с соединительным словом *плюс*. Первый компонент отбрасывается: он или известен уже, или неизвестен, но должен быть выяснен из последующего изложения. Например: «Плюс небольшие индивидуальные сады.. Плюс „венецианские“ каналы...». Так начинались абзацы в статье, посвященной работам молодых архитекторов Еревана («Комсомольская правда», 29 сентября 1966). Усеченная конструкция со словом *плюс* типична для газетных заголовков: «Плюс красота» (заголовок статьи о новом продукте. «Известия», 7 июня 1966); «Плюс великое нечто...» (заголовок статьи о стиле и моде. «Комсомольская правда», 7 апреля 1967).

Неполнота оборота часто подчеркивается предшествующим многоточием, которое как бы напоминает о дополнительном характере второго компонента: «...Плюс непознаваемое» (название статьи Льва Филатова о дрессировке зверей. «Юность», 1966, № 6); «...Плюс одержимость» (название статьи об исследователях-энтузиастах. «Вечерняя Москва», 11 мая 1968).

Иногда двойственное значение слова *плюс* 'присоединение' и дополнение' как бы раздваивается. В этом случае *плюс* синонимизируется с выражением *в дополнение*, значение же 'присоединение' передается предшествующему союзу *и*. Ср. строки об английском футболисте Джордже Бесте: «У него высокая техника, мощный скоростной рывок, работоспособность и напористость *и плюс* к этому высокая результативность» («Вечерняя Москва», 9 сентября 1969).

Плюсу, математическому знаку, противостоит *минус* (от латинского *minus* 'меньше'). Это противопоставление сохраняется и в развившихся нетерминологических значениях. Само же формирование новых значений у слов *плюс* — *минус* сходно.

Переносные значения слова *минус* характерны для разговорной речи. «Словарь современного русского литературного языка» отмечает это — *минус* 'что-либо плохое, отрицательное, недостаток, изъян' — разговорное. Ср.: «Но к этому минусу своей поэтической карьеры он, как истинный поэт, относится очень спокойно» («Литературная газета», 2 июля 1966).

Казалось бы, распространяющиеся выражения *плюс удобства*, *минус дорожные расходы*, это — *плюс* и т. п. должны неизбежно превратиться в штампы. Между тем и *плюсы* и *минусы* не теряют своей выразительности, придавая словесному выражению краткость математической формулы: «Чтобы не было „минусов“. У последней программы „Кино плюс эстрада“ „плюсов“ значительно больше, чем „минусов“» («Вечерняя Москва», 9 марта 1966); «Из „минуса“ — „плюс“... („минусовые“ — минимальные допуски дают заводу экономии металла и в конечном счете превращаются в „плюс“)» («Правда», 12 мая 1968). Обратим внимание и на кавычки, часто сопровождающие слова *плюс* — *минус* в переносных значениях. Они как бы напоминают о необычности употребления этих слов.

Можно сказать, что *плюс* — *минус* никогда не порывают с основным математическим значением. Поэтому все переносные осмысления как бы наслаиваются на терминологическое значение и несут своеобразную «математическую» образность, не позволяя выражениям со словами *плюс* или *минус* превратиться в стершийся образ с забытой внутренней формой.

Интересно продвижение в нашем языке, и письменном и разговорном, еще одного «математического», «счетного» образа: «Марфуша была, как теперь говорят, женщиной номер один!» («Литературная Россия», 23 сентября 1966).

Обратим особое внимание на «как теперь говорят». Действительно, очень часто можно услышать: проблема номер один, вопрос номер один и т. п. Сочетание *номер один* (обычно буквенное изображение, но не исключено и знаковое — № 1) воспринимается как качественное определение — 'самый первый, самый лучший, или самый важный, головной' (см. об этом подробнее: Н. А. Янко-Триницкая. Проблема номер один. — Сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе, М., 1966).

Выражение *номер один* (№ 1), обычно передающее порядок следования предметов, явлений, лиц, становится качественной оценкой. Соединение «имя + номер + количественное числительное *один*», как отметила Н. Ю. Шведова, становится фразеологизирующимся единством с общим значением первостепенности: спортсмен номер один и космонавт номер три, космонавт номер четыре. В двух последних сочетаниях есть указание на место в порядковом ряду: «Взвился Космонавт номер четыре вслед за Космонавтом номер три» («Известия», 12 августа 1962); «Мы узнали имена космонавтов номер три и номер четыре» («Известия», 14 августа 1962).

Полагают, что образцом для оценочного употребления *номер один* послужил, по-видимому, военный термин *готовность номер один*. Подобное выражение высшей степени положительного или отрицательного признака встречается уже в середине прошлого века: тунец первого номера, человек первого номера (см. названную статью Н. А. Янко-Триницкой). В современном языке падежное согласование *первого номера* сменяет аналитическая форма *номер один*. Возможно, распространению таких оборотов способствовали конкурсы, соревнования, олимпиады, где лучшим принадлежат первые номера в списке: «Гимнаст номер один. Первенство по многоборью завоевал москвич М. Воронин» («Вечерняя Москва», 26 мая 1969). В повестках дня конференций и ассамблей самые важные вопросы стоят под номером один. Интересно, что и само специальное выражение *готовность номер один* приобретает расширенное общезыковое значение 'отличная подготовленность к чему-либо'. «Готовность номер один!» — так озаглавлена статья о подготовке молодежи к летним работам, уборке урожая («Комсомольская правда», 24 июня 1969).

Как бы то ни было, выражение *номер один* стало признанием бесспорной важности той или иной проблемы и высшей оценкой не только профессиональных качеств (спортсмен номер один, скрипач номер один), но и красоты (женщина номер один), хотя в этом случае ощущается шутливо-проницное употребление этого популярного определителя. Сочетание *номер один* свойственно разговорной речи и на правах разговорного элемента оно проникает в письменный язык. Происходит круговорот — из специальной терминологии и официального языка официальных списков, протоколов и повесток дня выражение *номер один* проникает в разговорную речь (профессиональную и бытовую), а затем возвращается в письменный язык, приобретает качественную оценку.

И еще один «счетный», «цифровой» образ, связанный с усечением сочетаний, включающих в себя имена числительные, все чаще появляется в языке газет.

В первой половине прошлого века ежегодные критические обзоры В. Г. Белинского обычно печатались под однотипными заглавиями: «Русская литература в 1840 году», «Русская литература в 1841 году» и т. д. Или: «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Репертуар русского театра, 1840». Такое обозначение времени описываемых явлений было общепринятым.

В современных публикациях традиционное обозначение временного признака видоизменилось. Заголовки наших газет как бы отталкиваются от названий типа «Репертуар русского театра. 1840». Ср.: «Экран — 1968» («Правда», 12 января 1968). Отброшено слово *год*. Затем показались избыточными и первые две цифры, обозначающие собственно век. Для читателей-современников вполне достаточно отметить текущие десятилетия и годы.

Это символическое выражение времени возникновения, функционирования чего-либо превращается в экономный штамп с абсолютно неограниченной сочетаемостью: «Фильмфорум. Брно-67» («Известия», 14 ноября 1967); «Ноктюрн-68» («Советская культура», 4 июня 1967); «Мебель-69» («Известия», 19 апреля 1968); «Тани-68» («Вечерняя Москва», 25 мая 1968); «Абитуриент-68» («Комсомольская правда», 9 августа 1968); «Молодежь-69» («Комсомольская правда», 20 марта 1969); «Обувь-69» («Правда», 28 марта 1969); «Футбол-69» («Вечерняя Москва», 25 апреля 1969); автобусы «Украина-67» и «Украина-люкс-69» («Правда», 7 мая 1969); «Июнь-69» (рубрика. «Известия», 30 мая 1969); «Инполиграфмаш-69» («Известия», 12 июля 1969); «Мир-68 или мир-70, мир-71» (из радиобеседы с кинорежиссером М. Роммом 24 мая 1969 года).

Номенклатурные знаки, заглавия статей и публикаций о модной мебели, обуви, о городе, в котором намечен кинофестиваль, о футболе, о молодежи и абитуриентах и, наконец, о роли Тани в одноименной пьесе А. Арбузова, созданной в 1968 году новой исполнительницей, построены по одной аналогии: именительный падеж существительного, самого важного в информации, и дата (как несогласованное определение). Усеченная определительно-временная часть повлекла за собой и предельную краткость определяемой части: «Радио-69» (рационализация в 1969 году — международная выставка в Чехословакии); «Экспо-70» (экспозиция — международная выставка в Японии). Теперь пространное обозначение даты — «Филиппины, год 1969-й» («Литературная газета», 11 июня 1969) — воспринимается как стилистический прием, отступление от краткого штампа.

К ряду временных обозначений (обувь-69, одежда-70) примыкают номенклатурные знаки, числовой определитель в которых обозначает не год создания, а порядковый номер модели: автобус «Украина-67» и самолет «ТУ-114». В этом случае в разговорной практике возможно согласование числового определителя: «ТУ сто четырнадцатый». Развивающаяся в русском языке аналитическая связь слов (примыкание) заменяется в устной речи традиционной падежно-родовой связью, выраженной в согласованных окончаниях порядкового числительного.

Как мы уже заметили, такие сочетания в русском языке пишутся через дефис. В западноевропейских языках возможно и раздельное написание: Fiat 17 («l' Humanité Dimanche», 1968, № 229).

Новая предельно краткая и условная конструкция (обувь-69, футбол-69, июнь-69), как мы видели, не имеет лексических ограничений, но ограничена письменной речью и, особенно, жанром — пре-

имущественно языком газеты, рекламы. И еще есть одно существенное ограничение — грамматическое. Дело в том, что усеченное обозначение года непосредственно примыкает к определяемому. Если же эта непосредственность нарушена, то возникают неясности, затрудняющие понимание информации, например: «Мелодии друзей-69» («Неделя», 1969, № 7; «Вечерняя Москва», 21 марта 1969; а также афиши, расклеенные в Москве). Мелодии-69 или друзья-69? В анализируемой конструкции это остается не совсем ясным.

Плюс — минус, номер один, футбол-69 типичны для языка современной газеты. *Плюс — минус*, не меняя своих значений, увеличивают частотность употреблений, особенно в возникших усеченных сочетаниях (...плюс одержимость). *Номер один* на основе старых значений и употреблений развивает оценочное значение как фразеологизирующееся сочетание. Пространные описательные наименования (литература в 1969 году) сжимаются в телеграммно-краткие (литература-69). Новые конструкции экономны, выразительны и чрезвычайно «газетны» благодаря своей графической, «математически» символической краткости, ср.: абитуриент-68 и абитуриент в 1968 году, ...плюс красота и утилитарность в соединении с красотой; скрипач № 1 и самый лучший скрипач мира.

Еще в 1804—1806 годах Н. М. Яновский в «Новом словотолкователе», толкуя значение знака и слова *плюс*, писал: «... через употребление его можно избегать весьма скучных повторений», а в статье, посвященной знаку и слову *минус*, подчеркнул, что многословие и повторение одних и тех же слов (всякий раз писать или говорить: из *a* вычесть или должно вычесть *b*) «было бы продолжительно и также очень скучно».

Что можно поэтому возразить против такой газетной фразы: «Ткани плюс элегантность — так хочется охарактеризовать требования моды-69 к летним нарядам» («Вечерняя Москва», 7 мая 1969)? Но можно и должно возражать против «арифметики» — увлечения математическим знаком только ради зрительного эффекта: «Хлеб + соль =» (заголовок, «Советская культура», 15 июля 1969). Здесь знак + отразил неоправданное разложение и смещение нескольких фразеологизмов: *хлеб-соль* «радушное приветствие», *это для него хлеб* «это для него самое важное и желанное, средства к существованию, заработок», *соль чего-либо или в чем-либо* «то, что составляет особый смысл, значение или остроту слов, речи, остроумие». Автор статьи предлагает такие осмысления: *хлеб* — это цирковое искусство вообще; *соль* — смех в паузах. Отсюда «хлеб+соль». Знак равенства =, вероятно, должен был связать заголовок и статью. Но первый абзац начинается самостоятельным «Итак, чему равняется хлеб+соль?». Тем самым и знак равенства повис в воздухе, не поддержанный построением абзацев и всей статьи.

Стремление к «броскому» и одновременно экономному выражению информации типично для газет вообще. Это интернациональная тенденция. Но находит она в каждом национальном языке и свое особое отражение: абсолютно точное и грамматически ясное сочета-

ние «Freundmelodien-69» в буквальном переводе превращается в неясное сочетание «Мелодии друзей-69».

Каждая из проанализированных моделей имеет уже свою историю в русском языке. А возникающие новые употребления слова *плюс* или «цифровые» примыкающие определения (номер один, -69) относятся скорее к явлениям, общим для многих языков, связанных постоянными контактами. С развитием прессы, радио, телевидения, определенной «технизации» языков отмеченная тенденция становится очевидной. Наблюдения за результатами интернационализации позволяют чаще всего говорить не столько об отдельных фактах прямого заимствования, сколько о фактах общего развития.

А. А. БРАГИНА

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

(Найдите ошибки и исправьте текст)

ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ ДОНОРОВ

Благородное воздействие крови донора на многие процессы в организме больного или раненого человека сделало переливание крови одним из самых целебных, а в ряде случаев — незаменимым лечебным средством (1). По широте применения переливание донорской крови как лечебное средство не имеет себе равных (2). Показания к переливанию крови продолжают расширяться (3).

С лечебной целью применяется не только цельная кровь, но и отдельные ее составные части — плазма, сыворотка, лейкоцитарная масса и другие препараты, изготавливаемые из крови (4)...

Потребность в донорской крови все время увеличивается (5). Все это вызывает необходимость в привлечении все большего числа доноров — людей, дающих кровь для восстановления здоровья, а иногда и для спасения жизни своих сограждан (6). В нашем районе за последние годы резко возросло переливание крови больным (7)... Также увеличилось и число доноров (8)...

Большую работу проводят медики и активисты Общества Красного Креста по вовлечению населения в число безвозмездных доноров (9)... Всем сдавшим кровь предоставляются некоторые льготы, в том числе оплачиваемый выходной день после сдачи крови (10).

(«Маяк коммунизма», 28 августа 1969.
Горшеченский район Курской области)

(Ответы на стр. 65)

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В РЕЧИ В. И. ЛЕНИНА

Использование фразеологических старославянизмов

Читатель ленинских произведений не может не восхищаться как глубиной теоретической мысли, так и богатством речевой культуры В. И. Ленина. Внимание исследователей уже много лет привлекает несравненное умение В. И. Ленина воплощать идейное содержание своих трудов в блестящую, неповторимую языковую форму. Выразительность, действенность и экспрессивность ленинской речи обуславливаются активным использованием самых различных образных средств и применением оригинальных способов их употребления в различных контекстах.

В этой заметке мы хотим остановиться на довольно узком, но несомненно интересном вопросе, раскрывающем еще один стилистический прием Ленина — революционного писателя, агитатора, трибуна, пропагандиста. Речь пойдет о переработке Владимиром Ильичем фразеологических старославянизмов. Приемы обработки этих сугубо традиционных и часто используемых (особенно в то время) выражений дают такую яркую, полную и разнообразную картину, что во многих случаях классификация наша остается довольно условной. И все же рискнем вынести ее на суд читателя.

В. И. Ленин очень часто меняет лексико-грамматическую структуру отдельных фразеологических старославянизмов, включая в их состав новые слова или обновляя старые компоненты: «К чему было метать бисер перед друзьями Керенского?» (Полное собрание сочинений, Т. 34, стр. 255; ср.: Не мечите бисера перед свиньями). Этот прием помогает Ленину конкретизировать значение фразеологизма, остроумно, сжато передать свою мысль: «Он [Плеханов] видит сучок в глазу немцев и не видит бревна в своем собственном глазу» (т. 26, стр. 105). Обновляя фразеологизмы, В. И. Ленин по аналогии с ними создает новые индивидуально-художественные обороты, которые также очень актуальны, конкретны, созвучны времени. Например: «...Партийная агитация будет говорить о партиях вообще, *намеренно* умалчивая

с лицах, страха ради полицейска» (т. 14, стр. 85 ср.: Страха ради иудейска).

В. И. Ленин часто прибегает к приему употребления не фразеологического старославянизма как такового, известного в языковой практике, а только его содержания, обобщающего значения: «Революционные соц.-демократы не только не боятся этих форм, а указывают прямо на существование в них и *плевелов* и *пшеницы*» (т. 9, стр. 300; ср.: Отделять плевелы от пшеницы).

Нередко В. И. Ленин использует в пределах одного или нескольких предложений фразеологический оборот или отдельные его части, которые использованы как слова вполне свободного употребления. Такие отдельно использованные части соответствующего оборота служат основанием для дальнейшего пояснения, дополнения мысли: «Много званых, да мало избранных. Много говорунов „конституционно-демократической партии“, да мало ... *истинных* демократов» (т. 10, стр. 343).

Очень выразителен прием соединения двух фразеологических оборотов: «Мы можем себе представить, какая гниль и мерзость запустения царит в этом „темном царстве“» (т. 23, стр. 267; ср.: мерзость запустения и темное царство); «Классовый антагонизм не прикрывался бы *фиговыми* листочками гнилого бюрократизма — этого крашеного гроба для останков народной свободы...» (т. 6, стр. 340; ср.: *фиговый* листок и *крашеный* гроб, или в церковнославянской форме: *гробы* повапленные).

Нередко В. И. Ленин пользуется эффектным приемом употребления фразеологических оборотов одновременно и как устойчивых сочетаний, и как свободных сочетаний слов. В качестве примеров такой оригинальной игры на созвучии устойчивого и свободного сочетания слов можно привести следующие цитаты: «А наши реформисты... считали и считают пределом (его же не преjdeши) нормальные буржуазные отношения» (т. 45, стр. 379; ср.: Предел, его же не преjdeши); «Но при этом пусть он посыпает пеплом свою *главу* и раздирает *свои* одежды, а не чужие» (т. 14, стр. 69).

Все перечисленные приемы в речи Ленина — средство создания определенных стилистических эффектов, особой художественной выразительности и экспрессивности. В большинстве случаев Владимир Ильич использует фразеологические старославянизмы как словесное средство комического: «...Отмена монополий и всяких других стеснений средневековых (им же имя в России — легион) необходимо нужна для рабочего класса...» (т. 1, стр. 258); «Эксплуатируемые крепнут, мужают... скидывают с себя „ветхого Адама“ наемного рабства...» (т. 35, стр. 194).

Надо ли говорить, сколь страшен был этот смех для врагов дела революции!..

П. Д. ФИЛКОВА.
преподаватель Софийского университета

АРХАИЗМЫ *сей, оный, сиречь*

Обычно слово выходит из активного употребления, когда рядом с ним начинает употребляться другое (а иногда и не одно), вполне заменяющее его по смыслу. Однако слова не исчезают бесследно. В одних случаях они сохраняются в устойчивых сочетаниях (темна вода во облацех; хранить, беречь как зеницу ока), в других — они до поры до времени хранятся в запасниках языка, а при необходимости извлекаются оттуда и применяются в речи как выразительное средство.

Но дело не только в этом. Области применения языка чрезвычайно разнообразны. Поэтому почти любой архаизм может пригодиться в современном словоупотреблении. Так, в XIX веке слова *сей* и *оный* уже не использовались в живой разговорной речи. И в 1835—1836 годах вокруг них развернулась острая полемика. В. Г. Белинский писал, что слова эти, хотя и устарели, но имеют право на существование и вполне уместны, допустимы в поэзии. Приводя в пример произведение Пушкина «И день настал. Встанет с ора Мазепа, сей страдалец хилый, Сей труп живой, еще вчера Стонавший слабо над могилой» или «Сей остальной из стаи славной Екатерининских орлов», Белинский пишет: «Здесь слово *сей* незаменимо, и *этот*, если бы оно и подошло под меру стиха, только бы все испортило» (Литературные пояснения).

Еще более архаично слово *сиречь*, перешедшее в русский язык из общеславянского фонда. Это слово, выполняющее роль пояснительно-присоединительного союза, еще в XIX веке выходит из активного употребления, вытесненное союзами *а именно, как-то, или*, имеющими то же значение.

Особенно многообразен по смыслу союз *то есть*. С его помощью можно присоединить предложения, дополняющие или развивающие мысль. Например: «Конечно, мне запомнилось только *самое главное, то есть то, что поразило меня*, когда врач позволил мне вставать» (Каверин. Открытая книга). В этом значении *то есть* соотносится с пояснительными союзами *а именно, именно*, что делает возможным их взаимозамену. Ср. союзы *а именно, именно* в таком значении: «Прогулку сделали они *недалеку*: именно *перешли только на другую сторону улицы*» (Гоголь. Мертвые души); «[Шпигельский]: Это опора плохая. Но у вас есть другая опора, гораздо более *твердая и надежная*, а именно *ваши качества, почтеннейший Афанасий Иванович*» (Тургенев. Месяц в деревне).

В другом значении союз *то есть* присоединяет члены предложения, по-прежнему называющие тот предмет, явление, которые обозначены предыдущим, поясняемым словом: «Есть простой и хороший способ *нейтрализации*, то есть *уничтожения кислотности*» (Николаева. Жатва). Фразеологическое сочетание как бы переводится одним словом или другим сочетанием (иногда в целях стилистического обыгрывания *высокопарного выражения*): «...для *желающих почивать на лаврах*, то есть *лентяев*, он был нестерпимый учитель» (Помяловский. Очерки бурсы). Союз *то есть* присоединяет и такое сочетание, которое поясняет какое-либо слово с большей степенью конкретности: «[Кречинский]: Вот портрет моего *старика-деда*, то есть *отца моей матери*» (Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского).

В этом значении союз *то* *есть* соотносится с *или*: «То был приятный, благородный, *Короткий вызов* или *картель*: Учтиво, с ясностью холодной Звал друга Ленский на дуэль» (Пушкин. Евгений Онегин).

Союз *то* *есть* употребляется для присоединения слова или предложения, уточняющего содержание предыдущего высказывания и вносящего в него какую-нибудь оговорку. В этом случае *то* *есть* соотносится с *или* и вводными словами, выражающими оговорку,— *или* *вернее*, *или* *точнее*: «Мы спали, *то* *есть* сестра спала, а я лежал с открытыми глазами и думал» (Каверин. Два капитана).

Союз *то* *есть* употребляется также при перечислении, раскрывающем и уточняющем смысл обобщающего слова: «Решился Голядкин даже отстраниться от *обычных учтивостей с сослуживцами*, *то* *есть* *вопросов о здоровье и прочее*» (Достоевский. Двойник). В этом значении *то* *есть* соотносится с союзами *а* *именно*, *именно*, *как-то*, которые со значительно большей силой подчеркивают отношения общего и частного, выраженные в этих предложениях. Последний из названных союзов — *как-то*, хотя и встречается в современных текстах, но, как правило, в стилистически и жанрово мотивированном употреблении (деловые сообщения, воспроизведение устарелой или официальной речи, а также пародия на нее).

Таким образом, современный русский язык располагает достаточным количеством «живых» союзов для выражения пояснительно-присоединительных отношений. А слово *сиречь* представляется нашим современникам осколком чего-то очень древнего, «церковного». Это, однако, не означает, что оно исчезло бесследно: *сиречь*, хотя и редко, встречается в литературных текстах XIX века и в современных.

В каких же случаях это устарелое слово извлекают из запасника? Быть может, у него есть какие-то особые значения, которые не могут передать современные союзы? Таких значений нет. Писатели используют *сиречь* для воспроизведения колорита более ранних исторических эпох. Его можно найти в исторических романах Лажечникова, Загоскина, А. К. Толстого, Форт: «— Да вот, я вижу, ты сам из *начальных людей* стрелецкого войска... *сиречь*, *надворной пехоты* — не прогневайся, по старой привычке промолвил!» (Загоскин. Брынский лес); «Против *главного павильона*, *сиречь Керчи*, стоял в высокой зеленой траве, как в волнах Черного моря, трехмачтовый громадный корбаль с галереей для лицезрения монархини и фейерверка» (Форт. Радицев).

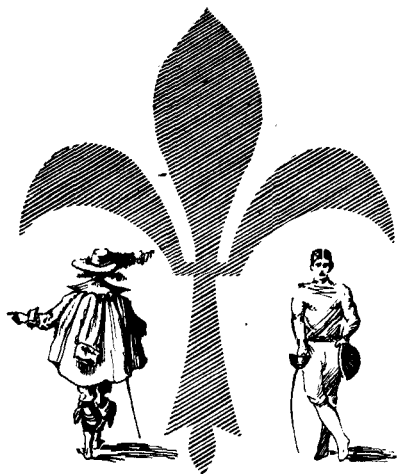
С той же целью речевой характеристики *сиречь* употребляется для воспроизведения речи духовных лиц: «Грамота,— играя волосами ученика, говорил дьячок,— суть средство ознакомления ума с делами прошлого, жизнью настоящего и планами людей на будущее, на завтра. Стало быть, грамота *сопрягает человека со человеком*, *сиречь приобщает его миру*» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); «Дьякон Ферапонт, икнув в борю, сказал:— За рабочую скотину выпить не грешно, друзья мои. Се аз *кузнец*, *сиречь рабочий*. Пью за свою рабочую братию» (Шишков. Угрюм-река).

Встречаем слово *сиречь* и в частной переписке. Оно служит средством пропин, легкой насмешки. Замена его словом *то* *есть* изменила бы стиль письма: «Когда я приехал в Москву, у меня пошла кровь по-настоящему;

доктора заарестовали меня и засадили в темницу, сиречь в клиники» (Чехов. Письмо Н. И. Забавину, 27 марта 1897); «...они единодушно согласны в том, что Вы — симпатиконе, сиречь — симпатыга» (М. Горький. Письмо Л. М. Леонову, 18 марта 1931).

В таком же стилистически мотивированном употреблении *сиречь* встречается в произведениях художественной литературы, в публицистике. Обычно писатель вкладывает это слово в уста героев, к которым он относится иронически. Так, в драме А. Островского «Трудовой хлеб» его употребляет учитель Корпелов, промышляющий, по словам автора, частными уроками, имеющий «тон, движения, манеры педантские, с примесью шутовства». В повести Тургенева «Несчастливая» это слово находим у Фустова, тоже высмеиваемого автором.

Р. П. РОГОЖНИКОВА

О ПРОИЗНОШЕНИИ СЛОВА МУШКЕТЕР

Это слово, широко известное у нас главным образом в связи с романами Дюма, в последнее время приобрело еще большую популярность. Оно стало употребляться как образное наименование фехтовальщика (см.: «Русская речь», 1968, № 5). Произносится слово сейчас обычно без колебаний: мушкетёр. Но такое произношение закрепилось в языке сравнительно недавно.

На протяжении довольно долгой жизни этого слова в русском языке было «опробовано» несколько произносительных вариантов.

Слово *мушкетёр* известно в русском языке с XVI века. Так называли солдат, вооруженных мушкетами — ручным огнестрельным оружием с фитильным замком. Мушкеты были заменены ружьями при Петре I, но мушкетерские полки существовали в России до начала XIX века. Сохранилось и название *мушкетер* — солдат мушкетерской роты. *Мушкетер* представляет собой, по-видимому, передачу французского *mousquetaire*. На раннем этапе появления слова в русском языке наблюдалось колебание в оформлении его основы, то есть передачи части *mousquet*. Этот род войск назывался и мушкетерами, и мускетерами, и мушкатерами, и мушкетерами.

Колебания *мушкатер* и *мушкетер* сохранялись особенно долго: «В то время, о котором идет речь, еще водились на Москве так называемые „мушкатеры“» (Короленко. Прохор и студенты); «Затрещала канонада, пальба, стук колес экипажа, и вот опять спускаются с горы растянутые ниткой мушкетеры, и французы стреляют» (Л. Толстой. Война и мир); «В Семеновском полку повелено содержать гренадеров 192, мушкетеров 1728...» («Полное собрание законов Российской империи...». 1740). «В кабинете были все знаменитости петербургского репортажа. Три мушкетера —

Кодлубцев, Ряжкин и Попов» (Ку-прин, Штаб-капитан Рыбников).

В дальнейшем принимается еди-нообразное произношение *мушкетер*, очевидно, потому, что при этом точнее передаются словообразова-тельные связи: *мушкетер* сопостав-ляется со словом *мушкет*, в то вре-мя как происхождение его и соот-несенность с французским *mousquetaire* оказывается в какой-то степени забытой.

Дело в том, что в русском языке постепенно нарастает число слов на *-ёр* (актер, суфлер и т. п.), за-имствованных из французского языка, где в свою очередь этот сло-вообразовательный элемент прояв-ляет большую активность. Элемент *-ёр* в русском языке получает воз-можность и самостоятельно образо-вывать слова. Например: киоскёр, башнёр.

Продуктивность нового суффикса служит причиной того, что под его «влияние» попадают слова, к этой группе не принадлежащие, обычно заимствованные, традиции произнесе-ния которых по каким-то причинам была забыта. Это английское слово *reporter*, получившее произношение *репортёр*, хотя в свое время акаде-мик Я. К. Грот определенно указы-вал в своем «Русском правописа-нии» (1912): *репóрттер*, не *репортёр*.

Возможно, то же произошло и со словом *мушкетер*. Но развитие та-ких как бы заново возникших сло-вопроизводственных ассоциаций должно было повлечь за собой и изменение в произношении конеч-

ного слога *-ер*. Прежде здесь, оче-видно, было [э] со смягчением пред-шествующего согласного. По отно-шению к началу XIX века такое именно произношение можно опре-делить, например, по стихам грибо-едовского «Горе от ума»:

«[Хлестова:] Вы прежде были здесь... в полку... в том... гренадер-ском?»;

«[Скалозуб:] В его высочества, хо-тите вы сказать, Ново-землянском мушкетерском».

Затем звук [э] стал произноситься как [о]: *мушкетёр*. Когда могло появиться такое произношение, ска-зать трудно. Можно лишь отметить, что в Словаре В. И. Даля мы нахо-дим его только в третьем издании. Теперь это произношение отмеча-ют все современные словари.

Иногда возникает вопрос, на-сколько правомерна рекомендация такого произношения. Приходится слышать доводы против «незакон-ного переименования *e* в *é* в этом иноязычном суффиксе». На самом деле ничего нелогичного в совре-менных рекомендациях, касающихся произношения слова *мушкетер*, нет.

При установлении современной нормы произношения заимствован-ного слова следует исходить не только из этимологических обра-жений и обычной схемы передачи подобных слов в русском языке, но и учитывать многие другие лингви-стические и социальные факторы. Они-то в данном случае и сыграли решающую роль.

В. Л. ВОРОНЦОВА

Наука, выросшая в дали от жизни, за стенами аудиторий, держа-лась большею частью в отвлечениях, говорила свысока, языком трудным и в то же время неопределенным, которым она столько же высказывалась, сколько скрывалась...

...Скажем смело: хвала дерзкому языку, которым с некоторого времени заговорила наука нашего века: это кончит поскорее все не-доразумения. Ей не нужно скрываться, у нее совесть чиста; пора го-ворить просто, ясно, пора все говорить насколько это возможно...

А. И. Герцен. Капризы и раздумье

ОБРАЗОВАННЫЕ ПО СЛУЧАЮ

Изменения словарного состава носят различный характер, но самое яркое изменение — это постоянное пополнение словаря. В одну эпоху оно более интенсивно, в другую — менее.

Сейчас в связи с бурным ростом достижений в области науки и техники, в общественной и культурной жизни советского народа идет непрерывный процесс образования новых слов. Многие из них быстро распространяются в языке, входят в употребление как бы с самого момента своего возникновения. Слова: космонавт, космодром, академгородок, автомашинист, фототелеграф, лавсан, атомоход, видеотелефон и др. — уже почти не осознаются как новые, хотя некоторые из них не успели войти даже в новейшие толковые словари русского языка.

Но большое количество новых слов остается за пределами активного употребления, будучи индивидуальным творчеством. Такие слова называются речевыми, окказиональными, или авторскими новообразованиями. Одни со временем могут сделаться достоянием языка, а большинство остаются лишь в том контексте, в котором они возникли. Но для полной характеристики словарного состава той или иной эпохи, того или

инного периода очень важно учитывать и индивидуальные новообразования, так как, говоря словами И. И. Срезневского, каждое слово — это «свидетель, памятник, факт жизни народа... Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа тем полнее, чем обширнее и разнообразнее их собрание» (Мысли об истории русского языка. СПб., 1887, стр. 103).

Именно среди окказионализмов удается иногда обнаружить новые словообразовательные модели, которые позднее могут стать достоянием языка, выявить истоки некоторых грамматических изменений, а также, наоборот, найти подтверждение или дополнения к распространенным языковым нормам.

Индивидуальные новообразования нередко возникают в связи с потребностью обозначить новое. Они имеют наибольшую возможность закрепиться в языке, особенно в том случае, если новый предмет или явление получают достаточно широкое признание.

Вот примеры новообразований, взятые из газет:

мускулолет — приспособление, напоминающее крылья и предназначенное для поддержки человека в воздухе («Комсомольская правда», 3 октября 1964); автолет — автомашина, которая может летать («Правда», 18 февраля 1963); гейзерки — бублики, сваренные в гейзере («Уральский рабочий», 22 сентября 1964); ускоренник — ученик, занимающийся по ускоренной программе («Комсомольская правда», 17 марта 1965); радионяня — устройство для передачи сведений о поведении ребенка на расстоянии («Комсомольская правда», 15 января 1965); роботница — механический человек, внешне напоми-

нающий женщину (художественный фильм «Верный Робот»); глобусы — ребята, которые путешествуют по стране и собирают сведения о жизни героев, замечательных людей («Уральский рабочий», 7 января 1965).

Образования, вызванные необходимостью обозначить новые предметы или явления, часто встречаются и в текстах, где говорится о будущем, автор предполагает существование подобных предметов. Например:

атомкат — детская машина с атомным двигателем («Уральский рабочий», 1 мая 1966); лунолет — космический корабль, предназначенный для полетов на Луну («Правда», 5 февраля 1966); экраноплан — крылатый корабль будущего («Наука и жизнь», 1966, № 1).

В этой группе следует особо выделить слова-однодеевки, рожденные ситуацией. Они обозначают новые, но обычно редкие или временные явления действительности, которые не имеют большой социальной значимости. Так, нами отмечены существительные со второй частью — мания: значкомания — о чрезмерном выпуске значков («Известия», 20 февраля 1964); корпусомания — о чрезмерном увлечении в ФРГ созданием объединений войск особого назначения — корпусов («Комсомольская правда», 12 января 1965).

Эти слова имеют меньше возможности закрепиться в языке. Но возникновение их в той или иной ситуации вполне оправданно, а случаи образования весьма многочисленны.

Еще более многочисленна группа окказионализмов, которые возникают для обозначения широко распространенных понятий (или таких, которые начинают широко распространяться), обычно выражаемых описательно. Стремление более экономно

выразить мысль рождает из словосочетаний одно слово для обозначения того или иного понятия. Это делается обычно по готовым словообразовательным моделям. Например, вместо того чтобы сказать «живущие на пятом этаже», говорящий произносит: пятиэтажники («Уральский рабочий», 15 октября 1966); вместо «владелец телевизора» — телевладелец («Комсомольская правда», 25 августа 1965); вместо «приглашение по радио» — радиоприглашение («Уральский рабочий», 14 сентября 1966). Так же возникли слова: полусушник («Известия», 30 марта 1965), стажник («Комсомольская правда», 27 января 1965), лещатник («Уральский рабочий», 23 июля 1966), гамлетизм («Правда», 4 мая 1966).

Нередко возникновению слов этой группы способствует распространение какой-либо словообразовательной модели. За последние годы стали очень распространены сложные слова с иноязычной первой частью: микро-, кино-, фото-, радио-, теле- и др. Среди индивидуальных новообразований по этому образцу находим слова, которые выражают понятия, передающиеся обычно описательно: маленький (небольшой) стадион — микростадион («Уральский рабочий», 10 декабря 1965); ср. также микробассейн («Комсомольская правда», 5 января 1965), микроайсберг («Правда», 15 октября 1968), микробарельеф («Правда», 10 июня 1966), микросказка («Уральский рабочий», 19 июня 1966), микробанкет («Правда», 5 сентября 1966), микроджаз («Комсомольская правда», 18 августа 1965), микрострасть («Правда», 24 января 1965), микроконкурент («Уральский рабочий», 12 июля 1966), кинодиспут («Уральский рабочий», 19 марта 1966), кинонаблюдение («Правда», 2 июня 1966), кинотретьяковка

(«Уральский рабочий», 22 марта 1966), кинотурнир («Комсомольская правда», 20 июля 1965), фотосимфония («Известия», 30 июля 1965), радиогипнотизер («Известия», 9 февраля 1964), радиоседа («Правда», 4 февраля 1966), телевизор («Комсомольская правда», 11 апреля 1967), телеэстетика («Правда», 19 февраля 1965).

Иногда индивидуальные образования такого рода возникают по моделям, характерным только для разговорной речи; вместо словосочетания, состоящего из прилагательного и существительного, образуют существительное при помощи суффикса -к-, причем используется только основа прилагательного: персональное дело — персоналка («Советская Россия», 29 февраля 1964), оправдательный документ — оправдалка («Известия», 25 января 1963), незавершенное строительство — незавершенка («Правда», 28 августа 1963), капитальный ремонт — капиталка («Уральский рабочий», 26 августа 1965), минеральное удобрение — минералка («Правда», 10 июля 1966); или образование глаголов от названий лица: бригадирствовать («Комсомольская правда», 7 августа 1965), батраковать («Правда», 22 апреля 1966), инженерить («Правда», 14 апреля 1963), агрономить («Уральский рабочий», 27 мая 1965).

Чаще всего речевые новообразования возникают в результате потребности не столько назвать что-то, сколько выразить свое отношение, заострить внимание собеседника на данном предмете или явлении: «Начнем с того, что агентству выделили всего два грузовика. Это были жалкие *авгостарцы*, страдавшие общей разболтанностью, недержанием тормозов...» («Правда», 23 сентября 1965); «„Серость“, „неинтересно“,

„брошюрятина“ — помнятся и такие отзывы о наших книгах» («Комсомольская правда», 6 марта 1965); «Валентина Петровна спрашивает такого „книгоглотателя“: „Ты что, картинки только смотришь?“» («Уральский рабочий», 9 февраля 1965); «Впрочем, список „портфельпросцев“ и в Черкасске, и в Карачаевске можно продолжать еще долго» («Правда», 10 мая 1964); «Некий *архисобственник* Керес на всю республику поднял визг из-за 240 сантиметров приусадебной земли» («Правда», 17 сентября 1964).

В этих словах авторское отношение налицо. Большинство примеров взято нами из фельетонов и сатирических статей. Безусловно, такие окказионализмы ситуативно оправданы, однако возможность закрепления их в языке очень мала.

А вот другого рода примеры, где эмоциональной окраски может не быть совершенно (хотя в большинстве случаев она в какой-то степени все же присутствует), но автор использует слово для того, чтобы лучше донести мысль до собеседника, обратить внимание на определенный оттенок мысли:

«Маша с нетерпением ожидала почты. Получит письмо — так и вспыхнет. Мы подшучивали — мол, „почтотерапия“ — мощный лечебный фактор» («Известия», 22 января 1963); «Нас, *таксоловов* (от слова *такси*. — Г. П.), скопилось на перекрестке уже человек пятнадцать» («Известия», 1 января 1967); «Пьянки с неожиданными *автопродолжениями* редко не заканчиваются катастрофой» («Правда», 8 августа 1965); «Уходя, я посоветовала беспечной *пляжнице* прибереечь немножко солнышка и на завтра» («Правда», 14 июня 1964); «Когда „космогонщики“ Николаев и Попо-

вич набирали в глубинах Вселенной разгон будущего человеческой культуры и знаний, я был частицей всемирного ликования и гордости» («Литературная газета», 1 января 1963).

Нередко эмоционально окрашенный речевой неологизм заключают в кавычки. Это значит, что автор создает новизну слова, его необычность. Гораздо реже заключают в кавычки новообразования, возникшие не с целью выражения своего отношения к предмету или явлению, а по дру-

гим причинам, описанным нами выше.

Таким образом, индивидуальные новообразования появляются в связи с определенной общественной потребностью, но причины возникновения их могут быть самые различные. Окказиональные слова довольно многочисленны и составляют определенную часть лексического богатства русской речи, языка.

Г. Н. ПЛОТНИКОВА
Свердловск

Н О В Ы Й Ж У Р Н А Л

В этом году в Баку начинает выходить журнал «Советская тюркология», орган АН СССР и АН Азербайджанской ССР (6 номеров в год). Главный редактор — академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев.

Новое всесоюзное периодическое издание призвано освещать актуальные проблемы изучения и преподавания языков, фольклора и литератур тюркоязычных народов СССР — туркмен, азербайджанцев, кумыков, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, узбеков, уйгуров, каракалпаков, казахов, киргизов, татар, башкир, чувашей, алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов.

Изучение тюркских языков и литератур занимает значительное место в научной практике советских филологов. Журнал «Советская тюркология» станет важным организующим центром этой работы.

На страницах журнала будут публиковаться статьи по фонетике, грамматике, лексике, истории тюркских языков, истории литературных языков, диалектологии, стилистике и теории перевода. Редколлегия признает необходимость освещения в журнале вопросов культуры речи и нормализации современных литературных языков, совершенствования алфавитов и орфографий, установления норм произношения и словоупотребления, разработки систем научной и технической терминологии.

Журнал «Советская тюркология» сосредоточивает внимание на проблемах национального своеобразия и социалистического содержания литератур тюркских народов нашей страны.

Редакционная коллегия журнала «Русская речь» приветствует выход в свет первого номера «Советской тюркологии» и желает успехов коллективу работников молодого журнала.

ДВЕРНАЯ РУЧКА — РУЧКА ДВЕРИ

Зададимся вопросом, почему одни конструкции образуют пары: галстук пионера — пионерский галстук, ручка двери — дверная ручка, тропинка в лесу — лесная тропинка, комната для курения — курительная комната и т. п., а другие нет: карандаш пионера, блюдечко из-под ягод, палка в море, дети в лесу, цветы у забора, книги на окне и т. п.? Изучение соотносительности таких оборотов обнаруживает некоторые закономерности.

В первом случае словосочетания с определяющим существительным называют разновидности предметов: *галстук пионера* — разновидность галстуков, *коробка из-под папирос* — разновидность коробок и т. д., что как раз свойственно словосочетаниям с прилагательным (пионерский галстук, папиросная коробка и т. д. — это тоже названия разновидностей галстуков, коробок и т. д.). Поэтому и можно соотнести *галстук пионера* — пионерский галстук.

Во втором случае словосочетания с определяющим существительным не могут называть разновидности предметов, они называют лишь конкретные предметы: нет «морской палки вообще», есть лишь данная (или какая-то) палка в данном (или каком-то) море; нет «блюдца из-под ягод вообще», есть лишь «какое-то, вполне определенное в той или иной ситуации блюдец из-под каких-то, вполне определенных в той или иной ситуации ягод» и т. д. Такое значение нехарактерно для словосочетаний с относительным прилагательным, а потому нет соотносительности: карандаш пионера — пионерский карандаш,

блюдечко из-под ягод — ягодное блюдечко, палка в море — морская палка и т. п. Ср. также отсутствующие: заборный кот (кот на заборе), лесные дети (дети в лесу), флажковый автомобиль (автомобиль с флажком) и т. д.

Конечно, можно припомнить *воскресную мать*, *лифтовое чувство* (например в рассказе И. Грековой «Под фонарем»), *стихотворные ночи* (у К. Паустовского — «Бросок на юг») и т. п., но это лишь ситуативные сочетания. А в нашей статье речь пойдет о том, что стало нормой языка.

Условием соотносительности *галстук пионера* — *пионерский галстук* является способность таких словосочетаний, как *галстук пионера*, употребляться для обозначения разновидностей предметов. Это условие, пожалуй, главное, но не единственное. Например, словосочетания *руки хирурга*, *вершина холма*, *мяч для регби* и др. называют разновидности предметов (руки, какие бывают у хирургов; палка для бумаг вообще, а не только для каких-то определенных бумаг и т. д.), но конструкцией *хирургические руки*, *холмная вершина*, *регбийный мяч* нет.

В одних случаях (руки хирурга, рассказы об искусстве, носок сапога, острота бритвы, отметки по химии и т. д.) соотносительных оборотов нет потому, что у прилагательных отсутствуют нужные значения. Так, есть прилагательные *хирургический*, *искусственный*, *сапожный*, *бритвенный*, *химический* (например: хирургический скальпель, отделение, вмешательство; искусственные цветы; сапожный крем; бритвенный прибор; химический завод), но нет словосочетаний *хирургические руки* (хотя в том же значении: руки крестьянина — крестьянские руки), *искусственные рассказы* (об искусстве; но ср.: рассказы о войне — военные рассказы), *сапожный носок*, *бритвенная острота*, *химические отметки*.

В других случаях (вершина холма, мяч для регби, вечера по средам, изделия из папье-маше, шнурок от пенсне и др.) просто нет нужных прилагательных: холмной, средний и под. В то же время у не-

которых словосочетаний с теми же значениями соотносительные конструкции с прилагательными возможны: горные вершины, футбольный мяч, деревянные изделия, велосипедное колесо, школьный учитель и т. д.

В случаях иного рода соотносительности нет по той причине, что у определяющего существительного есть свои определяющие слова: шинель офицера — офицерская шинель и шинель царского офицера; темнота ночи — ночная темнота и темнота легкой южной ночи; рубашка из шерсти с лавсаном.

Лишь в некоторых случаях зависимое слово не препятствует соотносительности: комбайн для уборки хлопка — хлопкоуборочный комбайн; организации по заготовке леса — лесозаготовочные организации.

До сих пор соотносительность *галстук пионера — пионерский галстук* рассматривалась нами со стороны словосочетаний с определяющим существительным. Попробуем теперь наблюдать ее со стороны словосочетаний с прилагательным. Оказывается, среди этих словосочетаний немало таких, которые не имеют соотносительных с определяющим существительным: грозовая туча (нет словосочетания *туча грозы*), покойный поэт, беспартийная молодежь, служебный характер, паровой двигатель, плюшевое кресло и т. д. Однако такие словосочетания ни по значению, ни по структуре не представляют собой цельной, самостоятельной группы.

При таком подходе обнаруживается и другая особенность соотносительности. Словосочетания с прилагательным, имеющие соотносительные словосочетания с определяющим существительным, в некоторых высказываниях не могут быть заменены этими конструкциями. Так, существует соотносительность словосочетаний *московские адреса — адреса в Москве*, но подстановка второго из них вместо первого в следующем контексте оказывается невозможной, так как приводит к искажению смысла: «Обменявшись с Лопатиным московскими адресами, Артемьев отправился в госпиталь принимать раненых японцев» (Симонов, Товарищи

по оружию). Ср.: «Обменявшись с Лопатиным адресами в Москве...», но обмен адресами состоялся не в Москве, как это следует из высказывания после подстановки.

Приведем другие примеры: «Климовичу встретился рослый старшина-артиллерист, обросший недельной бородой...» (Симонов, Товарищи по оружию) — подстановка словосочетания *бородой за неделю* вместо выделенного изменяет смысл высказывания: получается не *бородой за неделю*, а *обросший за неделю*; «После отъезда городских гостей, когда совсем рассвело, хозяева вышли за ворота...» (Федин, Костер) — замена выделенного словосочетания словосочетанием *гостей из города* приводит (вне более широкого контекста) к двусмысленности: *гостей из города* и после отъезда гостей из города.

Отсутствие соотносительности в приведенных примерах объясняется тем, что глагол «отбирает» у словосочетания определяющее существительное, подчиняя его себе, и разрушает, таким образом, это словосочетание.

Соотносительности могут препятствовать другие причины. Обратимся к примерам: «...на маленькой замаскированной площадке стоял штабной самолет, который еще чудом не разбила русская артиллерия» (Симонов, Товарищи по оружию) — после замены словосочетания *штабной самолет* словосочетанием *самолет штаба* получим: «стоял самолет штаба, который...». Придаточное предложение в этой конструкции определяет уже не слово *самолет*, а *штаб*. В результате образуется совершенно новое высказывание.

В высказывании «Где-то недалеко, в балке, наверное, был пруд или степной лиман» (Шолохов, Поднятая целина) замена выделенного словосочетания словосочетанием *лиман в степи* оказывается невозможной уже по другой причине — во избежание тавтологии, ср.: «Где-то недалеко [то есть в степи], в балке... был... лиман в степи».

При подходе к рассматриваемому явлению со стороны словосочетаний с прилагательным открываются и другие интересные особенности. Например, одно и то же словосочетание

с прилагательным способно соотноситься с несколькими словосочетаниями с определяющим существительным. Так, *папиросная коробка* соотносится с конструкциями *коробка из-под папирос*, *коробка для папирос* и др. Каждая из этих конструкций или группы их связаны с определенными типами высказываний (подробнее об этом говорится в моей статье, опубликованной в «Ученых записках Вологодского педагогического института» (т. 33, 1968, вып. 2).

В. И. ЧУГЛОВ,
преподаватель
Вологодского педагогического
института

ГЛАГОЛЫ С ИНОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВОЙ

Глаголы с заимствованной основой составляют органическую часть лексической системы русского литературного языка. Но вошли они в систему русского языка не сразу. В XVIII веке, когда происходило массовое заимствование иноязычных слов русским языком, они были по своим значениям ближе к языку-источнику и обладали более широким кругом значений, чем в современном литературном языке. Даже заимствуясь через посредство польского языка, большинство таких слов сохраняло семантику, присущую языку-источнику, например французскому языку.

Постепенно, в процессе освоения русским языком, эти слова специализировались, сузили круг своих значений, заняв в системе заимствующего языка еще незанятое место. Например, потребность в термине юриспруденции ограничила круг значений глагола *кассировать*, сузила его до юридического термина; первоначально разнообразные значения глагола *монтировать* свелись в конечном итоге к значению технического термина и т. д.

Покажем этот характерный для заимствованных слов процесс на примере нескольких глаголов.

Глагол *кассировать* (французский *casser*) известен русскому языку с конца XVIII века. В том же значении находим и однокоренной глагол *касовать* (польский *kasować*). Значение их сначала тождественно одному из значений французского *casser* 'ломать, разрушать': «Все общество наше было разрушено, корпус кассирован» (Болотов. Записки); «Пять полков по роте по полкам раскасованы» (Нащокин. Записки). Однако примеры показывают, что французский глагол *casser*, означавший 'ломать, разрушать', в широком значении этого слова (*casser le verre* 'разбить стакан'; *casser des œufs* 'разбить яйца' и т. п.) употреблялся в русском языке только в тех случаях, когда речь шла о расформировании военных единиц (корпуса, полка, роты).

Другое значение французского *casser* — 'отстранять от должности, увольнять' (*casser un officier* 'уволить офицера') тоже сохранялось на первых порах в русском языке, например: «О корабельщике представлено будет с тем, чтобы его кассировать» (Хемницер. Письмо Львову, 1782). В «Новом словотолкователе» Н. Яновского (СПб., 1803) приводятся оба эти значения глагола *касовать*: 'уничтожить, из службы отпустить, отставить, отрешить. Так же разжаловать кого'.

Третье значение французского *casser* — значение правового, юридического термина: *casser une condamnation*, *casser des jugements* 'опротестовать (кассировать) приговор' (E. Littré. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1874). В этом значении в XVIII — начале XIX века глагол *кассировать* (*касовать*) в русском языке не употреблялся.

Позже в русском языке глагол *касовать* совсем вышел из употребления; для глагола *кассировать* в Словаре В. И. Даля сохраняется значение 'разрушить, расформировать', но и этот глагол употребляется лишь в приставочной форме: *раскассировать* полк, роту — 'разместить всех людей в другие команды, разбить состав', Бесприставочный глагол начинает употребляться в новом для русского языка значении 'отменить или опротестовать': «Каждая предлагаемая мера тотчас же кассировалась» (жур-

нал «Будильник», 1865, № 11); «Приговор был кассирован» (Кони. Из записок судебного деятеля); «кассировать выборы» («Русский вестник», 1870, № 1). Позднее это значение становится еще уже, так что глагол *кассировать*, как и существительное *кассация*, в современном языке соответствует только одному значению французского глагола *casser*, сохраняя узкое значение юридического термина: «отменить или опротестовать судебное решение».

Другой пример — глагол *аккомпанировать*. Появляется он в конце XVIII века первоначально в значении, соответствующем французскому *accompagner* «сопровождать» (*il m'accompagne dans tous mes voyages* «он сопровождает меня во всех путешествиях»). В этом широком значении слово употребляется Державиным: «Есть кому вас здесь аккомпанировать» (Письмо Аверьянову, 1786). При этом глагол имеет при себе прямое дополнение в винительном падеже. Однако уже в упомянутом Словаре Н. Яновского мы находим этот глагол только со значением музыкального термина, соответствующим французскому «исполнять аккомпанемент, аккомпанировать на пианино». В этом значении глагол и *закрепился* в русском языке, утратив первоначальное общее значение сопровождения: «Он... аккомпанировал Вьетану и многим певцам» (Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни). Глагол в русском языке изменил управление, дополнение при нем стоит в дательном падеже. Слово стало музыкальным термином.

Глагол *монтировать* появился в русском языке в середине XIX века и первоначально в соответствии с одним из значений многозначного французского глагола *monter* (Словарь Littré приводит 45 значений этого слова) имел широкое значение «устанавливать, обзаводить, снабжать чем-нибудь»; ср. толкование в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. А. Толля отглагольного существительного *монтировка*: «изготовление, составление чего-нибудь, обзаведение домашней утварью; снабжение корабля матросами; в особом значении — обмундирование войск». В этом значении глагол употребляется Герце-

пом: «Хозяйство Ивана Афанасьевича не было монтировано» (Кто виноват?).

Однако в это время глагол *монтировать* в соответствии с другим значением французского *monter* «подниматься» мог означать также «находиться в состоянии душевного подъема, быть в приподнятом настроении». Пример употребления глагола в таком значении находим опять-таки у Герцена: «Я был монтирован, дурачился, сыпал остротами» (Былое и думы). Интересно свидетельство И. А. Бунина об архаизации этого значения в конце XIX века: «Мой отец обычно говорил прекрасным русским языком, простым и правильным. Но иногда вдруг начинал говорить в таком роде: „Я в этот вечер был монтирован, играл отчаянно“» (Из записей).

Уже во французском языке на базе значения «устанавливать, обзаводить, снабжать чем-либо» определилось еще более узкое значение глагола *monter*: «disposer les pièces d'une machine» «собирать, устанавливать части машины» (Littré). В русском языке оно закрепилось, и глагол, утратив все другие значения французского *monter*, стал узким техническим термином.

Глагол *pretendовать*, как и соотносительное с ним существительное *pretензия*, *pretенция*, появился в начале XVIII века и соответствовал польскому *pretendować*, французскому *prétendre* в значении «требовать»: «pretendовать спущение флагов» (Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. «Сборник ОРЯС». Т. XXXVIII, № 2, СПб, 1910); «един из них имеет право от другого что-нибудь pretendовать» («Полное собрание законов Российской империи с 1649 года». 1740). Глагол имел при себе прямое дополнение в винительном падеже. В этом значении он отмечается в словарях конца XVIII века: *pretendовать* «требовать» (Курганов); «требовать, притязание иметь... домогаться, добиваться чего, искать» (Яновский). То же значение, но с изменившимся управлением, сохранялось и в XIX веке, ср. толкование Даля: *pretendовать* на что «требовать, искать, предъявлять права»; однако здесь отмечается и другое значение: *pretендо-*

ать на кого — 'обижаться, жаловаться', точнее 'выражать претензии на кого-либо, недовольство кем-либо': «Достоевский претендовал на Белинского» (Панаева. Воспоминания). Кроме того, к концу XIX века появляются также значение 'добиваться признания за собой какого-либо качества, особенности': «Я всегда претендовал на прозорливость» (Эртель. Гарденины); «Хорошая, то есть претендующая на влияние, речь» (Кони. Из записок судебного деятеля). В современном языке глагол *претендовать* в значении 'требовать' не употребителен. Развились и укрепились значения: 'добиваться признания за собой какого-либо качества' и 'выражать претензию на что-либо, недовольство кем-либо'. Второе из них впитало в себя значение 'требовать', чему способствовало изменившееся управление глагола (не *претендовать что*, а *претендовать на что*): «Вы претендуете [требуете, выражаете претензию] на восстановление отцовства» (Лидин. Две жизни).

Глагол *протестовать* появился в первой трети XVIII века и соответствовал польскому *protestować*, французскому *protester* в значении 'торжественно публично заявлять, заверять': «Кардинал проводил меня до дверей той горницы, в которой сидели, протестуя, однако ж, что то чинится для меня персонально» (Кантемир. Письма и депеши, 1739); ср. французское «Je proteste de ne prétendre rien à tous vos biens» (Я заявляю, что ничуть не претендую на все ваше имущество. Мольер). С этим же значением глагол *протестовать* отмечается у Курганова в «Русском словотолке» — 'объявить'. Однако уже в Словаре Н. Яновского наряду со значением 'выражать, заявлять протест', то есть 'делать официальное заявление', отмечается новое специальное, соответствующее другому значению французского глагола: 'в приказном наречии: 'объявить несогласие свое' (Яновский). Это значение относится к специальной коммерческой области: 'протестовать вексель» (например у Горького в «Фоме Гордееве»); ср. французское «*protester cette lettre de change*» (Littré). С другой стороны, глагол *протестовать* имеет более широкое

значение 'выражать, заявлять протест, возражать против чего-либо': «протестовать против войны» (Гаршин. Трус); ср. французское: «*protester contre une résolution*» (Littré). В этих двух значениях глагол, как и слово *протест*, закрепился в современном русском языке.

Глагол *авансировать* появился в начале XVIII века и в соответствии с некоторыми значениями многозначного французского *avancer* означал: 1) 'продвигаться вперед' (*aller en avant*): «Неприятеля далее авансировать не допустили» (Смирнов...); 2) 'продвигаться по службе': «обыкновенные люди, чая прибавки жалования и авансирования по искусству более рачительства... иметь могли.» («Полное собрание законов...». 1756). В этом, втором значении глагол *авансировать* отмечен и у Курганова: 'происходить в чин, успевать'. Позднее глагол *авансировать* не отмечался ни в Словаре В. И. Даля, ни в словарях 1847 года и 2-го отделения Академии наук. В современном литературном языке он имеет значение 'делать аванс; снабжать кого-нибудь деньгами вперед' (в соответствии с одним из значений французского *avancer* «*payer par avance*»). Это значение впервые отмечено лишь в наше время в семнадцатитомном академическом Словаре. Глагол превратился в финансовый термин.

Приведенный материал показывает, что значения заимствованных глаголов в русском языке имели тенденцию суживаться по сравнению со значениями их в языке-источнике, иногда специализироваться, даже терминологизироваться. Примеры раннего употребления их в русском языке — яркое тому доказательство.

Но не следует упускать из виду и того, что есть много заимствованных глаголов, значение которых искони соответствовало и соответствует значению их иноязычных прототипов. Это глаголы, называющие определенные конкретные действия, такие, как *атаковать*, *танцевать*, *адресовать* и др. Их значения были стабильны со времени появления в русском языке.

Н. С. АВИЛОВА

В ТУПИК

«Улица... одним своим концом вела к кладбищу, а другим пикуду, в тупик» (Брянцев. По тонкому льду); «Он вторично перевел стрелку на тот путь, который вел в тупик» (Попов. Сталь и плак). В этих примерах написание *в тупик* не вызывает затруднений: существительное с предлогом пишется раздельно. Но когда выражение *стать, встать, попасть* и т. д. *в тупик* употребляется в переносном смысле (Решая задачу, я стал в тупик), принято считать, что сочетание существительного с предлогом становится наречием, и, следовательно, его следует писать в одно слово: «Когда меня спрашивают: что нужно, чтобы стать дирижером, я становлюсь втупик» («Неделя», 1965, № 31).

Мысль о наречном характере предложно-падежной формы *в тупик* прочно закрепилась в учебной и методической литературе по русскому языку. Правда, высказываются различные суждения о степени адвербиализации (перехода в наречие) этого выражения. В *тупик* рассматривается: 1) как оформившееся наречие (В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 354: «...Наречия, распадающиеся на предлог и форму винительного падежа существительного... б) ...втупик»). То же в академической «Грамматике русского языка». Т. I. М., 1960, стр. 620); 2) предложно-падежная форма с незаконченным процессом адвербиализации (С. Е. Крючков. Унификация орфографии и школа.— «Русский язык в школе», 1954, № 5. См. также его статью о наречии в сб. «Методические разработки по русскому языку для V—VII классов средней школы». М., 1956); 3) предложно-падежная форма в начальной стадии адвербиализации (А. В. Калинин. Разумно упростить орфографию.— «Русский язык в школе», 1963, № 2). В соответствии с традицией близость предложно-падежной формы *в тупик* к наречиям устанавливается на основании ее образного употребления. В выражениях *стать в тупик, попасть в тупик* и др. образность

значения *в тупик* раскрывается путем сопоставления с прямым значением существительного *тупик*. Профессор С. Е. Крючков так объясняет значение *в тупик*: «Поставил своим вопросом *в тупик*, то есть как бы в тупой, не имеющий выхода переулок» («Русский язык в школе», 1952, № 1). Действительно, если придерживаться традиционного объяснения и связывать употребление этого сочетания с метафорой, то интересующая нас форма обособится от остальных падежных форм этого слова в его прямом значении: «улица, не имеющая сквозного прохода и проезда».

Однако мнение, сложившееся у ряда лингвистов относительно наречности сочетания *в тупик*, нельзя признать верным. Образное его употребление не признак адвербиализации, а лишь выражение развившегося нового, переносного значения у существительного *тупик*.

Вполне обоснованно были выделены в словарях XVIII и XIX веков сочетания *в тупик прийти, стать, приехать* (кого) как обособившиеся от основного значения существительного *тупик* (см., например: Словарь Академии Российской, Словарь 1847 года, Словарь Даля). Однако в этих словарях не фиксировалось переносное значение слова *тупик* как самостоятельное. Утверждение И. С. Ильинской: «Профессионального происхождения и такие фразеологические выражения, как ... *встать, поставить в тупик* (из речи железнодорожников)» не следует считать верным, так как, даже по словам автора: «Сейчас трудно представить, что немногим более ста лет назад в русском языке не существовало такого простого, всем известного слова, как *паровоз*» (О богатстве русского языка. М., 1964).

Уже в XIX веке можно встретить случаи употребления существительного *тупик* в его переносном значении («затруднительное положение»); в предложную конструкцию включается согласованное определение, что говорит о некоторой самостоятельности этого слова, о завоевании права на существование его с новым значением:

«Помучившись несколько минут над одною и пришед в совер-

шенный тупик, бросил я сию и взял другую бумагу ...» (Болотов. Записки, I); «Такой решительный вопрос поставил, казалось, Карачаева в совершеннейший тупик» (Григорович. Проселочные дороги); «Таким образом, такой долгий срок вражды поставил его к третьему дню в самый мрачный тупик» (Достоевский. Идиот); «Новая неожиданная путаница рассказа поставила меня в решительный тупик» (Г. Успенский. На минутку).

Имеющийся фактический материал позволяет установить, что существительное *тупик* с переносным значением 'затруднительное положение' широко употребляется в современном русском языке (особенно в настоящее время):

1. Имеет полную систему падежных форм как в единственном, так и во множественном числе:

«Опасный тупик» («За рубежом», 1968, № 52); «[Елена Николаевна:] — ... Здесь все кипение мыслей его, все — тупики, в которые он заходил, все муки совести ...» (Герман. Дорогой мой человек); «... вместо того, чтобы немедленно воспользоваться возможностью, открывающей перед США выход из безнадежного для них кровавого тупика во Вьетнаме, американские агрессоры пытаются хоть что-нибудь заработать на этом» («Правда», 1968, № 106); «Среди туманностей, тупиков один вопрос казался ей необыкновенно важным, и с решением его было невозможно медлить» (Федин. Необыкновенное лето); «Я не загадывал, во что выльется этот разговор, но теперь он явно приближался к тупику» («Известия», 1959, № 254); «Специалисты по тупикам» («Известия», 1968, № 96).

2. Может иметь при себе самые разнообразные согласованные определения: атлантический, атомные, безнадежный, военный, глухой, дипломатический, душевный, жизненный, культурный, материальный, нынешний, политический, полнейший и др., а также несогласованные определения и управлять в этом случае родительным падежом зависимого существительного:

В тупике абстракционизма; в тупике безысходности; в опасный тупик «бесконечной войны»; южновьетнамский тупик Вашингтона.

3. Может быть зависимым не только от глагола, но и от существительного (при этом оно может стоять в родительном или дательном падеже, согласно требованию управляющего слова):

глубину тупика; источник тупиков; конец тупику; «строители» тупиков.

4. Расширился круг предлогов, с помощью которых стало возможным управление существительным *тупик* в переносном значении: в, до, за, из, к, на, о, об, по, с. Например:

«Какой-нибудь отросток мысли, придирка к слову, к сравнению, случайно и вадорно увлекают их внимание в сторону, и, дойдя до тупика, они уже не помнят, как вошли в него» (Куприн. Мелюзга); «Всю дорогу до самого хутора Григорий как-то несвязно и бестолково думал о недавнем ... но мысль доходила до отдыха дома и дальше напарывалась на тупик» (Шолохов. Тихий Дон); «... „танзанийский эксперимент“, возможно, укажет другим странам Африки выход из тупика отсталости и экономической зависимости» («За рубежом», 1968, № 10).

5. Может быть как главным, так и второстепенным членом предложения.

6. Значительно расширился круг глаголов, с которыми сочетается *тупик* в переносном значении:

оставаться, давать, происходить, породить; выйти, вывести, высвободиться, вырваться, выскокить; привести, приблизиться; завесты, привести, ликвидировать, зайти, попасть, подчеркнуть, напарываться, загнать, заходить; заканчиваться; находиться, оставаться, оказаться.

Можно, наконец, отметить, что существительное *тупик* в переносном значении имеет целый ряд синонимических слов и выражений:

попасть в безвыходное положение, попасть в затруднительное положение; поставить в весьма трудное положение, поставить в довольно затруднительное поло-

жение, поставить в весьма затруднительное положение, поставить в ложное положение; ставить в трудное положение, ставить в затруднительное положение; создать безвыходное положение; оказаться в труднейшем положении; выйти из затруднения, выйти из любого затруднения, выйти из весьма затруднительного положения; выход из создавшегося положения, выход из положения.

Какой же вывод? Существительное *тупик* и в переносном значении не

утрачивает предметности. Следовательно, образное употребление предложно-падежной формы *в тупик* — это не признак ее адвербиализации, а выражение развивавшегося нового значения у самого существительного, которое обособилось на основе образного употребления всего сочетания *в тупик прийти, стать, привести (кого)*. Становится ясна и орфографическая сторона дела: существительное с предлогом всегда пишется раздельно — *в тупик*.

А. С. ДЫМСКИЙ
Москва

Справка

КАКИЕ ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ БЫЛИ В 1969 ГОДУ?

Московский институт инженеров землеустройства

1. Революцией мобилизованный и призванный (по произведениям В. В. Маяковского).
2. Давыдов и Половцев в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина».
3. «Война и мир» — великая героическая эпопея.
4. «Широка страна моя родная!»

Московский институт радиотехники, электроники и автоматики

1. Образ В. И. Ленина в произведениях советских писателей.
2. Влияние революционных идей на духовное обновление человека (по роману А. М. Горького «Мать»).
3. «Я лиру посвятил народу своему» (по лирике Н. А. Некрасова).
4. От Онегина к Обломову.

Архангельский ордена Трудового Красного Знамени лесотехнический институт имени В. В. Куйбышева

1. Ленин и теперь живее всех живых.
2. Почему Татьяна Ларина — «милый идеал»?
3. М. Горький — буревестник революции.
4. Проблема личного и общественного счастья в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина».
5. Фамусов как представитель старого барства.
6. Почему Маяковский назвал свою поэму «Хорошо»?
7. Сильные и слабые стороны личности Катерины (А. Н. Островский «Гроза»).
8. Идеиное богатство и душевная красота революционеров в романе М. Горького «Мать».
9. Онегин и Чацкий.
10. Мой любимый герой в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина».
11. Революционные демократы в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».
12. Величие подвигов советского народа в Великой Отечественной войне.
13. «Пою мое Отечество, республику мою».
14. Беззаветная борьба за счастье Родины — высшее проявление патриотизма.
15. Без труда не может быть чистой и радостной жизни.
16. Слава борцам, что за правду сражались.

(Ответы. См. стр. 46)

1. «Благородное воздействие» — неправильное словоупотребление, следует: *благотворное*; пропущено слово, следует: *процессы, протекающие в организме*; «...одним из самых целобных, а в ряде случаев — незаменимым лечебным средством» — нарушение согласования.

2. «...переливание донорской крови» — слово *донорской* лишнее, так как иной крови не переливают, ср. широко распространенный медицинский термин *переливание крови*.

3. Общая неясность высказывания, которая возникает в результате злоупотребления профессиональными оборотами речи (показания к чему-либо; показания... расширяются).

4. «...отдельные ее составные части» — смысловой повтор, следует: или *отдельные части*, или *составные части*; логическая ошибка: сначала плазма, сыворотка и т. д. названы «составными частями крови», а затем «препаратами, изготавливаемыми из крови».

5. Неясность или двусмысленность высказывания, возникшая из-за того, что мысль не раскрыта до конца (потребность чья?). Автор, видимо, хотел сказать, что донорская кровь находит в медицинской практике все большее применение, поэтому потребность в ней возрастает; «Потребность... увеличивается» — неверное употребление устойчивого оборота, следует: *потребность возрастает*.

6. Оборот *все это* обычно употребляется после перечисления, в тексте этого нет, слово *все* следует снять; «Все большего числа», «все это вызывает» — повторение одного и того же слова (в предыдущем предложении оно тоже есть); «...вызывает необходимость в привлечении» — неудачное сочетание, неправильное управление, следует: *необходимость привлечения*; «...доноров — людей, дающих кровь...» (и т. д. до конца фразы) — смысловой повтор, так как из сказанного ранее роль донора уже ясна; «...своих сограждан» — неоправданно употреблено высокое слово, лучше сказать более нейтрально, например: *для спасения жизни людей*.

7. Неясность высказывания, как и в предложении пятом; «...резко возросло переливание крови» — смысловая и стилистическая ошибка: возросло не переливание, а *количество переливаемой крови* или *число случаев, где использовалась донорская кровь*.

8. Неудачный порядок слов, из-за которого начальное *также* воспринимается в значении «в той же степени, в тех же пропорциях». Лучше сказать: *Увеличилось также и число доноров* — легко заметить, что слово *также* можно безболезненно снять.

9. «...проводят работу по вовлечению населения в число» — ошибка связана со стилистической неуместностью официально-канцелярского оборота и неточным словоупотреблением, следует: *Большую работу проводят медики..., вовлекая население в ряды...*

10. «...предоставляются некоторые льготы» — неудачный выбор синонима, вместо «некоторые льготы» лучше сказать: *определенные льготы* или вообще обойтись без уточняющего слова.

Сущность язычества — обожествление природы, или, как сказали бы еще в XIX веке, — «обожание» природы. *Обожать* буквально 'делать богом, почитать как бога'. И. И. Срезневский в «Исследованиях о языческом богослужении древних славян» так и шипит: славяне «обожали солнце... обожали звезды и месяц» (СПб., 1848). Как и все славяне, русские считали природу населенной множеством таинственных духов. Как разнообразна была природа, так многочисленны и разнообразны были боги, которым люди поклонялись.

В современном русском языке есть слова, которые в своем значении сохранили следы далекого языческого прошлого, например *обаяние*. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова так определяет значение этого слова: 'очарование, притягательная сила', а *очарование* — 'чарующая сила, прелесть чего-нибудь', *прелесть* — 'очарование, возбуждаемое кем-, чем-нибудь красивым, милым, пленительным'. Итак, *обаяние* и *прелесть* определены как 'очарование', а *очарование* — как 'чарующая сила'. Дело здесь не только в неточном определении. Очевидно, какая-то «сила» все-таки связывает эти три слова. Но прежде чем разобраться в их значениях, совершим исторический экскурс.

Официально Русь приняла христианство в 988 году при великом князе Владимире. Но русские были знакомы с христианством и раньше. Великая княгиня Ольга, бабушка Владимира, крестилась еще в 955 году и уговаривала принять новую веру и своего сына. Но князь Святослав креститься не хотел, боясь насмешек дружины.. «Како азъ хочю инъ [иной] законъ прияти единъ? — сказал он матери, — а дружина моя сему смѣяться начнуть».

Разные мотивы — политические, государственные, культурные — привели князя Владимира к принятию новой веры. Но удивительно, что древняя летопись под 987 годом указывает лишь один — эстетический. Когда вернулись люди, посланные князем Владимиром для знакомства с вероучениями разных стран, вот что сказали они о греческой вере: «... И не свѣмы [и не знаем], на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая, ... и есть служба ихъ паче [лучше] всѣхъ странъ. Мы убо не можем забыти красоты тоя». Судя по летописи, вели-

колепие византийских храмов и красота исполнения христианских обрядов склонили русских к принятию новой веры.

Крещение киевлян прошло спокойно. Владимир велел сообщить горожанам: «„Аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ [Если не появится кто завтра на реке], богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ“. Се слышавше людье с радостью идяху». И вот утром все вышли к Днепру, «влѣзоша в воду... попове [попы] же стояще молитвы творяху». А потом «идоша кождо в домы своя».

Может быть, так оно и было, может быть, действительно язычники — русские не боролись против новой религии, просто они приняли еще одного бога. На Руси началась эпоха, которая названа в памятниках письменности двоеверием. Приняв крещение и называя себя христианами, русские продолжали молиться и своим *прежним богам*. В *христианских памятниках письменности* сохранилось много свидетельств о том, как «поганые языци» кланялись идолам и «требы им клали и имена им нарекли». Проповедники, борющиеся против язычества или его остатков, разъясняли, что не подобает христианам петь «песни бесовские» и приносить «жертвы идольские», поклоняться «... перуну, и волосу скотью богу, роду и рожаницамъ, и всѣмъ тѣмъ, иже [которые] суть им подобни». Но усвоение новой религии проходило медленно, молодые христиане продолжали «жрети [приносить жертвы] молнии и грому». «А друзии [а другие] къ кладязѣмъ приходяще молятся..., а друзии огневи [огню] и камению, и рѣкамъ, и источникамъ, и берегьямъ» [О *берегине* см.: «Русская речь», 1969, № 5].

Памятники письменности древнейшей поры содержат много названий лиц, занимающихся колдовством, прорицательством, гаданием. Многие из этих слов знакомы нам по народным сказкам, некоторые забыты, некоторые переосмыслены: волхв, волхва, волшебник, волшебница; ведун, ведьма (вѣдѣти — «знать»; вѣдь — «колдовство, ведовство, знание»); ворожея (ворожити — «колдовать, ворожить, предвещать»); зелейник (зелие — «трава»: «тот, кто колдовал с помощью трав»); кобник (кобь — «гадание по птичьему полету, предсказание, колдовство, пророчество»); кудесник (кудеса, кудеса — «колдовство, чудеса»); наузник, узольник (науза, узль — «тот, кто колдовал с помощью навязей, узлов»); потворник, потворица (потворы — «колдовство, чародейство»).

Теперь мы не останавливаем своего внимания на том, что современное *очаровать* и *очаровательный* связаны с чарами чародеев. *Чаровати* в древнерусском языке значило «колдовать, ворожить»: «Словесы [словами] некими тапными чарующе бѣсове [бесы] и водою влѣхвующе» [Изборник 1073 года]. *Очарование* значило «околдование», *очарованный* — «околдованный». В Прологе XIV века рассказывается о пустынноике Зосиме, который беседовал со зверями, как с людьми, и некто князь попросил его: «Исповѣжь свое волшество, яко звѣри [зверей] очароваль еси». В Алфавите XVII века читаем: «Бѣ нѣкий волхвъ, именемъ Сергей. Имяше же у себе

пса, волхвованцемъ очарована». Как и любое колдовство, очарование строго наказывалось: «Аще кто друга своего очаруеть ... да имат опи(т) [епитимию, то есть наказание] 6 лет» (Из церковных правил. XIV—XV века).

В современном языке *обаятельный* почти то же, что *очаровательный*. *Обаяние* в древнерусском языке также означало 'волхование, чародейство': «И обаяния, и отравлѣния, и чарования творятъ» (Рязанская кормчая 1284 года). Только здесь колдовство достигалось средствами *баяния, обаяния*, то есть умения очаровывать словами, заговаривать. Теперь трудно себе представить, чтобы *обаятельный* человек заговаривал кому-нибудь зубы, а в древности *обаятель, обаяльник* — 'заклинатель, заговаривающий'.

С точки зрения церкви, все, кто занимался ворожкой, колдовством, были *прелестниками*, то есть 'обманщиками', потому что творили «прѣльстное чарование», призывали на помощь себе «прелестных бесов», верили «нощным прелестным снам» (слово *прельсть* в древнерусском языке означало 'обман', так, например, князь литовский Витовт Кестутевич в 1395 году «взя Смоленскъ прельстью и свои намѣстники посади»).

Многие исследователи склонны видеть в слове *чур* («чур меня!», чересчур) название древнего божества. В свое время М. Чулков писал: «Славяне признавали сего бога хранителем межей, полей и пашен, и оный больше всех прочих богов имел власти над чертями» (Словарь русских суеверий. СПб., 1782). *Чур* мог быть домовым, богом-хранителем домашнего очага. Ведь дух умерших предков хранил живых от бед и несчастий, а дух старшего в роду, основателя рода, строителя дома, усадьбы, и был домовым.

Современному человеку, завязывающему узелок на память, интересно узнать, что в представлениях его предков узлы играли важную роль: навязи, навязки, узлы имели чародейственную силу, хранили от болезней, несчастий, дурного глаза. Софийская летопись под 1044 годом рассказывает о князе Всеславе: когда мать родила его, «бѣ ему на главѣ знамя [знак, отметина] язвено — яма на главѣ его. Рекоша волсви [волхвы] матери его: се язвено, навязжи на нь [него], да носить е [ее, то есть наузу, навязку] до живота своего на себѣ». Летописца не удивляет, что не к христианскому богу, а к волхвам прибегает за помощью жена князя Брючеслава. Летописец отмечает только: «Сего ради немилостивъ есть на кровопролитѣ». Правда, это XI век. Но и в XV веке митрополит Фотий в своем послании новгородцам дает такое наставление церковным властям: «Учите, чтобы басней не слушали, лихих баб не принимали, ни узлов, ни примовленья, ни зелья, ни вороженья».

В Кормчих книгах XII—XIV веков есть отдельные статьи о священниках, занимающихся волхованием, — ведь они выходили из той же среды двоеверцев: «Аще обрящеться кто от священническаго чину вълхвуя ... или узлы творя, обяая о шняхъ челоувкомъ или о нѣкихъ удѣхъ [завязывая людям на шеях или на других частях тела], таковыи от цркве изринеться». В одном из списков

церковного устава Владимира узлы поставлены в число церковно-судных дел.

Во всякой религии сильнее всего ее обрядовая сторона. Православная церковь, видя свое бессилие в борьбе с языческими обрядами и в общем-то не считая обязательной борьбу с некоторыми из них, приурочила многие языческие празднества к христианским датам. Но церковь всегда была противницей разгульного веселья языческих праздников и стремилась согласовать их со сдержанностью и аскетизмом христианской религии. Церковь отрицала веру в сны, гаданье о будущем, веру в судьбу, встречу, «въ чехъ и во птичий грай», в предзнаменования. Все это она относила к *суеверию*, то есть ‘ложноверию, напрасноверию’ (*сue* в древнерусском языке значит ‘напрасно, тщетно; попусту’). Но суеверий было множество, и проявлялись они в самых неожиданных, казалось бы, областях. «Сыскались люди, — читаем в Флориновой экономии, памятник XVIII века, — которые хитростию и искусством своим съмена многоплодными дѣлають: но ежели сии хитрости не съ суевѣрнымъ волшебствомъ чинятся, то оныя дозволяются». Многие из суеверий сохранились и теперь.

Кто задумывается над тем, почему в весеннем лесу мы спрашиваем у кукушки: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?». По свидетельству некоторых источников, именно в кукушку превращалась богиня жизни Жива.

Некоторые вопросы мы и теперь решаем с помощью жребия, как это делали наши предки. С жеребьевки начинается множество состязаний (например разыгрываются ворота на футбольном поле перед матчем), почти все детские игры, где надо выбрать одного из многих. Только в древности жребий метали по более серьезному поводу: «И рѣша старци и боляре: мечемъ жребии на отрока и дѣвицю; на него же [на кого] падеть, того зарѣжемъ богамъ» (Повесть временных лет, под 983 годом).

В языческую древность уходит корнями обычай наряжать елку в Новогоднюю ночь.

Несомненно, к язычеству относится обычай краситься, рядиться, надевать маски. Церковь всегда боролась с этим, предостерегала в поучениях, осуждала в проповедях, наказывала и даже отлучала: «Никому же мужеву [мужчине] въ женъскую одежду облачитися или женѣ [женщине] въ мужьская достойно» (Ефремовская кормчая XII века); «Растяще власы главы своея, на дользѣ пуцающе, и плетуще или виуще, или шаряще [шарити — ‘красить’] и творяще бѣлы, черны или черьмны [рыжими] или русы ... таковы съборъ отлучати повѣлъ» (Рязанская кормчая 1284 года). Причина осуждения церковью красящихся и рядящихся — в самой сути христианского учения: человек есть творение бога, нельзя изменять образ, облик, данный человеку богом. «Ни помажѣмся, пишуще [раскрашивая] лица, — говорит Богослов, — ибо те, кто поступает так, «погубляють ... лица и крють [скрывают, покрывают] видъ, иже [который] написалъ естъству писецъ богъ». Ко-

нечно, было и соображение морального порядка, хорошо выраженное в одной из притч «Пчелы», переведенном памятнике конца XIV века: своего друга поставил царь с судьями судить, потом, поняв, что он подкрашивает бороду и волосы, «сведе и [его] от судниского стола, рече: аще власомъ своимъ невѣренъ еси, то како людемъ и суду вѣренъ можеши быти?».

Многие обычаи, преданья, поверья и приметы, встречающиеся у русских и теперь, обязаны своим происхождением язычеству. Многие возникли позднее и отразили только внешнюю связь с духом древнего язычества. Большинство из них наполнилось новым содержанием и смыслом, а часть стала предметом забавы и развлечения, сохранив отголоски прежнего очарования и прелести.

Н. В. ЧУРМАЕВА

В современной исторической науке термином Золотая орда одинаково широко пользуются авторы научных трудов и популярных работ, специальных монографий и школьных учебников. А между тем исследования в области русско-татарских отношений нередко по-разному очерчивают даже временные контуры тех событий, с которыми связано понятие Золотой орды: в одном случае под Золотой ордой понимается Улус Джучи (атарское государство XIII—XIV веков), в другом — совокупность татаро-монгольских ханств на территории Юго-Восточной Руси с центром в Сарая (в период с 1236 по 1480 год).

Кроме того, в специальной литературе в разное время пользовались различными терминами: чаще Орда, Улус Джучи и лишь в сравнительно недавнее время, уже в XX веке, в русской исторической литературе предпочтение было отдано термину Золотая орда.

Все эти факты, по-видимому, связаны с какими-то конкретно-историческими, еще плохо выясненными условиями утверждения сочетания Золотая орда в русском языке в качестве термина. Об этом писали и сами историки. В книге Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая орда и ее падение» (1950) высказывается предположение, что термин «Великая золотая орда» применялся к Орде Чингиз-хана. Возник он, возможно, под влиянием названия Цзиньского царства (Северный Китай), императора которого персидские источники именуют Алтан-ханом, то есть Золотым ханом. Однако, авторы книги вынуждены констатировать: «Так до сих пор и остается открытым в науке этот вопрос». С тех пор вышло несколько обстоятельных исследований по истории Золотой орды, однако изучение объема и истории самого термина мало продвинулось вперед.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русских летописях термин Золотая орда отсутствует под годами записи, современными игу. Сочетание Золотая орда вообще появляется в русских памятниках лишь в XVI веке. В связи с этим не кажется безупрочным утверждение, содержащееся в V томе «Советской Исторической Энциклопедии» (статья «Золотая орда»): «В восточных источниках государство называется Улус Джучи, в русских летописях — Золотая Орда».

Чем объясняется, что этим термином не пользовались первые историки-летописцы, современники тех событий? В какой мере термин можно считать заимствованным? Да и когда сочетание Золотая орда стало термином?

Лингвистический характер этих вопросов очевиден. Поэтому в данной статье приводится языковой материал и некоторые, связанные с ним соображения, которые могли бы дать наблюдениям историков дополнительную аргументацию. Вопрос об истории термина Золотая орда целесообразно, по-видимому, разделить на несколько более частных вопросов: происхождение наименования, бытование его в русской письменности, формирование его как термина.

Слово *орда* известно с древнейших времен китайским, монгольским, персидским памятникам письменности, где оно означало первоначально шатер, юрту, ставку. В Сборнике летописей на персидском языке, составленном видным историком и политическим деятелем периода монгольского правления в Персии Рашид-ад-Дином (1247—1319), сочетание *золотая орда* употреблено именно в этом конкретном значении. В Летописи Чингиз-хана под 1224—1225 годами есть запись о том, как в первый раз охотились его сыновья. После охоты, «когда они все оттуда отправились, он расположился в местности Бука-Суджину и повелел разбить большую золотую орду, устроить многолюдное собрание и сделать великое пиршество».

В примечании издателей к этому месту говорится: «В тексте *урду* и *заррин* и *бузург* — Большая Золотая Ставка. В Хэй-да ши-люэ, то есть „Записках о черных татарах“ — китайском источнике XIII века (1237), описывающем быт и нравы монголов того времени, сообщается о „золотом шатре“. Согласно этому источнику, „золотой шатер“ представлял собой большую монгольскую юрту, вмещавшую несколько сот человек и ставившуюся ханом в особо торжественных случаях. Так как столбы и порог в ней были обернуты золотом, то ей и было присвоено название „золотой шатер“. В нашем тексте речь, видимо, идет об аналогичной царской ставке» (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.—Л., 1952).

Известен и другой факт. В 1245 году итальянец Плато Карпини, автор книги «История монголов, именуемых нами татарами», вместе с группой монахов предпринял путешествие в Среднюю Азию к великому каану (правителю), где его принял император Гуюк. Карпини рассказывал, что для Гуюка был сооружен шатер, который называли «золотой ордой». Он стоял на столбах, покрытых золотыми листами, и прибит был золотыми гвоздями. Подробно об этом рассказано в книге Г. А. Федорова-Давыдова «Курганы, идолы, монеты» (М., 1968).

Употребление слова *золотой* в таких случаях могло иметь, по-видимому, и несколько иное значение, если учесть символику цветообозначения в

восточных языках, на которую обращают внимание современные исследователи-ориенталисты: Анн-Мари Габэн, О. Прицак, Г. Людат.

Известно, например, что еще в 221 году н. э. в Китае каждому из четырех направлений стран света — востоку, западу, югу, северу — символически соответствовали цвета: голубой/зеленый, белый, красный и черный. Такие же космологические построения и их обозначения были у тюркских и монгольских народов. Об этом свидетельствуют многочисленные этнонимы и топонимы этих территорий, содержащие элементы kök 'голубой' (Кок-орда в летописях, Коктебель), aq 'белый' (Ак-орда в летописях, Ахтуба — 'Белый бугор'), qizil 'красный' («Кызылбашъ называются персияне... а потатарски красноголовые, государство же именуютъ Иранъ». В. Н. Татищев. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793), qara 'черный' (Каракумы — черные пески, «Каракалпаки — татарский народ, имя значит черные шапки, живут великими деревнями при Аральском море на северной стороне». Там же). Это подтверждается и древнерусскими историками, которые обнаруживают достаточно широкое знакомство с такой символикой цветообозначения, например: «Нъкоторые царь именемъ Темиръ Аксакъ, изыде отъ восточныя страны отъ Синия орды, отъ Шамахийския земли» (Книга Степенная царского родословия. 1560-е годы).

В источниках встречаем и сочетание Белая Русь (название Руси у тюркских народов) и Белый царь (название русского царя в обращении к нему представителей тюркских народов): «И кызылбашской гонецъ Искендеръ говорилъ: прислалъ меня государь нашъ Аббасъ шахъ къ великому государю вашему съ своею любительною грамотою... а посылаючи, наказалъ мнѣ: какъ... доѣдешъ брата моего великого государя белого царя Федора Ивановича в[еликого] Р[усского] государства до Москвы, и ты тое бологодѣть отдай въ его царскую казну» (Посольство в Персию князя Андрея Звенигородского. 1596).

Известно название Средиземного моря как Белого, возможно, западного, а Красного (Черного), возможно, как южного: «А от Лиды до Рамли — 2 поприща, а от Рамли до Афы до пристани, гдѣ корабли приставают на Бѣлом море, 10 поприщъ» (Поклоненье св. града Иерусалима. 1531); «До Кипрьского острова Белым моремъ бежат 1000 верстъ» (Слово о некоем старце. 1640); «Во Ерусалиме и во Цареграде и во всѣхъ окрестныхъ городехъ от тѣхъ окаянныхъ... волков поганского языка около Бѣлово и Чермнаго моря... православная... вѣра разорена» (Азовские повести XVII века).

Вторичным, хотя и достаточно древним, у тюрков, монголов было употребление слов, обозначающих желтый и золотой цвет, в смысле 'срединный, центральный'. Так, исследователи предполагают, что Алтайские горы получили свое название, связанное с монгольским и тюркским *алтан* 'золото', в середине VI века, так как эти горы Центральной Азии находились тогда в центре империи.

В выражении «золотой род Чингизидов», а затем «золотой род Джучидов» слово *золотой* также имеет, но-видимому, значение 'главный, центральный, основной'. Б. Я. Владимирцов в книге «Общественный строй монголов» (Л., 1934) отмечает: «По обычаю монголов женитьба на дочери хана делала его гурgenом, то есть ханским зятем, своего рода членом царского

рода и давала большие права, за исключением права на трон. Претендовать на ханский трон имели право лишь лица, принадлежащие к „золотому роду Чингизидов по мужской линии“».

Возможно, позднее конкретное значение сочетания *золотая орда* — «богато убранный шатер, ставка» — стирается, приобретая черты обобщенности: «коренной юрт, стойбище, лагерь хана» и даже «центр удела, столица». Кстати, тюркское название главного города хазар *Sarighazar* (буквально «желтые хазары») означало также «центр, столица Хазарского государства». Возможно, по его срединному местоположению был назван на территории Улуса Джучи и город *Sarigšin* от тюркского *sarig* «светлый, желтый».

Татарских памятников письменности периода существования Улуса Джучи не сохранилось, если не считать ханских ярлыков. Однако сохранившиеся свидетельства (русские летописные, а также персидские, составленные на тюркской основе) говорят о том, что сами татары именовали себя как государственную единицу в тот период (1291—1312 годы) Кок-ордой, или Синей ордой, то есть восточной (см. подробнее об этом статью Г. А. Федорова-Давыдова «Аноним Искандера и термины Ак-орда и Кок-орда» в сборнике «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968).

Мы не располагаем сведениями о том, что термин Золотая орда в этом последнем значении есть в тюркских, арабских или персидских источниках, современных существованию золотоордынского государства.

В русских памятниках письменности слово *орда* появляется с началом татаро-монгольского нашествия. Под годами записи, современными татаро-монгольскому игу, которое, по словам К. Маркса, «оскорбляло и иссушало самую душу народа», здесь употребляется только термин *орда*. В XIII—XIV веках оно обозначало ханскую ставку, стан, лагерь, коренной юрт кочевого племени, центр удела, улуса (государственной единицы): (1243): «Поиде в Орду ко царю Батыю князь Ярослав Всеволодичь и прииде из Орды пожалованъ» (Устюжский летописный свод XVI века); (1257): «Тое же зимы приеха Глѣбъ Василкович ис Кану земли от цря и оженися в Вордѣ» (Лаврентьевская летопись. 1377); «Здумавъ же князь Олександро и благослови его епископъ Юриль и поиде ко цареви в орду. Видѣвъ его царь Батыи и подивися и рече к велможам своим воинстину ми повѣдаша, яко пѣсть подобна сему князю; почѣстивъ отпусти и съ честию» (Житие Александра Невского XIII века; рукопись XVI века).

Возможно, что слово *орда* к концу XIV века стало обозначать не только ставку Батия, столицу Батия, но и весь Улус Джучи, татарское государство. Это следует из противопоставления в тексте Орды и Руси: «А добра ти намъ хотѣти во всемъ в ордѣ и на Руси. А что ти слышавъ о нашемъ добръ или о мѣстѣ отъ крестьянина или отъ поганина, то ти намъ повѣдати в правду» (Договорная грамота московского князя Василия Дмитриевича с князем Серпуховским. 1390).

Однако главным значением слова *орда* в XIII—XIV веках было «ставка хана».

Сам огромный Улус Джучи, занимаемая им территория, обычно обозначались в русских источниках словосочетанием Великая, Большая орда, а для определения отдельных частей улуса использовались сочетания Белая, Синяя орда: «Ншиѣ послалѣ есмъ к вамъ слуги наши Асана и Тулу Очюю то повѣдати вамъ нашему брату абы то вѣдали вы — што межѣ твоеѣ

земль суть княжения волости давали выходъ Бѣлой Ордѣ то намъ наше дайте» (Грамота хана Тохтамыша польскому королю Ягеллу. 1393); «Прорекоша великой орды разорение» (Житие Ионы митрополита Московского. XVI век); «Батяя царя Большия орды» (Житие Ефросинии Суздальской. 1549—1558; рукопись XVII века); «Темирь... всѣ орды поплени... Синюю орду иже есть близъ Индѣи прииде къ Великой ордѣ» (Книга Степенная); «Прииде нѣкоторыи царь именовъ Темирьзакъ, с восточныя страны, от синиы орды, от самахирския земли, от заецких татаръ» (Пролог сентябрьской и мартовской половины года. М., 1643).

К 1396 году, когда на территории Улуса Джучи временно возникло четыре независимые друг от друга орды (орда Кююрчака вблизи Сарая, орда Тимур Кутлука в районе Астрахани, Мангытский юрт Едигея за Яиком и орда Тохтамыша в Крыму), их названия приобрели и другие эпитеты: Пегая, Пестрая, Муратова, но чаще это уже названия, связанные с иным, русским способом обозначения места — Залесская, Заяицкая орда, например: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую Землю? То ты была орда Залѣсская. А не бывати тобѣ в Батяя царя» (Задонщина. XV век, список XVII века).

У слова *орда*, таким образом, к XVI веку появляется значение удела, области, земли.

«Вываживаль товары здѣшняго гдѣрства ис твоеи гдѣрвы области в иные орды» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. I. СПб., 1883, документ 1586 года); «Старинная татарская земля или орда не всемъ знаема» (Книга глаголемая космография, сиречь описанне сего света земель и государств великих. 1670); «А того де хана орда своя, гдѣ онъ живетъ, городъ у него деревяной, а около валъ земляной» (Дополнения к Актам историческим. Т. III. СПб., 1848, акт 1646 года).

Последний пример свидетельствует о том, что словом *орда* могла обозначаться и крепость, поселение сторожевого назначения, стан, пограничная область, обслуживаемая гарнизоном крепости и называемая по городу-крепости.

Отсюда в XVII веке появляются такие наименования, как Белгородская, Перекопская и даже Казацкая, Казацья орда: «Пришоль въ Черниговъ и сказался выходцомъ Иванкомъ Квашинимъ, а служилъ въ рейтарскихъ порутчикахъ въ Степановъ полку... а былъ въ Бѣлогороцкой ордѣ» (Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. III. СПб., 1884, акт 1678 года); «Из Бухар из Балха и из Казацкие орды и из калмык и из иных многих орд» (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Т. I. М., 1932, документ 1641 года).

Таким образом, заимствованная некогда конструкция наполнялась новыми, русскими чертами, была вовлечена в орбиту русских семантических и синтаксических процессов.

Первые случаи употребления термина Золотая орда в русских источниках связаны именно с городом, древней столицей улуса Бату — Сараем: «Лета 7096-го послал царь и государь в Астрахань города делати каменного Михаила Вельяминова да дияка Дея Губастова, и велел ломати мизгити и полаты в Золотой Арде и тем делати город. И зделан город безчисленно хорошо». Здесь «Пискаревский летописец» (памятник XVII века) сообща-

ет, что в 1587—1588 годы остатки города Сарая (его палаты и мизгити, то есть мечети) были разобраны и использованы как строительный материал для возведения Астраханского Кремля. Это самое раннее русское летописное употребление термина Золотая орда. Самый ранний из известных нам (целепописных) примеров относится к периоду 1549—1558 годов: «Братъ Якупа Сльпаго, иже отъ Златыя орды» (Житие Ефросинии Суздальской).

В источниках XVII века также есть примеры употребления термина Золотая орда как названия города: «По той рѣки по Ахтлубъ стоитъ Золотая орда» (Хождение на Восток Ф. А. Котова. 1624).

Значение города, столицы татарской державы сохранялось у сочетания Золотая орда и в XVIII веке. «По взятии Сумеркента Батый близ оного построил Сарай, или дворец, который и в русских источниках Сарай и Золотая орда именован» (В. Н. Татищев. История Российская. Т. III. М., 1774). Такие же догадки высказывались историками и позднее: «Название Золотой орды возможно произошло... от дворца, выстроенного Батыем на луговой стороне Волги и названного Шери-Сарай, то есть золотой дом» (М. И. Образцов. Золотоордынская Астрахань.— В кн.: «Астрахань в кармане». Астрахань. 1925).

Правда, Золотой ордой именовалась кочевая ханская ставка, которая не всегда могла находиться в Сараях. Однако на каком-то этапе развития торговли, оседлости кочевых племен Поволжья это совпадение ханской ставки, центра с городом, столицей государственного образования неизбежно было произойти.

Заметим, что для XVI—XVII веков было вообще характерно распространение названия центра, крепости, главного города, столицы на область, тяготеющую к центру, на землю, государство в целом. Так, в это время Русь нередко называли Московией. «Что Московия занимает первое место в титуле русского царя, это следует приписать не древности ее, а достоинству,— писал в 1661 году барон Меерберг.— Даже свое имя, заимствованное от речки... она передала всей России и всем обитающим в ней народам: это имя принято всеми с таким одобрением, что много уже лет эта страна называется обыкновенно „Московией“, а жители ее общим для них в свете именем „москвитянин“».

Несомненно, что в XVI—XVII веках такая конструкция (Белгородская орда, Казачья орда) была уже не столько названием города, сколько области, земли, государства, названного по главному городу. Это дало повод к тому, что и термин Золотая орда был, по-видимому, тогда перенесен на целую область — на всю существовавшую некогда на этой территории татарскую державу.

Характерно употребление термина Золотая орда в «Казанском летописце», воссоздающем ее историю в XVI—XVII веках. Здесь мы находим наряду с *Большая, Великая орда* сочетание *Царство Златыя Орды*: «Бысть же злогорькая та и великая власть варварская надъ Рускою землею отъ Батыева времени по царство тоя же Златыя Орды царя Ахмата... и по великаго князя Ивана Васильевича Московского»; «Царь Ахмать воспримъ царство Златыя Орды по отцъ своемъ, Зелет-салтанъ цари и посла къ великому князю Московскому послы своя»; «При семь же царе Ахмате... до конца Большая Орда запусеть».

Издавна со словом *золотой* в русском языке связывалось много прекрасных понятий. Вспомним хотя бы «золотое (мудрое) слово» князя Святослава, «со слезами смешанное» (Слово о полку Игореве); Золотые (главные) ворота в Киеве и Владимире; сочетание *золотые руки*. Очевидно, эта эмоциональная нагрузка слова долго мешала упречению обозначения «загорькой той варварской власти» словосочетанием со словом *золотой*.

Не случайно в XVIII веке историк В. Н. Татищев нигде не пользуется термином Золотая орда для обозначения державы Батыя (см.: Истории Российской. Т. III, глава «Нашествие Батыево»). Но это не мешает тому же В. Н. Татищеву-географу использовать данное сочетание в «Избранных трудах по географии России» в 1737 году: «О званьях. Како древние звания тех мест напред сего именованы было, например, Киевская именуется додесе Малая Русь, Московская и Смоленская, за едию Белая Русь... Рижская и Ревельская именовали варяги, Казанская болгары, Астраханская, Ногайская именованы были и Золотая орда» (М., 1950).

Вот еще примеры XVIII века: «Неумолковъ. Мы происходимъ прямо

ГОРЫ РУССКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ

Веселым, розовощекиим катанием с гор сопровождался зимние гулянья в старой России. Помните у Чехова в рассказе «Шуточка»: «Ясный, зимний полдень... Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном».

В воспоминаниях Д. И. Ульянова находим: «Зимой на Свяге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы». В деревнях и одноэтажных городах ледяными горами становились естественные спуски. В городах покрупнее строили деревянные «ледяные горы». Лучшие архитекторы возводили в загородных царских резиденциях (в Царском Селе, Ораниенбауме и других местах) «катальные горки». Наконец, век электричества привел за собой так называемые «американские горы».

Они появились в нашей стране в конце XIX века. Вместо рогожек и санок по рельсам, проложенным по крутым подъемам и спускам, мчались электрифицированные

тележки. Зимний вид развлечения стал круглогодичным. Прежние нехитрые сооружения, создаваемые не столько человеческими руками, сколько природой, превратились в доходные предприятия.

«Насколько я знаю,— писал известный в свое время специалист по организации гуляний и аттракционов А. Алексеев-Яковлев (Русские народные гулянья... Л., 1948),— первые такие горы были построены в Нижнем Новгороде на территории Всероссийской выставки 1896 года... Лучшие „американские“ горы были сооружены несколько лет спустя в Петербурге». В советское время эти горы были заново отстроены (и торжественно открыты 17 мая 1934 года). В годы блокады они сгорели; как сообщила газета «Вечерний Ленинград», в городе на Неве предполагается построить новые американские горы.

Свое название этот аттракцион получил, скорее всего, по соображениям коммерции. См. у того же А. Алексеева-Яковлева: «Такие горы почему-то — вероятно, рекламы ради — именовались у нас американскими, хотя за границей носили большей частью название русских». Мысль о рекламно-завлекательном характере такого названия проскальзывает и у В. Маяковского: «Парам

отъ вышедшихъ изъ золотой орды мурзь» (Лукин. Пустомеля. 1765); «Насадители сихъ деревь были татара, которые жительствовали въ сси степи и подъ именемъ Золотой орды были извъстны» (Лепехин. Путешествие. Т. I. 1771); «Въ то время, какъ потомки Чингисовы, царствуя в Дашта-Кипчакъ (что Россійские летописи называютъ Золотою ордою) владычество свое простерли на разделенную Россию на уделы» (Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири); «Тугарицъ. Речитативъ: Царь Казанской, Астраханской, Чипчатской золотой орды Всемощный повелитель, Друг солнчевъ, братъ луны» (Державин. Добрыня. 1808).

Ясно, что и в XVIII веке термин Золотая орда продолжал еще связываться с понятием географическим, иногда даже и этнографическим. Юридического, политического аспекта у него еще не было.

Формирование исторического термина Золотая орда на протяжении XIX—XX веков и его судьба в русской и западноевропейской исторической литературе могут и должны быть предметом особого исследования.

Г. А. БОГАТОВА

победнее — многоместный автобус „Кони-Айланд“ — Остров увеселений. После долгой езды вы попадаете в сплошные русские (у нас американские) горы... — и все это в электричестве» (Мое открытие Америки).

Нет сомнения, что термин *американские горы* — принадлежность нашего языка: он отмечен в нескольких крупных советских толковых словарях русского языка, а также в ряде русско-иноязычных словарей. Этот термин находим в специализированных изданиях и в массовых газетах 20—30-х годов (журнал «Клуб», газеты «Ленинградская правда», «Красная газета» и др.), встречаем в художественных произведениях послевоенной поры: «Мы не ездили на острова и на взморье и не катались с американских гор. Мы вообще мало гуляли» (Чаковский. Это было в Ленинграде).

Американские горы, появившиеся в России на стыке XIX—XX веков, оказались той реалией, раннюю историю которой, а также историю соответствующего названия восстановить оказалось весьма трудно. Потому что соответствующие публикации и устные показания старожилов относятся к более позднему времени. Это заставляет нас утверждать, что в начале 20-х годов терминологическое сочетание *американские горы*

уже было фактом русского литературного языка: «Все эти перекидные качели, все эти прыгающие лестницы и бесконечно бегущие дорожки и американские горы — все они не вырабатывают и малодобротного суррогата счастья» (Федин. Города и годы. 1923—1924).

20—30-е годы дают и примеры разного употребления термина.

Так
летит,
летит
германская марка
с долларовых
американских гор.
Маяковский. Уже! (1923)

«Взгляните на любой склад [материалов], и вы увидите, какие американские горы там выросли» («Красный Треугольник», 2 августа 1932). Как видим, в образной речи «обыгрывалась» наиболее бросающаяся в глаза сторона реалии — высота, грандиозность сооружения (в Ленинграде вагонетки поднимались на уровень Зимнего дворца, за границей — еще выше).

Метафорическое употребление термина *американские горы* зависело и зависит от индивидуального умения

О Титах, Титах Титычах и Титовых детях

Причудлива судьба собственного имени в языке. При имени Тит (греческое — 'почтенный') вспоминаешь лентяя Тита из русских пословиц да самодура Тита Титыча из комедии А. Островского. А был ли Тит действительно «почтенным»?

В 1785 году Я. Княжнин по заказу Екатерины II написал трагедию «Титово милосердие», где в образе добродетельного римского императора Тита был изображен мудрый и просвещенный правитель. Европейские писатели и ученые не раз использовали историю Тита для прославления современных им монархов; трагедия Княжнина была переводом-переделкой. Екатерина приняла «Титово милосердие» благосклонно, потому что в пьесе, по ее мнению, можно было увидеть «изображение Тита как совершенное подобие ангельской души ее». Тит у Княжнина — абстрактный идеальный монарх-правдолюбец, враг роскоши, враг тюрем и смертных казней, друг народа:

Отечества отца
Дражайше нареченье,
Есть Титова венца.
Верховно украшенье.

Имя *Тит* сделалось нарицательным и им даже стали пользоваться как синонимом слова *император*. При этом каждый мог вкладывать в слово *Тит* свое содержание. Одни применяли его как нейтральное, другие, предполагая высокий смысл слова, наполняли его революционным содержанием. Так, Л. Толстой, рисуя чествования Багратиона, отметил традицию панегирика в стихах, которые читались в честь героя:

Славь тако Александра век
И охраняй нам Тита на престоле.
Будь купно вождь и добрый человек,
Рифей отечества и Цесарь в бранном поле.
Война и мир

Но для революционера А. Радищева, считавшего, что «государь есть первый гражданин народного общества», имя *Тит* обозначало «услаждение рода смертных», о чем он писал в «Исторической песне»:

Тит, зри!
Как течет ко всем на помощь,
Если жизнь кто спас лишь в бедстве,
Тот блаженствует лишь Титом.

образно мыслить, а не от признания за термином устойчивого переносного значения.

Широкое (иногда даже экспрессивное) использование терминологического сочетания *американские горы* принадлежит прошлому. Последующее поколение знает об этом

аттракционе понаслышке. Возвращение термина в активный речевой обиход зависит от восстановления соответствующей реалии; в противном случае он станет в нашем языке историзмом.

Г. П. РУБЕЖОВА

Итак, в конце XVIII и начале XIX века имя *Тит* было равнозначно: 1) слову *император*; 2) словосочетанию *отец отечества*. Но использовалось это имя в литературе осторожно, чаще всего употреблялось словосочетание *отцы отечества*, которое первоначально бытовало с положительным, высоким значением, но, постепенно впитывая в себя иронию в сатире на старое поколение, начало свою новую жизнь в крылатых фразах:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?

Разоблачение «отцов», начатое в комедии «Горе от ума» Грибоедова, продолжил Гоголь, назвавший полицеймейстера в «Мертвых душах» отцом и благодетелем города. Н. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» пишет:

Отцы! Руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! Радетели!
...Отцы!
Отцы! Сыны отечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!

В известной полемике «отцов и детей» в журналистике 60-х годов русские демократы, высмеивая «отцов», имели в виду, разумеется, не возраст, а общественную позицию людей, которые не могут и не умеют понимать современное движение и потребности времени. Слово *Тит* также наполнилось к 50-м годам XIX века ироническим смыслом, отражая столкновения и противоречия двух поколений — отцов и детей — в русской общественной мысли.

Накануне реформы, в 1856 году, А. Островский назвал самодура и деспота, отца купеческого семейства в комедии «В чужом пиру похмелье» Титом Титычем: будучи знатоком фольклора, писатель воспользовался народным восприятием имени.

В былине «Данилушко Игнатьич и Тит» злой, несправедливый царь назван Титом. О нем повествуется:

Подымалась туча, грязь великая:
«...Подо мною, под Титом,
Сорок королей, сорок королевишен,
Еще той мелкой сошки и счету нет,
На все на четыре дальни стороны
Отмечена сила по сту верст.
Еще сам я Тит, Тита брата зверь...».

Былины Сибири

Как представитель народного правосудия с Титом борется и побеждает дитя Данила (греческое «судья»).

И. А. Слонов в мемуарах «Из жизни торговой Москвы» описал страшную жизнь у *тиг титычей* — купцов и предпринимателей. В этом мире царил произвол и насилие. Только с введением мировых судей — как писал автор — титы титычи будто бы были привлекаемы к суду и сажались в «титы». «...А потом под арест и в „титы“». Так назывался городской арестный дом («Исторический вестник», 1913, ноябрь). О «титах», арестном доме, упоминает и В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи».

В 50-е годы XIX века в России была популярна детская песенка «Семеро детей Тита», переведенная Я. К. Гротом из Вордсворта. В ней говорилось о добрых отношениях между Титом-отцом и его детьми:

У Тита было семеро детей,
Семеро маленьких малюток.
Они не пили и не ели,
А друг на друга все смотрели
И делали вот так...

Но революционная молодежь иронически переосмыслила эту песенку как обобщение либерального предраснодушия «отцов». В связи с этим выражению *тифовы дети* суждено стать опорным словом в полемике демократической печати с фельетонистом А. С. Сувориным, печатавшимся под псевдонимом «Незнакомец». В «Санкт-Петербургских Ведомостях» (1871, № 4), то есть спустя девять лет после выхода в свет романа Тургенева «Отцы и дети», Суворин выступил против «детей», назвав их «тифовыми» детьми «отцов отечества». Фельетонист наполнил свое выражение яростной проицей, хотя в то время он продолжал еще сидеть между двух стульев, с одной стороны, критикуя «московских и петербургских отцов отечества», а с другой — защищая их интересы, их политику. В. И. Ленин в 1912 году в статье «Карьера» писал, что А. С. Суворин отразил целый период в истории буржуазной журналистики и всего буржуазного общества. «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 22, стр. 43). В 70-е годы XIX века Суворин «дошел до истины», что молодое поколение — эти *Титовы дети* — «упрямые идиоты», «тупицы», «нравственные ничтожности, презреннейшие и вредные». «Незнакомец» сообщал, что за предательство народных интересов Титовы дети угрожают ему «двадцатью розгами и смертным приговором», который гласит:

Общество спасения департамента правосудия

Приговор

Признавая печатаемые в газете «С.-Петербургские Ведомости» воскресные анекдоты существенно вредными для общества, так как в них осмеиваются лучшие начинания молодого поколения, департамент постановил: наказать на первый раз фельетониста А. Суворина двадцатью ударами розог, впредь впредь быть осторожнее. Приговор этот до исполнения сообщить Суворину. Исполнению приговора ничто помешать не может.

Печать общества

Общество спасения. Департамент
Исполнения

На основании сообщенного нам и Вам приговора, Департамент Исполнения просит Вас явиться в трактир «Лондон» на Васильев. Остр., по 1 л., близ Тучкова моста, 31 декабря, от 5 до 6 ч. вечера; Вас будет ожидать ментор, который проводит Вас к исполнителям. За неявку полагается смертная казнь, исполнению которой ничто помешать не может.

Печать

Конечно, эти два документа, посланные «Незнакомцу» в разное время, были угрозой, а может быть шутивным предупреждением. Предполагая, что они писались представителями одного из многочисленных революционных кружков, Суворин грозит: «Я буду стрелять по погам, так как это самая сильная в умственном отношении часть организма детей Тита». Далее он делает выводы: «Дети Тита — малютки тайных обществ, тоже делают вот так, сочиняя разные департаменты, пишут, припевая: «У Тита было семь детей, семеро маленьких малюток...».

Представляя себе, что каждый из семи детей Тита руководит тайным департаментом, Суворин требует: «А подать сюда такого-то Титова сына... Берегитесь меня, Титовы дети!». По этому случаю журнал «Заря» (1871, декабрь) напечатал редакционную статью «Двадцать розог и смертный приговор г. Незнакомцу», направленную против резкого поворота Суворина в сторону реакции. Здесь задан вопрос: «А кто родители Титовых детей?». И тут же дан ответ: «Вы, эти Титы, которые предаете их анафеме, грозитесь револьвером, сводом законов и полицией... Следует чистосердечно сказать о своей деятельности в качестве Тита и признать: „Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa“ (Моя вина, моя вина, моя величайшая вина)».

Так в выражении *титовы дети* и *титы* дано понимание отношения «отцов и детей» разными классами русского общества, столь интересно раскрытое в русской литературе и публицистике.

В русском языке у имени Тит есть еще одно значение. Оно связано с христианским праздником — Титовым днем, когда молотья была в разгаре. Пословицы об этом дне говорят: «Святой Тит последний гриб растит. Грибы грибами, а молотья за плечами. Тит, пошел молотить!».

На день Тита — изобилие: все поспело, зато на день Карпа (26 марта) начинается весна безхлебица, поэтому «Было Тита — было што, а теперь Карпа — нет ни капли». Имя *Карп* несет в пословицах значение «труженик». Значит, лентяю Титу — и водка, и праздник, а когда труженик — именинник, то нет ни капли. Поэтому множество пословиц отражают добродушную насмешку над Титом-лентяем: «— Тит! Иди молотить. — Брюхо болит»; «Тит! Иди кисель есть. — А где моя большая ложка?»; «— Тит! Иди пить! — Бабенка, подай шубенку!»; «У нашего Тита спина за пьянство сбитая»; «Пьяный Тит под лавкой лежит»; «Пьяный Тит псалмы твердит». В загадке «Морщинистый Тит всю деревню веселит» отгадка: «гармонь». Значит Тит не только лентяй и пьяница, но и весельчак.

Итак, имя Тит в значениях «император», «отец отечества», «злой несправедливый царь» и Тит «лентяй» — омонимы и по происхождению и по значению.

Т. Н. КОНДРАТЬЕВА
Казань

ВРАЧ

В журнале «Русский язык в школе» (1968, № 5) напечатана заметка «Происходит ли существительное *врач* от слова *врагъ*?». По мнению автора заметки, слово *врач* образовано не от современного *врагъ* 'лгать, говорить неправду', а от того же слова (врати > врать, врачъ > врач) в его старом значении 'говорить': «врачи... сопровождали свое лечение какого-нибудь недуга словом, заклинаниями, заговаривали боль».

Однако мы нигде не обнаруживаем написание *врачь*, несмотря на то, что слово *врачь* (в таком написании) известно из памятников старославянской письменности с X—XI веков, то есть с того времени, когда буквами *ѣ* и *ь* обозначали живые звуки. А этот факт — свидетельство того, что слова *врачь* не существовало, а с самого начала известно только написание *врачь* (произносилось [*врачѣ]: э — ослабленный звук, средний между *е* и *и*).

Врачь широко употреблялось в памятниках старославянской письменности, до сих пор оно существует в болгарском языке — *врач* 'колдун' и сербском — 'прорицатель'. Принадлежность рассматриваемого слова южнославянским языкам с древних пор не подлежит сомнению. Полагают, что корень у слова *врачь* тот же, что и в немецком Wort и латинском verbum 'слово', то есть все они произошли от корня ver-/vor- 'говорить'.

Сочетанию звуков *or-/er* между согласными в латинском, немецком и других языках в южнославянских соответствует *ra-/re-* (в болгарском на месте *-re-* может быть и *-ря-*), например: немецкое Wort и болгарское *брада* 'борода'; литовское *gatdas* 'огород', болгарское *град* 'город'; первоначально 'огороженное место'; немецкое Berg, болгарское *бряг*, но на берега и т. п. Таким образом, *врачь* могло получиться из первоначального **vorĭk-*, давший **vrak-*. В славянских языках звук [к] перед *j* или *ь*, *и*, *е* переходил в [ч], ср. древнерусские: плак-а-ти — плачь (из **plakĭjъ*); клик-а-ти — кличь (из **klĭkĭjъ*); (на)рек-а-ти — рѣчь (из **rek-ь*) и т. д. Поскольку *врачь* оканчива-

лось на *-ь* (из *-jĭ*), то **vorĭkĭjъ*, естественно, — *врачь*.

В русском, подобно *городъ* вместо *градъ*, *борода* вместо *брада*, *сторона* вместо *страна*, слово *врачь* должно бы звучать *ворочь*, но ни в русском, ни в украинском, ни в белорусском языках такого слова в значении 'медик, лекарь' нет и не было. Поэтому справедливо считают, что в русском языке *врач* в значении 'медик, лекарь' — церковнославянизм.

Показательно и то, что в южнославянских языках, в которых слово *врач* активно употребляется, отсутствуют слова с этим корнем: *врати*, *вратачи*, *врачати* и т. п. в значениях 'колдовать', 'ворожить', 'мудрствовать' и т. д. Не может быть, чтобы при наличии слова *врач* отсутствовали те, от которых оно образовалось. Вот почему исследователи считают, что южнославянскими языками *врач* заимствовано.

Русское же слово *врагъ* (его нет в украинском и белорусском языках) появляется в памятниках письменности только с XVI века в значении 'болтать небывлицу', 'говорить пустяки': «А онъ мужикъ очюнной вретъ и самъ себѣ не вѣдаетъ что» (А он мужик очумелый болтает и сам не знает о чем) — Из письма Ивана Грозного. 1578; «Государь велѣлъ сказать, что онъ вракаетъ» (Царь велел сказать, что он несет небывлицу) — запись 1613 года в Разрядных книгах.

В русских говорах от *вракать* образовано *врач* 'врагъ', 'обманщик': «Не слушай его, врач такую» (запись живой речи крестьянина-сибиряка. 1907). От *врач* по типу *драчун-крикун*, *болгун* и т. д. образовано *врачун* 'шутник, пустомеля' (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852). Но в этом значении *врач* не имеет никакого отношения к старославянскому *врачь* 'лекарь'.

Можно предположить, что русское *врачь* — пересмысление древнего *върѣти* 'кипеть, кипятить' так же, как в говорах от древнего *варно*, *варный* 'знойно, знойный, палящий' образовано *варнак*, а от последнего — *варничить* 'кипятить' и 'болтать пустое, врать'.

М. Фасмер допускает, что *врач* возможно от *врагъ* и *ворчать*. *Ворчать*, *ворковать* — звукоподражатель-

ные слова, они есть в любом славянском языке, но звучат несколько различно. В древнерусском — это *върчати*, *върковати*, в чешском — *vrkati*, *vrseti*, в болгарском — *врча* и т. д. Из основы этих слов не могло получиться (**vorčjъ* > **včašъ*) русское слово *врач*.

Итак, происхождение слова *врач* пока остается неясным, поэтому вряд ли можно говорить о нем так утвердительно, как это сделано в указанной заметке.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРИСТАВКА ТРЕ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

В журнале «Русский язык в школе» (1968, № 5) сообщается, что в трех словах *треволение*, *трезвон*, *треклятый* начальное *тре-* — приставка, а в словах *трезуб*, *треножник*, *треух* — это корень числительного *тр-* и соединительная гласная *-е-*. «Так что,— пишет автор статьи „В мире слов“,— надо учитывать, что *тре-* — *тре-* разнь. В своей нерегулярной исключительности приставка *тре-* не является исключением, как можно думать. В современной префиксальной семье есть и другие нерегулярные приставки (ср. *ку-* в *кулекать*, *сюр-* в *сюрреализм*)». Еще В. И. Даль в „Толковом словаре живого великорусского языка“ заметил, что *тре-* — слитная частица перед прилагательными, означающая тройственность, или высшую превосходную степень *пре-, нац-*, как бы утвоя качество».

Все слова с начальным *тре-* в прошлом представляли калки с греческих слов, например: *трезубиць*, *трыногъ*, *трыгълънъ* (=треугольный), *трыблагенъ*, *трыклять* и т. д. Отсюда ясно, что славянское *тры-* — передача греческих *tri* или *tris* от *triá*, *triás* 'три'. В старославянском в мужском роде было *трие* и *трые*, в женском — *три*, а в косвенных падежах и того и другого рода обычно: *трыхъ*, *трымъ*, *трыми*. Таким образом, основа числительного *тры-* вошла в состав сложных слов *трызубиць*, *трыблагенъ*, *трывдичествиъ*, *трыклять* и т. д. После падения редуци-

рованных в таких словах *ь* стал звучать как [e], отсюда *трезубецъ*, *треволнение*, *треклятый*, а также и *третий*.

Говоря иначе, *тре-* в словах *треклятый*, *треволнение*, *треножник*, *треух* и т. д.— по происхождению числительное и никакого соединительного гласного *е* нет. Почему автор статьи «В мире слов» отделяет *тре-* в *треклятый* от *тре-* в *треножник* — не ясно. По христианской морали, *проклясть трижды* — это значит окончательно, навсегда, отсюда понятно значение 'окончательно проклятый', но слово *треножник* воспринимается более конкретно — 'имеющий три ножки'. Некоторая абстрагированность *тре-* в словах *треволнение*, *треклятый* и т. п. объясняется присоединением этого числительного к словам с абстрактным значением — и только.

Таким образом, нет основания искусственно развешивать *тре-* в словах *треножник*, *треух* и т. п. и *тре-* в *треволнение*, *трезвон*.

ПРОХИНДЕЙ

Кажется, не ранее 40-х годов XX столетия писатели и журналисты стали использовать слово *прохиндей* в значении 'проходимец', 'ловкий мошенник', 'члут'. В словарях оно пока отсутствует, поэтому вопрос о его происхождении вполне закономерен.

Приведем сначала примеры, иллюстрирующие употребление этого слова: «Долгополов важно восседал в тарантасе вместе с Руничем... У него за пазухой изрядный гаманец (кошелек.— А. Л.), набитый золотыми имперIALами — подарок матушки царицы... А впереди крупная богатейшая получка! Только бы не сорвалось. „С нами бог! — мысленно восклицает, полный упования, прохиндей.— Деньги ваши — будут наши. Не впервой!“ (Шишков. Емельян Лугачев. Глава «Прохиндей по следам царя»); «Вряд ли потребуется армия ораторов для того, чтобы развеять нелепый миф о чудодейственной здравнице под Загорском. Никакая это не здравница, а просто омут, возле которого ловят простаков в свои сети прохиндей и охмурыля» («Правда», 20 апреля

ТОПОНИМЫ И НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Топонимы как совокупность названий населенных пунктов входят в словарный состав языка, именно в ономастику (совокупность имен собственных), представляя в ней особую группу.

Топонимы как имена собственные отличаются от нарицательных существительных. Своеобразие их по сравнению с нарицательными проявляется на разных уровнях языка.

Если взять для сравнения топонимы и нарицательные существительные одного смыслового круга, например номенклатурные названия населенных пунктов, то можно заметить, что последние

1958); «Он жил теперь уже не как муж, а квартирант, этот воронежский прохиндей с московской пропиской» («Московская правда», 9 декабря 1962); «Прохиндеи. Всякий раз, когда задерживали Заславского, Голубева, Кабачникова, они притворно хныкали, давали клятвы исправиться, просили прощенья» («Комсомольская правда», 1 июня 1963); «А мои коллеги распознали одного прохиндея по манере располагать на конверте адрес» («Наш современник», 1963, № 6); «Около автобуса уже крутился завклубом Илья Дегтярев, большой прохиндей и лодырь» (Шукшин. Внутреннее содержание).

Обнаруживаем и форму *прохиндейство*, образованную так же, как *злодейство* от *злодей*, *лихойдейство* от *лихойдей*, *прелюбодейство* от *прелюбодей* и т. д.

Когда

в тупом благоденствии
мозолит глаза

прохиндейство,

мне хочется в заросли девственные,
куда-нибудь,

хоть к индейцам.

Е в т у ш е н к о. Братская ГЭС

Любопытны рассуждения литературного критика А. Макарова: «Слово *прохиндейство* — великопепное народное слово, распространено на моей родине среди тверяков и в ли-

тературу введено тоже тверяком Вячеславом Шипковым (словца этого и у Даля не найдешь). В народной среде оно употребляется, когда говорят о человеке ловком и изворотливым, но говорят с оттенком юмора и даже некоторого любования» («Знамя», 1965, № 10).

Возможно *прохиндей* — народное слово, но *прохиндейство* едва ли употребительно в устной речи тверяков, потому что слова с суффиксом *-ство* более употребительны в литературном, книжном языке. Известно это слово и в звучании *прохиндей*: «Прохиндей, — говорят о них бывшие друзья по учебе, по спорту, — настоящие прохиндеи. Меткое, но какое обидное для советского юноши прозвище!» («Комсомольская правда», 16 июля 1953).

Между прочим, *прохиндей* впервые зафиксировано в «Опыте областного великорусского словаря» (1852): «*Прохиндей*... притворщик». Твер. Корчев...). Профессор И. А. Бодуэн де Куртене, готовивший и редактировавший «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля к третьему изданию, включил туда и слово *прохиндей* (1904—1909). Таким образом, свидетельство А. Макарова и «Опыта областного великорусского словаря» о тверском происхождении слов *прохиндей* и *прохиндей* совпадают.

На первый взгляд эти слова сложные, вторая часть которых — *дей*

обозначают однородные объекты и соотносятся с топонимами через общее понятие, выделяющее основные признаки объекта.

Слова *город, село, деревня* обозначают любой населенный пункт данного типа. А топонимы *Москва, Тула, Сомово, Песочня* — это названия отдельных населенных пунктов и соотносительны они с какими-то вполне определенными единичными понятиями. Например, *Тула* — населенный пункт городского типа; с топонимом *Тула* ассоциируется производство самоваров, ружей, тульских пряников и проч. Итак, раскрывая содержание топонима, мы знакомимся с некоторым конкретным объектом. Между тем значение нарицательного имени мы устанавливаем, усваивая содержание общего понятия об однородных предметах, объектах, обозначаемых данным именем.

Соотнесенность топонима с единичным объектом препятствует переводу его на другой язык. Обычно язык лишь слегка прилагивает на свой лад звуковой и морфологический облик чужого назва-

(древнерусское *-дѣти*) 'действующее лицо' — от глагола *дѣяти* (дѣи-а-ти): добродѣи — 'делающий добро'; злѣодѣи — 'делающий зло'; кознодѣи — 'творящий козни'; лиходѣи — 'желающий зла, лиха'; чародѣи — 'волшебник' и т. п. Эти слова образованы с помощью соединительного гласного *о*. В словах *прогондѣи* и *прохиндѣи* нет соединительного гласного. Они похожи на *халдѣи* 'нахал, наглец' (Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858), которое, надо полагать, образовано от *халда* 'дерзкий, бестыдный' (Опыт областного великорусского словаря); *горд* — *гордей* 'гордец'; *колода* — *колодей* 'большой нож с деревянной рукояткой' и другие. В этих словах *-ей* — суффикс.

В таком случае *прогондѣи* образовано от *прогонда*, правда, наличие этого слова нигде не зафиксировано. Не исключено, что *прогонда* от *прохода* так же, как, например, *прокуда* и *прокундант* — оба в значении 'проказник, шутник' (Опыт областного великорусского словаря). Такие образования обычны в жаргонной речи, ср. еще жаргонное *браванда* и обычное диалектное *браванда* — оба в значении 'пиво'; *шенда* вместо *шесть* и т. п. *Прохиндѣи*, по-видимому, могло быть образовано также от *прохинда*, наличие которого тоже неизвестно, хотя *хин-* входит в состав ряда слов: *хинь* — 'пустяки' (орловское); 'без пользы' — „Взял ни за

что, и пошло хинью" (курское); *хинить* — 'хулить, осуждать' (архангельское, вологодское, тверское); *хинарный* — 'лукавый' (исковское) и т. д. (Опыт областного великорусского словаря). Теоретически вполне возможно образование *хинда* по типу *халда*, но, как мы отметили, слово *хинда* нигде не встретилось. Более вероятно, что *прохиндѣи* из *прохиней*, а *д* вставлено по образцу жаргонных слов: *браванда, брындей, шенда* и т. д.

Начальное *про-*, по-видимому, тоже — с отрицательным оттенком, как и в словах *проходимец, пройдоха, пролаза, проныра, прощельга* и т. п., в которых *про-* означает 'насквозь'. Так, *пролаза* — 'тот, кто с недобрыми намерениями всюду входит в доверие'; *пройдоха* — 'способный с плутовскими целями пройти везде' и т. д. Приставка *про-* в словах *прогондѣи* и *прохиндѣи* употреблена в том же значении.

Вероятно, что *прогондѣи*, известное уже более ста лет, и *прохиндѣи* образовались в среде, где обычны в употреблении жаргонизмы.

Как относиться к этим новым в литературном языке словам? Несмотря на то, что не исключена возможность жаргонного их происхождения, осуждать их едва ли имеют основания, так как в определенных стилистических функциях они, нам кажется, вполне уместны.

А. С. ЛЬВОВ

ния: французский топоним Paris в русском языке получил форму *Париж*, *Москва* во французском Moscou, в немецком Moskau (мужского рода). Если этимология топонима прозрачна и содержит в себе характеристику объекта, то возникают кальки и переводы (Нью-Орлеан — Новый Орлеан, Петергоф — Петродворец).

Нарицательные существительные, как правило, переводятся, так как они соотносятся с общими понятиями и называют однородные объекты, для которых в каждом языке есть свое обозначение. Перевод топонимов с одного языка на другой невозможен не потому, что они лишены лексического значения, а потому, что топонимы закреплены за единичным объектом, они не могут быть от него оторваны.

Нарицательные существительные могут быть многозначными, а топонимы однозначны. Слово *клин* имеет прямое и ряд переносных значений. В связи с этим и лексическая сочетаемость у него шире, нежели у топонима *Клин* — она будет особой для каждого значения: 1) заостренный кусок дерева или металла: «острый, тупой, деревянный, железный, длинный, короткий»; 2) затвор: «надежный, крепкий»; 3) форма боевого порядка: «могучий клин»; 4) участок земли: «плодородный клин»; 5) вставка в платье: «вышитый клин, бархатный клин». *Клин* 'город' может иметь определения: промышленный, населенный, освещенный, озелененный...

А как обстоят дела со словообразованием? К нему более склонны нарицательные имена. Ср., клин: клинышек, клинистый, клиновой, заклинить, расклинить, клинообразный, клиновидный, клинчатый; Клин: клинчанца, клинчанка (жители Клина), клинский (имеющий отношение к городу Клину). Всевозможные грамматические формоизменения у топонимов также более ограничены, так как они могут иметь лишь одно (или единственное, или множественное) число.

Мы уже говорили, что топонимы всегда однозначны, однако способны к метафорическому употреблению: «Москва — сердце России». Это позволяет им вступать в те или иные устойчивые сочетания. Впрочем, такие сочетания обусловлены обычно внеязыковыми причинами, и возникают они только при наличии благоприятных обстоятельств.

Топонимы способны вступать в устойчивые словосочетания, образующие термины (вологодское масло, тамбовский окорок) или употребляющиеся переносно (коломенская верста, вавилонское столпотворение).

Топонимы возникают из нарицательных различными способами. Например, путем некоторого переосмысления слова (Клин, Остров, Дно, Тайга, Холм): город на холме — Холм, поселок у родника — Родник. В русском языке этот способ образования топонимов малопродуктивен (по центральным областям РСФСР такие названия составляют около трех процентов).

Наиболее продуктивный способ образования топонимов в русском языке — морфологический, а именно суффиксальный. К осно-

ве нарицательного существительного присоединяются специальные топонимические суффиксы: Торж-ок, Бобр-ов, Город-ец, Горох-овец, Озер-ск, Берез-овка, Черт-ень, Красот-ынка, Песоч-енка.

Здесь же следует отнести форму множественного числа (правда, в современных образованиях уже непродуктивную): Холмы, Ключи, Колодези, Клины. Наиболее употребителен этот способ образования в названиях сел и деревень России.

Лексико-синтаксическим способом образуются названия из словосочетаний, представляющих собою одно географическое название: Белая Церковь, Красный Кут, Черный Яр, Ясная Поляна. К редким случаям следует отнести предложно-падежные формы: Камень-на-Оби (Алтайский край). Встречаются и комбинации способов образования: Комсомольск-на-Амуре, Ростов-на-Дону.

Топонимы сами могут становиться источником для образования нарицательных имен:

Владимирка — 1) дорога на Сибирь, проходящая через город Владимир; 2) сорт вишни, выведенный во Владимирской области;

Кизлярка — виноградное вино;

Ярославка — порода молочных коров.

В русский язык вошли также заимствованные оттопонимические образования, возникшие в других языках:

Жавель — хлористый раствор для стирки белья (по названию предместья Парижа);

Боржом — минеральная вода (по названию кавказского города-курорта).

От иноязычных топонимов нарицательные существительные могут быть образованы и при помощи суффиксов:

Варшавянка — 1) польская революционная песня; 2) польский танец;

Венка — 1) вид кондитерского изделия; 2) род гармоники;

Болонка — комнатная собачка (от Болонья).

Сложное взаимодействие между нарицательными существительными и топонимами, топонимами и производными от них нарицательными обусловлено языковыми и внеязыковыми причинами.

Нарицательные, положенные в основу топонима, обычно выделяют какой-либо его признак: естественно-географический — Бор, Гряда, Холм, Озеро; историко-экономический — Починок, Заимка, Дача, Отруба, Выселки; идеологический — Искра, Заря, Пробуждение. Правда, потом эти сопутствующие значения в топониме стираются и в качестве основного выступает адресное значение.

С другой стороны, нарицательные существительные, образованные от топонимов, обычно указывают на связь обозначаемых ими предметов с географическими объектами: *сарпинка* — ткань, которая первоначально стала изготавливаться в г. Сарепте; *тамбовка* — порода молочных коров, выведенная в Тамбовской области. Иногда эти связи бывают очень условными: обозначение шерстяной ткани серого цвета и самого серого цвета словом *маренго* связано с назва-

нием деревни Маренго в Северной Италии, прославленной победой Наполеона над австрийскими войсками. Наполеон, как известно, носил мундир серого цвета. Это и повлияло каким-то не совсем понятным образом на возникновение оттопоимического существительного.

Заканчивая эту заметку, мы можем сделать вывод, что топонимы — по сравнению с нарицательными — не столь богаты разнообразием значений, грамматических и словообразовательных форм. И все же нельзя недооценивать их смыслового своеобразия. Топоним может обладать сложным понятийным содержанием и эмоциональной выразительностью. Это подтверждают хотя бы такие примеры:

Ребята! Не Москва ль за нами!
Умремте же под Москвой!

Д е р м о н т о в. Бородино

...Это сам Париж!

Г о г о л ь. Мертвые души.

В первом случае топоним — не только название определенного города. Он передает и отношение к нему говорящего. Во втором случае топоним приобретает переносное значение, соединенное с определенным эмоциональным восприятием. Полностью раскрыть смысловое содержание и характер экспрессивности топонимов, употребляемых в художественной литературе, можно только в контексте речевого потока.

М. Н. МОРОЗОВА

ИЗ ДВУХ СЛОВ — ОДНО

В нашем языке иногда встречаются слова, представляющие собой окаменевшие словосочетания: *сумасшедший*, *заблагорассудится*. Структура таких слов, как правило, прозрачна и не нуждается в сложных исследованиях. Слова, возникшие из словосочетаний, встречаются также среди иноязычной по происхождению лексики. О них и пойдет речь в этой статье.

Есть слова, которые образованы из сочетания знаменательного слова со служебным. Так, «цельными» словами стали латинские сочетания предлога с существительным: *экслибрис* (ex libris 'из книг'), *проформа* (pro forma 'ради формы'), *синекура* (sine cura 'без заботы') — 'должность, дающая хороший доход, но не требующая труда', а также французское по происхождению *анфас* (en face 'в лицо').

Между прочим, некоторые из них в своем новом качестве существительных обзавелись уже в русском языке предлогами. Это дает повод многим возражать против таких выражений, как *в анфас* и *для проформы*, ссылаясь на то, что это плеоназм. Но даже

если согласиться, что такое употребление есть прогнессение против того языка, откуда взято слово, то и тогда наш «илеоназм» останется вполне законным для русского языка.

Среди слов, составленных из служебного и знаменательного слов, немало таких, которые пришли из арабского языка через Западную Европу, которая в Средние века переияла вместе с арабской наукой и ее термины. Все они возникли из сочетания арабского слова с артиклем *аль* (*эль*): *алхимия* (аль-химия — ‘наука химия’ через средневековую латынь); *алкоголь* (аль-кухль — ‘тонкий порошок’). В русский язык попало, очевидно, из немецкого); *эликсир* (аль-иксир — ‘философский камень’). Любопытно, что арабское слово само по происхождению греческое: его прототип — греческое *kseros* ‘сухой’.

По той же схеме образованы арабские по происхождению слова, попавшие к нам через испанский язык, — обозначения испанских должностных лиц: *алькальд* (аль-кади — ‘судья’) и *альгвасил* (аль-вазир — ‘министр’, по-испански ‘стражник’). Оба слова пришли к нам с Востока и без артикля: первое — в виде *казий*, *кадий*, *кази* или *кади* ‘мусульманский судья’, а второе — в виде *везирь*. Сочетание *-льд* в слове *алькальд*, согласные *з* и *д* в словах *казий* и *кадий* — все это попытки передать весьма трудный для неарабов ‘эмфатический’ согласный *д*; а сочетание *гв* в слове *альгвасил* отражает специфический характер арабского звука *в*.

Еще одно арабское слово пришло в русский язык через испанский и французский — *альков*. Источник его — арабское *аль-кубба* ‘сводчатое помещение’, которое в испанском языке получило более узкое значение ‘спальня’, а во французском — еще более узкое — ‘ниша для кровати’. В этом последнем значении слово живет и в русском языке.

Слова *алькальд*, *альгвасил* и *альков* — живой пример того, как история народа влияет на историю его языка. Они напоминают о мавританском завоевании, которое пережила Испания.

Слова, описанные выше, все же не были словосочетаниями. Артикли и, в какой-то мере, предлоги — необходимые спутники знаменательных слов, а поскольку иноязычные слова воспринимаются, как правило, механически, без особого внимания к их составу (воспринимается иногда даже не слово, а «речевой период» с закрепленным за ним значением), то служебные слова сравнительно легко «слепляются» при заимствовании со знаменательными.

Но возникают цельные слова также из сочетаний слов равноправных. Образованные таким путем слова пришли в наш лексикон из разных языков.

Самое большое количество заимствованных словосочетаний взято было нами из французского по преимуществу прямым путем, без посредников. Такие «культурные» заимствования, возникшие первоначально в речи русского дворянства, хорошо владевшего французским языком, точно передают строение французского словосочетания и его звуковой состав, в пределах возможностей рус-

ской звуковой системы. Связи этих слов с их «прародителями» — французскими словосочетаниями устанавливаются легко:

авангард — *avant-garde* ‘передовой отряд, охрана’

арьергард — *arrière-garde* ‘тыловой отряд’

бельэтаж — *bel étage* ‘хороший, лучший этаж’

кафешантан — *café chantant* ‘кафе с пением’, дословно — поющее

метранпаж — *mettre en pages* ‘укладывать в страницы’

метрдетель — *maître d’hôtel* первоначально ‘хозяин гостиницы’

одеколон — *eau de Cologne* ‘кельнская вода’

папье-маше — *papier-mâché* ‘жеванная бумага’

пресс-папье — *press-papiers* ‘нажимать на бумаги’

шедевр — *chef d’œuvre* ‘работа мастера’; так в свое время называлось изделие, представленное в ремесленный цех «на соискание» звания мастера.

К этим заимствованиям относятся также два слова, возникшие из сходных сочетаний:

кашне — *cache-nez* буквально ‘спрячь нос’

пенсне — *pince-nez* ‘сжми нос’;

группа слов, начинающихся на *порт-*:

портсигар — *porte-cigare* ‘носить сигары’

португез — *porte-épée* ‘носить шпагу’

портфель — *porte-feuille* ‘носить лист’

портмоне — *porte-monnaie* ‘носить деньги’.

Целая серия слов обозначает ткани — старинные и современные:

гроденапль — *gros de Naples* ‘плотная ткань из Неаполя’

гродетур — *gros de Tours* ‘плотная ткань из Тура’

драдедам — *drap des dames* ‘дамское сукно’

кредешин — *crêpe de Chine* ‘китайский креп’

файдешин — *faille de Chine* ‘китайский фэй’

фильдекос — *fil d’Ecosse* ‘шотландская нить’

фильдеперс — *fil de Perse* ‘персидская нить’.

Как правило, русское слово здесь точно копирует французское словосочетание. Никаких изменений не допускается. Если во французском есть служебное слово — *de, d, en*, то оно передается и по-русски.

Но в двух словах: саквояж — *sac de voyage* ‘сумка для путешествий’ и каптенармус — *capitaine d’armes* ‘должностное хозяйственное лицо в войсковой части’ — французское *de (de, d’)* исчезло. Объяснить это можно в первом случае тем, что слова, входящие в состав сочетания *sac de voyage*, были уже хорошо известны и довольно широко использовались: *sac* ‘большая кожаная сумка с запором’, *воляж* ‘путешествие’. Слово *саквояж* образовалось путем соединения двух обрусевших уже иностранных слов, а не путем прямого заимствования французского сочетания.

Что же до второго слова — *каптенармус*, то здесь сыграла роль тенденция к облегчению произношения: *nd* перешло в *n*. Интересно, что в просторечии упрощение пошло еще дальше: в солдатском быту слово превратилось в *каптёр*, а помещение каптенармуса именуется *каптёркой*.

Описанные слова, как уже говорилось, были восприняты людьми, знающими французский. Но так было далеко не всегда. Иногда заимствование идет не через «культурную сферу», и тут со словами происходят самые неожиданные вещи.

Диковинному смещению «французского с нижегородским» обязаны мы оригинальным переводом старомодного слова *ферлакур*. Оно произошло из французского словосочетания *faire la cour* ‘ухаживать (за женщинами)’ и правильно переводилось как ‘дамский угодник’. Но «нижегородские французы», любившие уснащать свой русский язык варваризмами, сделали из этого слова опять выражение: *строить куры*. Эта полупереведенная нелепица прижилась и, подобно другой того же сорта — *не в своей тарелке* (где *тарелка* вместо *положение, состояние* — по-французски оба слова звучат одинаково), стала фразеологизмом (см.: «Русская речь», 1969, № 3).

В таком виде выражение употребляют гоголевские дамы: «Как, неужели он и протопопше строил куры?».

Оно служит материалом для забавной игры слов у Козьмы Прутка:

Раз архитектор с птичницей спознался,
И что ж? — в их детище смешались две природы:
Сын архитектора, он строить покушался,
Потомок птичницы, он строил только — куры.

Известна такая история. Некий офранцузенный барин отбирал крестьянских мальчишек для хора. Если чей-нибудь голос ему не нравился, он говорил: «*Il ne chantera pas!*» (Не будет петь!). Крестьяне, конечно, по-французски не разумели и поняли это по-своему: «дрянь мол, нестоящий человек». И появилось на свет словечко *шантрапа*.

Предполагается, что слово *шаромыжник* возникло, как и *шваль* (*cheval* ‘лошадь’), в войну 1812 года, когда голодные французы — остатки разбитой наполеоновской армии — попрошайничали у русских крестьян: «*Cher ami* (дорогой друг)... мне бы, дескать, хлеба». Их и называли шаромыжниками. Кстати, писали раньше *шерамыжник*, это более походило на французское слово. Эти два слова до сих пор остались просторечными в отличие от «культурных» заимствований. В нашем языке есть заимствованные словосочетания и из других европейских языков, например из латинского: аквамарин — *aqua marina* ‘морская вода’, квинтэссенция — *quinta essentia* ‘пятая сущность’, карамель — французское *caramel*, через испанское *caramele*, которое в свою очередь произошло из латинского *sappa mellis* ‘сахарный тростник’, факсимиле — *fac simile* ‘сделай подобное’.

Все эти словосочетания стали словами еще до того, как попали в русский язык. Они относятся к так называемой интернациональной лексике, почерпнутой из мертвого языка. Интересно греческое заимствование — *лигавры*. Если учесть, что в украинском языке оно звучит как *полигавры*, то ясно, что это не что иное, как греческое *poly taurea* 'много барабанов', утратившее у нас первый слог.

Из немецкого заимствовано лишь несколько подобных сочетаний, но все они имеют необычную историю. *Цугундер* в выражении *взять на цугундер*, то есть на расправу, насчитывает по крайней мере семь объяснений своего происхождения. В Словаре Д. Н. Ушакова: от *zu hundert* 'к сотне (ударов)'. Академик Я. К. Грот предполагал другое объяснение: от *zu Hunger* 'в катаджку', буквально 'на голод'.

Остальные — в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского: *zug unter* 'тяги вниз, подтягивай повод'; *zu Hunden* 'к собакам'; *zum Hunker* 'к черту!' (*Hunker* 'палач, мучитель'); *zu Grunde* 'погубить вконец', дословно — 'ко дну'; наконец, *zehender (Herr)* 'сборщик податей' (он мог быть ненавистен, как и палач).

Из всех этих истолкований ушаковское представляется нам наиболее логичным. Если слово взято из военного аргота, то и его объяснение, очевидно, надо искать в военном быте.

Другое немецкое (точнее, немецко-еврейское) слово *шахер-махер* (*Schacher* 'плутовство' и *Macher* 'делец, ловкач') — 'недобросовестная сделка или торговля'. Собственно из еврейского взято слово *фанаберия* (*faine berie* 'умелый человек, искусник') — 'ни на чем не основанная кичливость, спесь'.

Слово *апельсин* заимствовано из голландского *appelsien*, а голландским языком — из французского, в котором у этого растения есть и другое название *romme de sine*. Оба названия обозначают 'китайское яблоко': апельсин был завезен португальцами из Китая в 1548 году.

Но история апельсина на этом не кончается. Он имеет и другое название — *померанец*. Точнее, это общее название всех цитрусовых, но наиболее применимо к апельсину. Оно происходит от немецкого *Romaranze*. Последнее Преображенский производит от сочетания слов *romo* 'яблоко' и *arancia* 'померанец', причем это, *arancia* и французское *orange* 'апельсин' восходят к арабскому *нарандж*, в свою очередь произошедшему от санскритского *narangās* 'кислые анелисины, горький померанец'. Ис другой версии немецкое название померанца образовалось из латинского сочетания *romm aurantium* 'золотое яблоко'.

Кстати, еще о золотых яблоках. Слово *помидор* возникло из итальянского *romi d'oro* — тоже 'золотые яблоки'.

«Правильность» воспроизведения средствами русского языка постоянно контролируется у заимствований из европейских язы-

ков. У них есть возможность сохранить первоначальную форму; «народные» заимствования, конечно, исключение.

Другая судьба у восточных заимствований. Они испытывают на себе большее влияние народной этимологии, проходят иногда длительный путь, претерпевают в языках разных народов многочисленные изменения, прежде чем попасть в русский язык.

Поэтому нет в русском языке другой такой разнообразной по своей истории группы слов. Вдобавок восточные слова беззащитны, так как правильность их заимствования трудно проверить, и формы, которые они принимают в заимствующих языках, бывают иногда на редкость несуразными.

Так, в арабском языке есть выражение *амир-аль-бахр* 'властелин моря'. Когда оно проникло в европейские языки, от него отбросили слово *бахр* 'море', оставив, однако, принадлежащий ему артикль. То, что получилось после этой операции, сопоставили с французским, очень хорошо известным, словом *admirable* 'восхитительный' и по звуковой аналогии с ним образовали слово *адмирал*. Так и вышло, что в названии морского чина от моря ничего не осталось, да к тому же оно приобрело сомнительного родственника — слово, не имеющее с ним ничего общего.

Такого рода народная этимология — сопоставление заимствования с каким-нибудь созвучным словом родного языка — вещь довольно обычная. Слово *бергамот* тоже испытало на себе ее влияние. Название это по происхождению турецко-персидское: *beg armuclu* 'княжеская группа'. Попав в Италию, это сочетание слов было обличено с названием местности Бергамо, чем и объясняется перемещение *p*, викаких фонетических причин не имеющее.

Слово *арбуз* образовано из персидского *хар бӯзэ* 'дыня', дословно 'ослиный', то есть 'большой огурец'. Если в русском языке *арбуз* — это, разумеется, 'арбуз', то украинское *гарбуз* — 'тыква'; но зато слово, обозначающее в этом языке арбуз — *кавун* — в тюркских языках обозначает дыню.

Но мало того, что вышла такая неразбериха в бахчевых культурах. С турецким *карпуз* произошло тоже нечто интересное. В русском языке оно превратилось в *карануз* 'ребенок маленький, кругленький (как арбузик)'. Вот еще одно из превращений «ослиного огурца».

Вышая честность языка не токмо бежит лжи, но тех неопределенных полузакрытых выражений, которые как будто скрывают во все не то, что ими выражается. Напротив, она стремится вперед высказать, как понимает и предупреждает неистинное толкование.

А. И. Герцен. Дневник. 1844 год

В истории заимствованных словосочетаний что ни слово, то свой приключенческий роман. Слово *арсенал* по происхождению арабское: *dār sinā'a* — 'мастерская оружия'. Во время завоевания Испании маврами это выражение попало в испанский язык, затем пришло во Францию, где начальное *d* было воспринято как артикль: *d'arsenal*. Русские, взяв слово у французов, артикль отбросили.

Из тюркских языков взято нами слово *карандаш*. Словарь Д. Н. Ушакова объясняет его как *kara taş (daş)* 'черный камень'; Словарь М. Фасмера так же: 'черный сланец'. Трудно согласиться с этим истолкованием — непонятно, как образовалось *н* в середине слова.

Но в «Тюркологическом сборнике», посвященном 60-летию профессора А. Н. Кононова, есть статья венгерского лингвиста Ю. Немета, где слово *карандаш* сопоставляется с сочетанием *калам таиш* 'перо из камня'. Это наиболее вероятное объяснение происхождения слова.

Желание объяснить происхождение *карандаша* через слово *кара* 'черный' очень естественно. В русском языке есть много восточных слов, включающих в себя этот элемент. Например: *карагач* (*кара агач* 'черное дерево'), *каракуль* (*кара куль* 'черное озеро'; название оазиса, где выращивали таких овец), *каракурт* (*кара курт* 'черное насекомое').

К таким же «повторяющимся элементам» тюркских заимствований относится слово *баш* 'голова' (ср. *башка*). Оно входит в состав многих слов, произошедших из сочетаний слов: *делибаш*, *кизилбаш*, *баш на баш*, *башибузук*.

Баш на баш имеет своей основой выражение *баш ма баш* 'голова за голову'; в тюркских языках такого рода сочетания нередки. В русском языке элемент *ма* был воспринят как предлог *на*; в результате сочетание *баш на баш* так до конца и не срослось.

А вот *кизилбаш* (*кызыл баш* 'красная голова'; название перса) и *делибаш* (*дели баш* 'сорвиголова, смельчак; конный воин, страж турецкого паши') стали полноценными словами.

Слово *башибузук* образовалось из сочетания слов *башы* (притяжательный падеж от *баш*) и *бузук* 'порченный', дословно — 'его голова испорчена' (то есть 'это человек бешеный'). Это уже не словосочетание, а целое предложение, ставшее одним словом.

Еще несколько слов о географических названиях, заимствованных из восточных языков. Название испанской реки *Гвадалquivир* — не что иное, как арабское *вади кебир* 'большая река' (опять результат мавританского завоевания). Слиянием в одно слово это название обязано древности своего возникновения. Современные арабские названия ишнутся через дефис, например: *Баб-эль-Мандеб* — 'Ворота слез', *Дар-эс-Салам* — 'Дом мира'.

Впрочем преобразование иностранных географических названий — это особая, чрезвычайно многогранная проблема.

Т. А. МУДРАЯ

В наше время при серьезном заболевании обращаются к врачу. Легкое недомогание мы обычно лечим сами, употребляя при простуде горячий малиновый чай или теплые горчичные ванны для ног. Желудочное расстройство лечится рисовым отваром и киселем из сухой черники, а к нарыву привязывают лист подорожника. Эти средства русской народной медицины были найдены нашими предками еще в древние времена. Немало известных медиков специально изучали народные способы лечения болезней, например С. П. Боткин и его клиника дали ряд прекрасных экспериментальных работ о русских народно-врачебных средствах.

ЛЕЧЕБНИКИ XVII-XVIII вв

По мнению врачей, занимавшихся историей медицины, народная медицина — прародительница научной. До начала XVII века она имела исключительно большое значение. Врачей-специалистов было мало, их услугами могли пользоваться лишь зажиточные люди. Все другие применяли средства народной медицины. И хотя в XVIII веке число ученых-врачей в России значительно увеличилось, все же помощь, оказываемая врачами населению, особенно сельскому, была явно недостаточной. Вплоть до Великой Октябрьской революции народные способы лечения болезней имели весьма широкое распространение. И только в советское время врачебная помощь стала настолько привычной и необходимой, что никому и в голову не приходит обращаться к знахарю или лекарю-костоправу, хотя в их умении врачевать ушибы, раны, укусы, отеки, вправлять вывихи и т. д. было много рационального, основанного на большом практическом опыте.

Сведения по народной медицине широко отразились в рукописных лечебниках. Как правило, они анонимны и датированы XVII—XVIII веками. Лечебники — это сборники разнообразных знаний по медицине, лекарственным растениям, гигиене. Сведения, помещаемые в лечебники, были основательно проверены практикой. Заговоры в них не встречаются. В 1667 году один лечебник был публично сожжен на спине его составителя Янушки Штуки за то, что в нем оказался заговор.

Весьма распространены лечебники, известные под общим названием «Прохладный вертоград», или «Книга, глаголемая прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах, ко здравью человеческому пристоящих» (слово *вертоград* обозначает 'сад', 'цветник', 'огород'). Известны два типа этих лечебников. В одних перечислены злаки, овощи, травы, ягоды, грибы, говорится об их целебных свойствах и указаны

С Т А Р А Я Р У С С К А Я Ц И С Ъ М Е Н Н О С Т Ь

способы приготовления из них различных настоев, мазей, снадобий, а на полях или в конце главы названы болезни, при которых используются перечисленные лекарства. Лечебники этого типа построены по одному плану: «О хлебе ржаном», «О пшенице», «О плу пшеничном», «О овсе», «О ячмене» и т. д. Второй тип лечебников имеет иной план: в основу классификации берется вид болезни и указаны средства ее лечения: «О здравии главы», «От глухости», «От очной болезни», «От гортанной всякой болезни», «От зубной болезни» и т. д.

Большинство исследователей народной медицины считает, что «Прохладный вертоград» — лечебник переводного характера. «Вертограды» появились в конце XVI — начале XVII века и были распространены сначала на Западе, писались на латинском, потом итальянском, французском, испанском, чешском и немецком языках. На русский язык «Прохладный вертоград» был переведен с немецкого Николаем Булевым (по другим сведениям, Люевым) в 1534 году. Этот перевод не дошел до наших дней, сохранились лишь списки XVII века, но они настолько русифицированы, что мало напоминают переводной памятник. «Русские переписчики, правщики, всегда стремились подчеркнуть русское начало, русские национальные традиции», — пишет один из виднейших исследователей народной медицины врач А. Н. Богоявленский в своей работе «Древнерусское врачевание» (М., 1960). М. П. Мультановский в работе «История медицины» (М., 1961), останавливаясь на вопросе о происхождении рукописных лечебников, пишет: «Более внимательное изучение богатого рукописного медицинского наследства, сличение русских рукописей с оригиналами, послужившими для перевода, показали, что русские медицинские рукописи во многих случаях являются продуктами самобытного творчества. При переводе иностранных лечебников в них вносились значительные изменения с учетом опыта русской медицинской практики. Русские переводчики существенно изменяли текст оригинала: переставляли части текста, сопровождали перевод своими комментариями, приводили местные названия лекарственных растений, указывали их распространение в нашей стране, добавляли целые главы, посвященные растениям, встречающимся на Руси». Эта точка зрения подтверждается анализом лексик, представленной в рукописных лечебниках.

Оригинальных, непереводаемых лечебников до настоящего времени сохранилось сравнительно немного. Некоторые из них, датированные серединой XVII века, были списаны с более ранних, о чем свидетельствует состав лексик: в них встречаются такие старинные названия болезней, частей тела, которые характерны для языка XVI века и почти не употреблялись в XVII—XVIII веках.

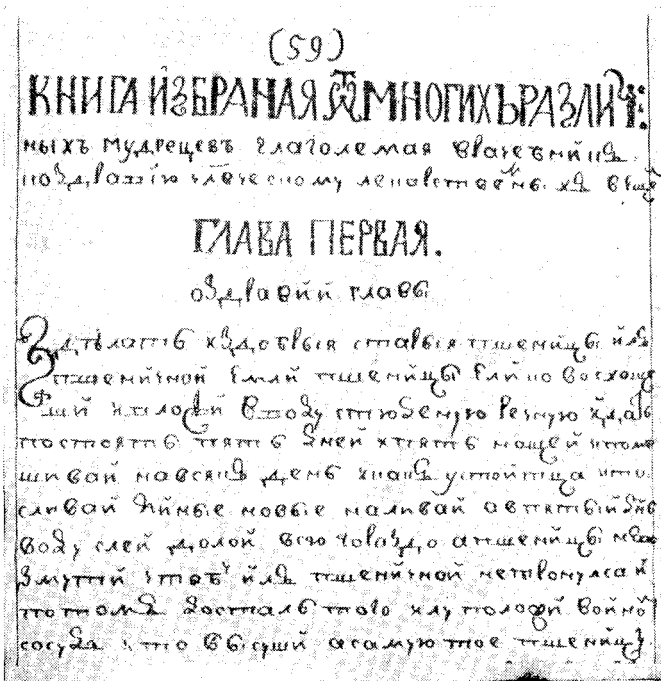
Лексика, представленная в лечебниках, чрезвычайно разнообразна по тематике. Широко отражены названия частей и органов человеческого тела:

легкое, мозг, ядвля (почки), стомах (желудок) и т. д. Большое число подобных наименований свидетельствует о детальном знании анатомии человека. Многочисленные названия болезней: зимница (лихорадка), флегма (мокрота), судорога, язва, ушная болюсть и т. д. Множество названий самых различных болезней говорит о том, что народная медицина умела различать болезни и часто довольно тонко разграничивала их.

Обильно представлены в лечебниках названия трав, овощей, зелий, пригодных к лечению. В народной медицине непользуется: лебеда, буквица (Veronica), листовие ивовое, сок редьки, безония (листья розы) и т. д.

Употребляются и названия аптекарской посуды: скляница (стеклянный сосуд с горлышком и делениями); наименования медицинских инструментов: кровопущальный топорок (хирургический инструмент наподобие топорика); слова, обозначающие вид лекарства или его дозировку: пилюли, масть, порох (порошок), золотник (русская мера веса, около 4,25 г), гри-

Рукописный лечебник XVII века
 (собрание Государственной публичной библиотеки
 имени М. Е. Салтыкова-Щедрина)

венка (старая мера веса), фунт (400 г). Названия посуды и особенно старые названия мер весов и объема, не отличающиеся точностью дозировки, говорят о примитивном приготовлении многих народных лекарств.

В языке лечебников постоянно встречаются такие словосочетания: вытянуть гной, вытянуть сочевицу (сукровицу), выгнать болезнь, пускать для коросты (лечить от коросты) и т. д. Много названий различных действий: кровопускание, прикладывание, помазование и т. д.

Использование целебных свойств различных трав и настоев — свидетельство достаточно высокого искусства народных врачей, их способности лечить разнообразные болезни.

Лексика народной медицины богата по своему составу — в лечебниках широко представлены и русские и иноязычные слова. Русские названия, употребляющиеся в народной медицине XVII—XVIII веков, двойного характера.

Во-первых, это — слова разговорного языка, употребляемые и в народной медицине того времени: болячка, потница, золотуха, шелудя, кила и т. д. К этой же лексике можно отнести и слова местных говоров, используемые в народной медицине в качестве специальных медицинских названий: пежины (веснушки, пятнышки), лихой (нарыв) и т. д. Многие из этих слов встречаются в фольклоре — в пословицах и поговорках: «Дай, господи, килу — и календарь покину»; «Лихорадка — не матка, треплет, не жалует» (В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1962). Или: «Даром и чирей не сядет» (П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1889).

Во-вторых, в качестве специальных названий народная медицина использует книжные слова: омрак (обморок), глава (в лечебниках XVII века только эта неполногласная форма; слово *голова* появляется лишь с середины XVIII века), скрания (щечка), стравление (пищеварение) и т. д.

Иноязычных слов, употребляющихся в народной медицине как специальные термины, в лечебниках меньше, чем русских названий: меланхолия (греческое *melās* 'черный' и *cholē* 'желчь'), урипа (латинское *urina* 'моча'), эпилепсия (греческое *epilēpsia*) и др. Большинство иноязычных слов — греческого и латинского происхождения. Это в основном названия болезней, частей и органов человеческого тела: афендрон (греческое, *afendrōn*) — задний проход; апостема (греческое *apostēma*) — внутренний нарыв; еморой, гемморой (греческое *haima* 'кровь' и *goē* 'течение') — кровотечение из прямой кишки и т. д. Названия кровеносных сосудов, вен и артерий, встречающиеся в лечебниках, в большинстве своем греческие, сохранились в научной медицине до настоящего времени.

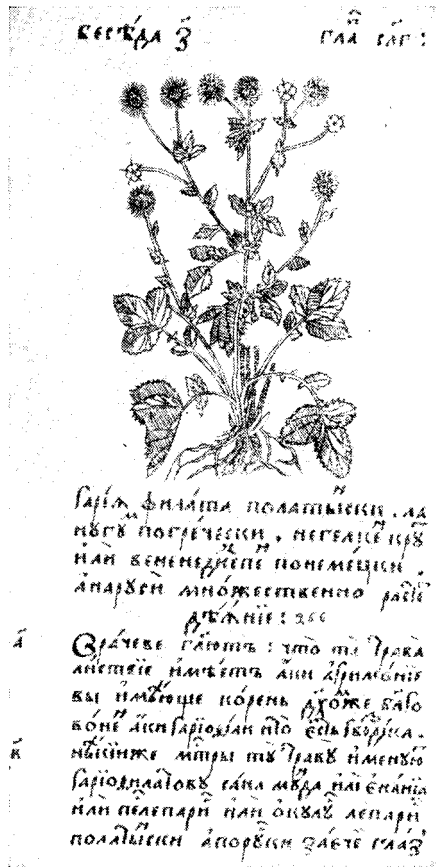
Анализируя лексику народной медицины по рукописным лечебникам XVII—XVIII веков, можно заметить, что процесс накопления знаний был длительным и очень сложным, постоянно развивающимся, пока не произо-

шло встречи старой народной медицины с новой, научной. К концу XVII — началу XVIII века в России было по существу две системы медицинских названий: древняя народно-медицинская лексика и новая официальная научно-медицинская терминология. Эти две системы не жили раздельно, они деятельно влияли друг на друга, причем научно-медицинская терминология постепенно, по мере своего дальнейшего развития и формирования, все более и более вытесняла названия старой народной медицины. Такие древние термины, как: *сухота, кровавая утроба, жаба* и т. п., заменялись соответственно новыми: *туберкулез, дизентерия, ангина* и т. д.

Но необходимо отметить и то влияние, которое испытывала научная медицина со стороны народной. До настоящего времени и в разговорном, и в языке научной медицины сохранилось много старых народных названий болезней: лишай, рана, струп, рак, грыжа и т. д. Применяются современной медициной и многие лекарственные растения: шалфей, валериана, ландыш, ромашка и многие другие. Научная медицина использует и отдельные народные средства и способы лечения болезней: гидротерапия, массаж, лечение хиной и т. д.

Все это свидетельствует о жизнеспособности старой народной медицины, о том большом значении, которое она имела в жизни нашего народа. Доказательство этого — народно-медицинские названия, получившие широкое отражение в рукописных лечебниках XVII—XVIII веков.

Рукописный лечебник XVIII века (собрание Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина)

ИЗ ЛЕЧЕБНИКА КОНЦА XVII ВЕКА

*Рукопись хранится в Государственной публичной библиотеке
имени М. Е. Салтыкова-Щедрина*

ПОРУМЪ, ПОЛАТЫНСКИ, КУРАТЬ ПОАРАШСКИ, А ПОРУСКИ ЛУКЪ КРИВОЙ.

Деяние:

Мастерь [в XVII веке — опытный, знающий специалист своего дела; здесь: врач] глаголет, что различень есть лукъ, единъ огородной, а другой полской [полевой]. Есть же иной лукъ, его же именуютъ порумъ испаникумъ.

О чирняхъ: Огородной кривой лукъ толчень съ солию, и то аще прикладываемъ къ чирнямъ, и тако ихъ заживить. Но дикой кривой лукъ, аще его прикладываемъ къ телу, тогда тело уязвляеть.

Болезть главе наводятъ: Тотъ лукъ, часто принять, болезнь главе наводитъ, тако же и сонъ тяжекъ зъ брежениемъ [бредом] от того бываетъ.

О болести в ушехъ: Тотъ лукъ толчень и смешень со елеомъ своробориннымъ [соком шиповника] да съ укусомъ, и то, аще во уши пуцаемъ, тогда болезнь изъ ушей выведеть.

О болести зубной: Темъ же смешениемъ помазуемъ зубы больныя, и тако болезнь престанеть.

О вредости stomachу: Мастер глаголетъ, что тотъ лукъ огородной вредителень есть stomachу [желудку], а польской того вредителние.

Тот лукъ сырой приять, надымание телу творить [человек полнеет, «прибавляет в теле»], для того поваримъ его въ двухъ водах, егда прияти его хотимъ.

О кашле: Мастеръ глаголетъ, что сокъ приять с молокомъ коровимъ, старой кашель отъ того престанеть.

О кровоблевании: Мастер глаголетъ, что сокъ луковый пристоит темъ, кои кровню блюють.

О ушивании: Тотъ же лукъ сыръ приять, не дасть человеку напитися.

О переломленных костехъ: Аще емъ пластырь зделаемъ въ томъ луку, и то прикладываемъ къ переломленнымъ костемъ, и тако отокъ изъ нихъ выведеть и кровь усуренную [свернувшуюся (от удара)], въ нихъ разведеть.

О болести в пояснице: Сокъ того луку приять съ виномъ фрязекимъ [иноземным, иностранным], болезнь изъ поясницы выведеть.

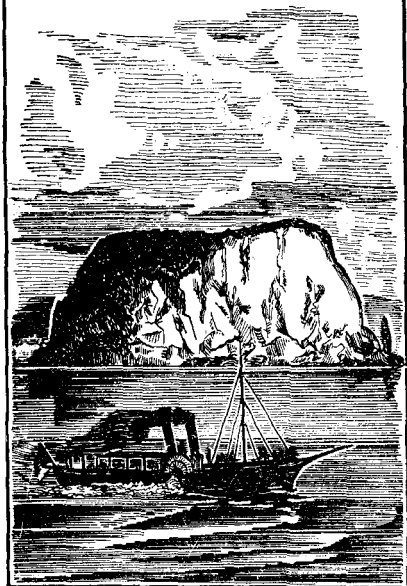
О кашле: Тотъ же сокъ приять, старой кашель уйметъ и болезнь изъ персей и изъ плеча выведеть.

О водоточивной: Тотъ сокъ же пити, велми пристоитъ темъ, кои страждутъ водоточивной болестию [водянкой].

О болести главной: Мастеръ глаголетъ, аще у кого глава велми болна, тотъ да возметъ два жеребья [части] соку изъ того луку, да третей жеребей меду преснаго и то смешай вместо, и пусти въ ноздри и во оба уха, и тако та болезнь перестанеть. Нецыи же врачеве глаголють, что лукъ приять сырой, телу велми вредителень есть, для того сыраго его не приемлють.

Кандидат филологических наук
В. С. ТЕРЕХОВА

ЖИГУЛИ

Происхождение названия *Жигули* до настоящего времени считается спорным. Мнение о возможной связи его с русским глаголом *жечь* — *жгу* (первоначально 'место выжигания лесов') сейчас решительно отвергается (см.: В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь).

Очевидно, слово *Жигули* заимствовано из языка одного из народов Поволжья. По нашему мнению, наиболее вероятный источник этого названия — слово *джигуле* (в более старой форме *джигули*), что в татарском означает 'запряженный, запряжной' (*джигу* — по-татарски 'запряжание', а *ли* — суффикс).

Вероятно, *джигули* — древнее тюркское наименование запряжного судорабочего, бурлака. Можно полагать, что это название с древних времен относится как к горам, так и к населенному пункту Жигули; последний мог быть одним из мест пристанища и сбора бурлаков.

Таким образом, горы Жигули — это горы бурлацкие, то есть район, к которому имели отношение бурлаки. Долиной реки Самары сюда подходил караванный путь с Востока, здесь переправляли через реку плоты с товарами, шла погрузка товаров на речные суда. Здесь проходила южная граница Волжской Булгарии. Сюда шли бурлаки из окрестных и из дальних мест. Известно, что и в Русском государстве в старину весной со вскрытием рек бурлаки большими партиями собирались из разных губерний в определенных местах на великой реке, чтобы поспеть к первому рейсу в Астрахань и в другие города Нижней Волги.

Район Жигулей, по-видимому, был местом постоянного пополнения армии бурлаков, которая составляла сотни тысяч человек. Высокие горы служили хорошим ориентиром, а леса, покрывающие их, — убежищем для беглых крестьян и людей, ищущих спасения от голодной смерти. Бурлаками становились беднейшие крестьяне, мещане, иногда бродяги. Большинство бурлаков с XVI—XVII веков составляли русские, но на Средней и Нижней Волге много их бывало и из татар, встречались также из чувашей, марийцев и др.

Добавим, что Жигули занимают значительное место в так называемых бурлацких рассказах и вообще многократно упоминаются в литературе о бурлаках. У Жигулевских гор, в селе Ширяево, в 1870 году И. Е. Репин писал этюды к своей знаменитой картине «Бурлаки на Волге».

О связи названия *Жигули* с бурлачеством косвенно свидетельствует этимология ряда слов, в том числе судоходных терминов, имевших хождение в бурлацкой среде и ныне бытующих в татарском языке.

Ш. З. БАХТИЕВ
Баку

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Словарный состав языка изменяется быстро, иногда на памяти одного поколения. Сейчас мы говорим *каникулы*, а учащиеся XIX века предпочитали слово *вакации*, которое они сами ввели в употребление, используя латинское слово *vacatio* 'освобождение, свободное время'. Забытые слова часто встречаются при чтении произведений, написанных пятьдесят-сто лет назад. Так, слово *вакации* находим у Салтыкова-Щедрина в «Убежище Монрепо»: «До десяти лет я жил в деревне безвыездно; потом, когда начались странствования по казенным заведениям, ежегодно на летние вакации приезжал... домой».

Но устаревшие слова могут встретиться и в произведениях советских писателей. Чаще всего они употребляются в исторических романах, повестях и других произведениях, посвященных событиям прошлого. Здесь ими называются предметы, явления, которые сами отошли в далекое прошлое. Много таких слов можно встретить, например, в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»: «До Вязьмы ехали с обозами, медленно. По долгу кормили лошадей в ямах». Здесь незнакомо слово *ям*. В древности оно было названием постоялого двора, где останавливались путешествующие на лошадях. Этими лошадьми правили *ямщики*.

Вот еще пример из романа «Петр Первый»: «Двоих мужиков, злых недоимщиков, Федьку и Коську, привел из сельца Ивапково и со вчерашнего вечера поставил на дворе на правёж». В этом предложении непонятны два слова: *недоимщик* и *правёж*. *Недоимщики* — те, кто не вносил *недоимку*, 'часть налога, сбора', а *правёж* — это избивание, которому подвергали должников-недоимщиков.

Из приведенных примеров видно: чтобы правильно понимать не только произведения XIX века, но и произведения советских писателей, надо знать значения некоторых устаревших слов. Если же слово, встреченное в тексте, незнакомо, то следует посмотреть в словарь, где приводятся устаревшие слова, встречающиеся в художественной литературе.

Такие слова часто служат одним из средств характеристики героев художественного произведения. Если действующее лицо романа, рассказа или повести часто употребляет устаревшие слова, то это обычно свидетельствует не только о его возрасте

(скорее всего это пожилой человек), но и о воспитании, образовании, мировоззрении, роде занятий, вкусах и т. п.

Поп из пьесы Маяковского «Мистерия-буфф» говорит: «Сне на сорок ночей и на сорок ден!». В этой небольшой фразе мы находим и слово *сне* (вместо *это*), и просторечную форму *дён* (вместо *дней*). «На песце строят», — говорит «чахоточный поп Василий» из романа М. Горького «Дело Артамоновых», употребляя форму *на песце* (вместо обычной *на песке*). Как видно из последнего примера, устаревать может не все слово, а лишь одна или несколько из его форм. При этом вместо устаревшей формы обычно употребляется более новая.

Устаревшие слова чаще встречаются в речи пожилых людей. Бабушка из «Детства» Горького говорит: «Он [то есть бог], чай батюшка, глядит-глядит с небеси-то на землю, на всех нас, да в иную минуту как восплачет, да как возрыдает». Глаголы *восплакать* и *возрыдать* близки по значению современным глаголам *заплакать* и *зарыдать*, а форма *на небеси* означает то же, что и *на небе*. Интересно, что один и тот же человек может рядом употребить современное и устаревшее слово в одном и том же значении. Вот отрывок из воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»: «Один старик объяснил мне: „...Если придется умереть, нужно в чистой рубашке преставиться“». Здесь рядом употреблены современное слово *умереть* и устаревшее *преставиться*.

Иногда устаревшие слова и выражения используются для того, чтобы вызвать ироническое, насмешливое отношение к чему-нибудь. При этом часто выступают целые сочетания слов из книг священного писания. Некогда они звучали возвышенно, торжественно, но постепенно — с изменением отношения к религии — стали звучать иронически: «Сначала меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просящих нищих. Думал, „во человецех благоволение“. Оказалось другое» (Маяковский. Париж). Библейское выражение *во человецех благоволение* (среди людей полное благополучие) употреблено явно не всерьез, а в шутку.

Опочил в бозе — говорили древние об умерших князьях, царях, вельможах. А в романе В. Пановой «Времена года» это выражение служит средством злой иронии: «Бухгалтер опочил в бозе, подготовив себе достойных преемников». У В. Каверина в повести «Неизвестный друг» мы тоже встречаемся с этим выражением. Мальчик, гимназист второго класса, не зная значения формы *в бозе*, по-своему переосмысливает ее: «Все цари [изображенные на гимназическом похвальном листе. — И. У.]... ездили умирать в какую-то „Бозу“: почти над каждым портретом было написано; „Почил в Бозе“ тогда-то» (до 1917 года слово *бог* писали всегда с заглавной буквы).

Устаревшие слова неодинаковы. Одни устаревают настолько, что становятся непонятными: *весь* — ‘село’, *тать* — ‘вор’, *мыто* — ‘торговая пошлина в Древней Руси’, *оцет* — ‘уксус’ и т. п.,

другие, более распространенные, многим знакомы. Например, сейчас длину, расстояние измеряют не аршинами, саженьями, верстами, а километрами, метрами и сантиметрами. Тем не менее слова *аршин*, *сажень*, *верста* известны многим, хотя и не все помнят, что аршин — 0,711 м, сажень — 2,134 м, а верста — 1,07 км. Ушли в прошлое городовые, приказчики, бояре, лакеи, холопы, ямщики, конки и т. п., но каждый из нас знает, что означают эти слова.

Бывают (и нередко) случаи, когда слово продолжает употребляться в языке, но не в том значении, что раньше. Устаревает, таким образом, не самое слово, а одно из его значений. Словом *поезд* в современном языке называют, как известно, состав из сцепленных между собой железнодорожных вагонов, а в XIX веке оно могло иметь и другое значение: 'ряд экипажей, повозок, саней и т. п., следующих друг за другом в одном направлении'. Это надо иметь в виду, читая такой отрывок из «Войны и мира» Л. Толстого: «Встряхнуло карету при выезде со двора на тряскую мостовую, так же встряхнуло другие экипажи, и поезд тронулся вверх по улице». Но у Толстого это слово встречается и в его «железнодорожном» значении, например в романе «Воскресение»: «В это самое время ударил третий звонок и поезд медленно тронулся».

Если старое значение слова еще не вполне забыто, если оно известно людям старшего поколения, то могут возникнуть своеобразные «столкновения» старого и нового значений. Такие «столкновения» иногда отражаются в художественной литературе. Вот беседуют герои пьесы А. Афиногенова «Машенька» — престарелый профессор Окаемов и его шестнадцатилетняя внучка Маша.

М а ш а. Потом анкету надо заполнить. В графе родителей мне как писать?

Кто моя мама?

О к а е м о в. Хм. Мещанка, наверное.

М а ш а. Что ты, дедушка, разве можно так про маму говорить? Мещанка — это которая сплетничает, склоки любит, жадная.

О к а е м о в. Нет, нет, я имею в виду социальное происхождение, а не нравственный облик.

М а ш а. Все равно пельзя. Я напишу — домашняя хозяйка, и все.

Как видим, здесь «столкнулись» два значения слова *мещанка*: старое — 'женщина, принадлежавшая в царской России к городскому сословию, состоявшему из мелких торговцев, ремесленников, низших служащих и т. п.' и новое — 'женщина с мелкими, ограниченными интересами и узким кругозором'. Новое значение стало настолько распространенным, что Маша не решилась вписать в анкету слово *мещанка* в его старом значении.

Многие устаревшие слова, выйдя из употребления, оставили, тем не менее, следы в языке. В так называемых устойчивых сочетаниях мы часто находим такие слова, которые вне этих со-

четаний не употребляются. Например, в выражении *беречь как зеницу ока* мы встречаем сразу два устаревших слова: *зеница* — ‘зрачок’ и *око* — ‘глаз’. Следовательно, смысл данного выражения таков: ‘беречь что-либо как зрачок глаза, то есть тщательно, старательно оберегать, охранять’. Вот еще несколько устойчивых сочетаний, в которых употреблены забытые слова: глас вопиющего в пустыне; древо познания добра и зла; камень преткновения; денно и нощно; в городах и весях и др. Все эти сочетания возникли тогда, когда слова *зеница*, *око*, *глас*, *древно*, *преткновение*, *денно*, *нощно*, *весь* еще не были устаревшими. Постепенно эти слова выходили из употребления, но некоторые их сочетания с другими словами стали часто повторяться, закрепились в языке. В составе таких сочетаний сохранились и забытые слова.

Следы слов, вышедших из употребления, можно найти в именах собственных. Проезжая город Бологое, находящийся между Москвой и Ленинградом, мы обычно не задаем себе вопроса: что значит *Бологое*? В современном языке — это только название города, а в древнерусском языке *бологой* ‘хороший, красивый’. Этим словом и было названо село, превратившееся затем в город.

Древнерусское слово *мытйце* означало место, где собирают *мыто* ‘пошлину за проезд и провоз товара’. Сейчас Мытищи — город под Москвой, находящийся на том месте, где когда-то собирали мыто. Такое же происхождение имеет и название Мытной улицы в Москве. Фамилия повара Смурого из повести Горького напоминает нам о забытом слове *смурый*, что значит ‘хмурый’.

Бывает и так: слово исчезает из языка, а слова, от него образованные, остаются. Возьмем глагол *ошеломить*. Сейчас он означает ‘крайне удивить, внезапно озадачить’, а в древности *ошеломити* значило ‘сильно ударить по голове, шлему’ (по-древнерусски ‘по шелому’). От слова *шелом*, вышедшего из употребления, и образован этот глагол.

Слово *разглагольствовать* напоминает нам о старом, исчезнувшем значении слова *глагол*. В современном языке *глагол* — это часть речи, а еще в XIX веке его можно было употребить в значении ‘слово, речь’. Вспомните:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею мой
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

П у ш к и н. Пророк

Многие слова с так называемыми некопными сочетаниями *ра*, *ла* вышли из употребления, вместо них стали использоваться только синонимичные слова с полногласными сочетаниями: *град* — теперь *город*; *драгой* — теперь *дорогой*; *древно* — теперь *древно*; *брег* — теперь *берег*; *млеко* — теперь *молоко*. Но

они сохранились в составе таких слов, как *Ленинград, драгоценный, древонасаждение, прибрежный, млекопитающие*.

Как видим, в современном русском языке можно найти следы исчезнувших слов, услышать отзвуки тех интересных событий, которыми богата история. Многие устаревшие слова так часто употреблялись лучшими русскими поэтами, что надолго сохранили свою красоту и поэтичность. Некоторые современные поэты даже жалеют об их исчезновении, понимая, однако, что историю языка назад не повернуть. Вот что пишет поэт А. Марков в стихотворении «Вернитесь»:

Вернитесь, милые ланиты,
Не заменяют щечки вас!
И око, что на мир открыто,
Не то же самое, что глаз!..

Вернитесь, светлые денницы,
Пред вами я склоню главу!
Весь список, что не мог вместиться
В мои стихи, вернись! — зову...

Зову. Но, может быть, напрасно:
Они, как смолкнувший напев,
Как звезды, что давно погасли,
Навеки землю обогрев.

Кандидат филологических наук

И. С. УЛУХАНОВ

В работе над стихами меня весьма привлекают звук и слово. Конечно, чаще всего стихи рождаются от желания что-то сказать. Но бывает — и целое стихотворение возникает из какого-то, на мой взгляд, интересного звуко-сочетания.

Книга «Трудные буквы» принесла мне много неожиданностей. В период работы над нею Ленинградское радио попросило меня сделать детскую передачу по этим стихам. Сюжет я придумал не ахти какой: к доктору обращаются за помощью ребята, не выговаривающие ту или иную «букву». Доктор всех принимает, но вместо порошков и пилюль прописывает ребятам стихи. Каждому на трудную для него «букву».

Ничего особенного от радиопередачи я не ждал. И вдруг... в радиомитет повалили письма. Несколькими тысячами родителей требовали срочно прислать им стихи на ту или иную «трудную букву». Я-то полагал, что весь мой сюжет не более, как шутка, а тут — на тебе!..

Поток писем я отнес за счет безграничной родительской любви. По-

мочь своим детям все мы готовы чем угодно, любыми средствами. Но вскоре ко мне обратились специалисты-логопеды. И им эти стихи оказались необходимыми для работы. Не помню уже, сколько вечеров пришлось стучать на машинке. Однако и этим дело не кончилось. От врачей-логопедов пошли прямые заказы: «Напишите для лечения заикающихся ребят стихи на букву к. Чтобы каждое слово начиналось с *ка, ки, ко, ку...*». Написал и таксе: тринадцать строк, сорок слов — все на *к*, за исключением единственного сороч первого слова — ты. Теперь и сам думаю: кто знает, может быть, я действительно кому-нибудь помог?

Следует еще сказать, наверное, что название книги — далеко от точности. Трудными являются, разумеется, звуки, а не буквы. Издательству я предлагал другое: «Заковыристая книжка». Но — увы... Слишком зановыристым показалось это название издательству, и оно придумало свое.

В. СУСЛОВ

ТРУДЫ БУКВЫ

Рулевой

Ливень льет! Ливень льет!
Пляшут капли в лужице.
Плот плывет! Плот плывет!
Плот по луже кружится.
Лягушонок влез на плот
И кричит: «Ура! Вперед!».
Плещут волны! Хлещут волны!
Заливают с головой.
— Что мне волны! Самый полный! —
Не сдастся рулевой.

— Я на Волгу поплыву!
Из канала — и в Москву!
Только ливень все сильнее,
Только капли все крупнее,
Хвостушки не жалея,
Бьют сильнее и сильнее!...
Лягушонок в лужу —
Плюх!
И на землю,
Под лопух.

Слушал Шорох Тишину

В тишине лесной глуши
Шепот к Шороху спешит.
Шепот к Шороху спешит,
Шепот по лесу шуршит.
— Ты куда?
— К тебе лечу.
Дай на ушко пошепчу:
Шу-шу-шу да Ши-ши-ши,
Тише, Шорох, не шурши,
Наостри-ка уши —
Тишину послушай!..
— Слышишь?
— Слышу.
— Что ты слышишь?
— Шебаршата где-то мыши,
Под кореньями шуршат —
Дружно шишку шелушат.
Тише, Шорох, не дыши!..
Слышишь, стихли камыши?
Слышишь?
— Слышу..
По болоту
Вышли цапли на охоту.
Цапли ужинать спешат,
Рыщут-ищут лягушат.
— Слышишь?
— Слышу..
Две букашки
Спать устроились в ромашке,

Под простынки, влезть хотят,
Лепестками шелестят,
«Звнь — звнь — звнь!» —
А это шмель
Прошмыгнул и сел на ель.
У Пчелы-воргнчихи Шмель
Шьет хорошую шинель.
Он вернется с этой ели
В новой шелковой шинели,
С медной пашкой,
В звонких шнорах —
И умчится в вышину...
— Что еще ты слышишь, Шорох?
Тише!..
Слышу
Тишину...

прочитайте

д е т я м

ЗАИКАНИЕ

Многие нервные задачи, которые сначала могут казаться невыполнимыми, в конце концов при постепенности и осторожности оказываются удовлетворительно решенными.

И. П. Павлов

Заикание возникает обычно в возрасте от двух до пяти лет у нервных, впечатлительных детей. Оно проявляется либо в навязчивом повторении звуков и слогов в начале слова (п-п-оле, бе-бе-береза), либо в непроизвольных остановках, задержках речи, часто сопровождающихся судорогами речевых органов (п-оле, б-ереза). Встречаются и смешанные формы заикания (Во п-п-оле бе-бе-береза ст-о-яла).

Наряду с искажением нормально ритма и темпа речи при заикании отмечают также нарушения дыхания: оно становится неровным, прерывистым; расстраивается и голос: у заикающихся он неуверенный, хрипловатый, иногда настолько слабый, что ребенок говорит чуть ли не шепотом; заикаясь, он нередко краснеет, прикрывает глаза, покачивает головой, переступает с ноги на ногу, и эти изъяны, как и нарушения дыхания, голоса, свидетельствуют о болезненном состоянии нервной системы.

Что же порождает ее, или, говоря другими словами, под влиянием каких обстоятельств возникает неправильная речь?

Это могут быть неблагоприятные условия внутриутробного развития, природо-вые травмы, инфекционные заболевания — осложнения после скарлатины, кори, коклюша, ослабляющие здоровье ребенка. Ненормальная бытовая обстановка, семейные конфликты, ссоры, свидетелем

которых становится малыш, нерадивое отношение родителей к нему, грубость, резкость, физические наказания глубоко ранят детскую психику и также влекут за собой речевое расстройство.

Незначительные с виду случаи — упоминание о «темном чулане», куда будто бы запрут маленького непоседу за непослушание, острозаметный приключенческий фильм, настоячивые требования старших рисовать правой, а не левой рукой, как он уже привык, — могут вызвать у ребенка сильное переживание, испуг, страх, а с ними заикание.

Запинки в речи могут возникнуть и в том случае, когда дошкольника заставляют повторять сложные, непонятые слова и фразы или понуждают подолгу, до утомления рассказывать, декламировать что-либо, да притом в присутствии посторонних. Бывает и так, что ребенок, подражая неряшливой речи окружающих, стремится поскорее высказать свои мысли, сбивается, путается в звуках и начинает заикаться. Правда, родные понимают его с полуслова, и он не испытывает особых неудобств из-за своего речевого недостатка. Однако в детском саду и особенно в школе речь заикающегося оказывается в центре внимания большого — и незнакомого! — коллектива, поэтому недочеты произношения осознаются ими острее.

Так, еще не приступив к разговору, ребенок волнуется, заранее опасаясь, что станет заикаться; у него появляется неуверенность в речи, настороженность, мнительность, он болезненно ощущает разницу между собой и сверстниками. Если к тому же товарищи смеются над ним, перерезывают, а взрослые бранят за неправильную речь, ребенок уходит в себя, становится раздражительным, пугливым, у него появляется чувство собственной неполноценности; заикание усугубляется, и это еще более угнетает ребенка, уродует его характер, психику.

Отсюда мы вправе сделать вывод, что воспитатель, задавшийся целью устранить заикание у дошкольника, должен воздействовать не только на его речь, но и на личность в целом, на его взаимоотношения с окружающими.

Прежде всего необходимо создать спокойные условия для жизни ребенка, окружить его заботой, лаской, вниманием. Надо объяснить ему и его сверстникам, что заикание не позорно (заикаются и взрослые), что смеяться над заиканием могут лишь плохие, невоспитанные люди, что заикание обязательно пройдет, если говорить неторопливо, плавно, чуть нараспев, не делая перерывов между словами. Члены семьи должны тщательно следить за тем, чтобы их собственная речь была неспешной, внятной, выразительной. Ребенок будет подражать ей, и благодаря этому речевое расстройство может сойти за нет.

Для детей, страдающих заиканием, немаловажное оздоровительное значение имеет режим: улучшенное четырех-пятиразовое питание с большим количеством витаминов, длительный сон, продолжительное пребывание на воздухе, занятия физкультурой, водные процедуры (обтирание, теплые ванны). Распорядок дня необходимо согласовать с врачом.

Преодолению речевого недуга в значительной мере способствуют занятия ритмикой, пением. Они развивают у детей равномерное дыхание, звучный голос, четкую артикуляцию. Поэтому музыкально-двигательные упражнения полезно применять и в последующей логопедической работе по устранению заикания.

Начинать ее лучше всего с речевой зарядки. Ребенок, следуя примеру воспитателя, делает глубокий вдох и не спеша, на одном выдохе считает от одного до пяти, затем до десяти и обратно или произносит простые слова, короткие фразы, правила: «Я буду говорить медленно», «Я буду говорить громко» и т. п. Здесь важно, чтобы ребенок при вдохе не напрягался, не приводил плеч, а выдыхал спокойно, бесшумно. В результате таких тренировок речевое дыхание, прежде беспорядочное, сумбурное, заметно выравнивается, становится размеренным, плавным. Для закрепления навыка ритмичного произношения хорошо использовать сопряженную речь — совместное чтение небольших стихотворных и прозаических текстов, причем воспитатель ударами карандаша по столу

указывает на необходимость остановок, пауз:

«Ветер по морю гуляет /И кораблик подгоняет;/ Он бежит себе в волнах/ На раздутых парусах».

Сказку можно прочесть примерно так:

«Жила-была коза, /и было у нее/ семеро козлят...».

Тексты необходимо выбирать с таким расчетом, чтобы в них был соблюден принцип постепенности нарастания трудности в зависимости от звукового состава слов: известно, что слова, богатые взрывными — особенно взрывными заднеязычными г, ж, наиболее трудны для заикающихся.

При коллективном чтении заикание у детей почти не заметно. Это ободряет их. Постепенно малыши начинают проявлять большую активность и, уверенно повторяя текст вслед за ведущим, сами отмечают паузы: хлопают в ладоши, подбрасывают мяч вверх, ударяют им о стену или пол. Особенно удобны для таких упражнений считалки, прибаутки, загадки. При малейшем затруднении в произнесении того или иного слова воспитатель приходит на помощь ребенку, и они начинают говорить совместно.

Навык самостоятельной плавной речи малыш приобретает в работе над картинками. Поначалу он составляет и проговаривает стереотипные предложения: «На картинке нарисована стрекоза», «На картинке нарисовано яблоко». Затем, ободренный успехом, он передает содержание картинок, изображающих движения, действия: «Девочка поливает цветы», «По реке плывет пароход». Составляет, далее, краткие описания: «Пионеры ловят рыбу. У них длинные удочки. В банке червяки». Безошибочное выполнение этих заданий убеждает заикающихся в том, что они могут без посторонней помощи говорить, «как все», — правильно.

Теперь точно так же, по картинке, дети придумывают небольшой рассказ. Примерные сюжеты: «Зимние забавы», «Не дразни гусей», «За грибами». Темы для рассказывания должны быть близки и понятны ребенку: это заинтересует его, поможет разговориться. Правда, словарный за-

пас у дошкольников невелик, и они — в поисках нужного слова — нередко теряются. прерывают свою речь, начинают заикаться. Воспитатель предупреждает это: во время знакомства с картинкой он выясняет, уточняет и по мере надобности подсказывает маленькому рассказчику те слова и выражения, которые способствуют наиболее четкому и последовательному изложению мыслей.

На этом этапе речевых занятий полезно практиковать и беседы о прочитанных рассказах, сказках, баснях; ребенок отвечает на вопросы по содержанию текста, пересказывает его, говорит о своем отношении к действующим лицам. Так, исподволь, у него развивается логическое мышление, расширяется словарный запас, воспитывается речевая смелость.

После того как ребенок научится составлять рассказ по картинке, овладеет вопросо-ответной формой речи, в упражнения включаются декламация. Это лучший способ тренировки и закрепления навыков правильного произношения.

Но работа по восстановлению благозвучной речи на этом не закончена; предстоит еще проверить, как воспитанник «ведет себя» в реальных речевых ситуациях со взрослыми, сверстниками, во время игр и прогулок: не заикается ли, не затрудняет ли его быстрая смена интонации, справляется ли он с ускоренным темпом речи. Если наблюдения покажут, что повседневная речь ребенка не свободна от некоторых недостатков, надо повторять пройденное.

Возможно, воспитатель направит усилия на укрепление здоровья ребенка, его нервной системы. Возможно, проведет упражнения, улучшающие речевые движения, дыхание, голос. Однако во всех случаях необходимо поддерживать тесный контакт со специалистами, строго выполнять их советы и рекомендации.

Ю. А. СТЕПАНОВ

консультации

(Продолжение)

Окказиональный. Созданный для данного случая, индивидуальный, не соответствующий общепринятому образованию или употреблению, но оправдываемый специфическим контекстом. Например, окказиональные слова (окказионализмы) у В. Маяковского в стихотворении «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»: «Я крикнул солнцу: „Дармоед! занежен в облака ты...“»; «Погоди! послушай, златолобо...»; «Пойдем, поэт, взорлим, воспоем у мира в сером хламе»; «Устанет то, и хочет ночь прилечь, тупая сонница...».

Окончание (флэкция). Морфема, стоящая в конце слова и изменяющаяся при склонении или спряжении, а также при изменении в роде: враг-а, враг-у, враг-и, враг-ов; пиш-у, пиш-ешь, пиш-ет, пиш-ем; мил-ый, мил-ая, мил-ое.

Оксюморон (и оксюморон). Стилистический прием, который заключается в сочетании контрастных по значению слов: «И невозможное возможно...»; «Позволь... Сердцу изведать сладчайшую боль» (Блок); «Живой труп» — название драмы Л. Толстого.

Олицетворение. Прием художественного изображения, состоящий в том, что неодушевленным предметам и животным приписываются свойства и признаки человека (чувства, мысли, речь); «Вечор, ты помнишь, *вьюга злилась*» (Пушкин); «Из-под куста мне *ландыш* серебрястый Приветливо *живает головой*» (Лермонтов); «Опять *весна* мне *шепчет*: встань...» (Блок).

Омонимия. Совпадение разных слов по звучанию.

Омбнимы. Разные слова, имеющие одинаковое звучание, во всех формах: град — 'город' и град — 'вид осадков'; брак — 'супружество' и брак — 'недоброкачественная продукция'; лейка — 'сосуд для поливки' и лейка — 'фотоаппарат'. Звуковой состав слов может совпадать лишь в части форм или в одной форме (омоформы): печь (печу) и печь (печи), три (число) и три (от *гереть*).

Ономастика. 1. Совокупность личных имен (имен, отчеств, фамилий, прозвищ). 2. Раздел языкознания, изучающий личные имена.

Ономатопея. То же, что звукоподражание; создание слов, в той или иной степени воспроизводящих звуки, крики, шум: шушуканье, сюсюкать, бабахнуть, кукушка, мычать.

Определение. Второстепенный член предложения, относящийся к члену предложения — слову с предметным значением (существительному, местоименному существительному, количественному числительному, а также к любому субстантивированному слову) и указывающий на его признак, качество или свойство. **Согласованные определения** (согласующиеся с определяемым словом в числе и падеже, а в единственном числе также и в роде) выражаются именами прилагательными, местоименными прилагательными, порядковыми числительными и причастиями: *белый* снег, *весь* дом, *первый* класс, *опаздывающий* поезд. **Несогласованные определения** выражаются существительными и местоименными существительными в косвенных падежах, прилагательными в сравнительной степени, инфинитивом, наречиями и количественно-именными сочетаниями: *изба лесника*, дом

с колоннами, у нее был сын *постарше*, готовность *работать*, прогулка *верхом*, *мужчина лет пятидесяти*.

Опрощение. Потеря основами слов прежней их способности члениваться на морфемы, переход производных слов в разряд неизпроизводных. Так печальными в современном языке стали слова: столица (родственное словам *стол*, *престол*), порошок (ср. *порог* в старом значении *пыль*).

Орфография. Система правил написания слов, передачи речи на письме, правописания.

Орфоэпия. Система правил образцового литературного произношения.

Опоясанная рифма. Рифма, при которой первая строка рифмуется с четвертой (а вторая с третьей): Пусть я и жил, не *любя*, Пусть я и клятвы нарушу,— Все ты волнуешь мне душу, Где бы ни встретил *тебя!*

Блок

Основа. Часть слова, остающаяся после отсечения окончания и морфем *-ся(сь)* и *-те*, стоящих после окончания: *подземный*, *беднот-а*, *ученичеств-о*, *безработиц-а*, *разрисовыва-ю*. (о) *бодрост-и*, *воскресни-и*, *коммунизм-а*, *несущий(ся)*, *пиш-и(те)*.

Отверждение. Переход мягкого согласного в твердый. Например, отвержение *р* в словах *верх*, *четверг*, где по старой норме звук *р* произносится мягко.

Отвлеченные существительные. То же, что абстрактные; название понятий, свойств, качеств, действий: зло, гуманизм, достоинство, веселье, смелость, бег, обмеление, чистка, электрификация.

Отрицательное сравнение. Особая форма сравнения, при котором один предмет или явления противопоставляются другим (по существу они кажутся настолько близкими, что актер как бы призывает их не путать, не смешивать друг с другом):

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Н. Некрасов

(Продолжение в следующем номере)

Богатство русского языка... В чем же заключается оно? Конечно, в первую очередь в огромном словарном запасе. Во-вторых, в развитом, упорядоченном грамматическом строе и тонкой стилистической системе.

Но это не все. К богатству русского языка следует отнести изумительные возможности выразительного и образного употребления слова. И вот здесь не последнюю роль играют эпитеты. Именно они помогают нам мыслить образами, «физически видеть читаемое» (Л. Толстой).

Сейчас готовится Словарь эпитетов русского языка. В нем будут тысячи эпитетов из лучших произведений классической и советской литературы. Выдержки из этого словаря мы и публикуем в нашем журнале.

СЛОВАРЬ ЭПИТЕТОВ

БОЛЬ

О силе, интенсивности боли: адская, жестокая, живая, зверская, легкая, лютая, мучительная, невыносимая, невыразимая, неистовая, неопишуемая, непереносимая, несносная, нестерпимая, неукротимая, свирепая, сильная, страшная, ужасная. «Я встал с жестокою головою болью» (Грибоедов. Путевые заметки); «Она чувствовала в правом виске вепоятную живую боль» (Герцен. Кто виноват?).

О характере боли: глухая, гложущая, давящая, дергающая, жгучая, колющая, ноющая, острая, пронизывающая, резкая, режущая, садная, сверлящая, скребущая, скрежещущая, сосущая, тупая, тянущая, щекокущая, щемящая. «Ленька задремал, а дед Архип, чувствуя тупую, давящую боль в груди, не мог уснуть» (М. Горький. Дед Архип и Ленька); «Тело продолжало еще болеть, но оно тоже болело тихо, — не скрежещущей, острой болью, как рваная рана, а тихой, щемящей» (Симонов. Дни и ночи); «Во всем теле ощущалась тупая, скребущая боль» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

О продолжительности боли: застывшая, мгновенная, молниеносная, неотвязная, неотступная. «Рука плохо сгибалась в локте, какое-то дополнительное злое озорство зарождалось из тупой, неотвязной боли» (Леонов. Взятие Великошумска).

О психических переживаниях: безмолвная, безысходная, глубокая, гнетущая, душевная, едкая, жгучая, жестокая, мучительная, неизлечимая, немая, ноющая, осознанная, острая, сердечная, смертельная, суровая, тихая, тупая, щекокущая, щемящая. «[Сердце] болело безмерной и безысходной болью» (Бубеннов. Белая береза); «И на все легла печать грусти и величавой строгой думы: как будто великий гнев и безмолвную смертельную боль затаило в себе могучее, молчаливое сердце» (Скиталец. Лес разгорался); «„Авантюрист, истерик“, — раздраженно думал Захаров о Каракозове, и тут же едкая боль за ученика пронзила ему сердце» (Шагинян. Семья Ульяновых); «Воспоминания — или величайшая поэзия, когда они — воспоминания о живом счастье, или — жгучая боль, когда они касаются засохших ран» (Гончаров. Обломов); «Моя правда оскорбила бы Урбенина... он, услышав ее, почувствовал бы неизлечимую боль... Я счел за лучшее солгать» (Чехов. Драма на охоте); «Села за стол, мучительно передумывая давно продуманное, вызывавшее на сердце тупую ноющую боль» (Шолохов. Тихий Дон); «Но не потому, что горя нету более, время потому, что резкая тоска стала ясною осознанною болью» (Маяковский. Владимир Ильич Ленин); «[Песня] стонет, плачет и оживляет сердце тихой щекокущей болью» (Горький.

Двадцать шесть и одна): «Есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем, со щемящей болью в сердце, одного хорошего» (Л. Толстой. Анна Каренина).

Редкие эпитеты: безнадежная, звенящая, земная, игольчатая, испуганная, конфетная, кровавая, нутряная, потайная, сладкая, слепящая, холодная. «— Прощайте.— Вывели людей. И с болью безнадежной:— Сивцов,— напомнила,— Андрей. Услышите, возможно...» (Твардовский. Дом у дороги); «Звенящей болью любовь замоля, душой иное шествие чающих, слышу твою, земля: „Ныне отпущаеши!“» (Маяковский. Человек); «И только в сердце у него словно лежала пчела и редко-редко чувствовалась игольчатая боль» (Вс. Иванов. Ночь); «Пуля пробила ему плечо. Тихая, какая-то конфетная сладкая боль ползла от плеча к хребту» (Вс. Иванов. Голубые пески); «Вот та, по милости которой находила Аксинья слезами, расставаясь с Григорием, несла в сердце кровавую боль» (Шолохов. Тихий Дон); «Григорий Мелехов после боя под городом Лешнювом тяжело переламывал в себе нудную нутряную боль» (Шолохов. Тихий Дон); «Холодной болью застыла в сердце капитана смерть его жены и ребенка» (В. Кожевников. Март — апрель).

В устойчивых (терминологических) сочетаниях: головная, грудная, зубная, иррадирующая, местная, мигреневая, отраженная, периферическая, подложечная, подагрическая, предродовая, ревматическая, родовая.

БОРОДА

О виде, форме: двойная, дощечкой, клином, клинообразная, козья, козлиная, круглая, лопатистая, лопатной, лопатовидная, лопатой, окладистая, тонкая, широкая. «Хозяин был, однако, невысок. Благообразен, борода дощечкой» (Луговской. Жизнь); «[Дьякон] слушал, играя перстами в своей козлиной бороде» (Скиталец.

Октава); «Глаза у него навькат и борода лопатой» (Кедрин. Беседа).

О состоянии, характерном признаке: благообразная, волнистая, вьсклоченная, гладкая, густая, жесткая, жидкая, жиденькая, клокастая, клочкастая, клочковатая, колючая, косматая, крепкая, кудрявая, курчавая, лохматая, мягкая, нечесаная, осанистая, плотная, приглаженная, пушистая, распушенная, растрепанная, редкая, холеная, шерстистая, щетиnistая. «Он выпрямился, тряхнул волнистой бородой» (Скиталец. Полевой суд); «Обросший клочковатой рыжей бородой, с большим суком в руке был, несомненно, европейцем» (Тихонов. Зеленая тьма); «Сын... в двадцать лет зарос бородой, широкой, кудрявой и такой крепкой, что клещи не выдернули бы из нее ни волоса» (Бунин. Деревня); «Почти бронзовое лицо, широкий сплюснутый нос, узкие, как щели, глаза, какая-то шерстистая черная борода — все в Спирынке обличало лесного человека» (Мамин-Сибиряк. Золотая ночь); «Нас встретил представительный мужчина средних лет, с лысеющим лбом, холеной каштановой бородой» (Скиталец. Этапы).

О цвете: белая, выпуклая, каштановая, мочальная, рудая, русая, рыжая, седая, смолистая, темная, черная, чубарая. «Открытое свежее лицо с русской бородой бросалось в глаза» (Мамин-Сибиряк. Осенние листья); «По дороге ковыляют старики — Бороды седые, Рудые, худые, Бороды, что клочки, рукавами терты...» (Прокофьев. Только не угроза...); «— Черт знает что! — повторил семинарист, глядя на его густую чубарую бороду» (Бунин. Будни).

Редкие эпитеты: кощеева, патриаршая, хвостатая. «Худой длинный человек с кощеевой бородой кричал, махая бумагой» (А. Н. Толстой. Петр I); «Сказал мне помреж Терентьев бороду отпустить. Будешь, говорит, Навуходносора играть или Валтасара в фильме... я и отрастил, смотри, какая борода — патриаршая!» (Ильф и Петров. Золотой теленок).

(Продолжение в следующем номере)

Поэма «Русской рези»

Попрать

Читатель М. С. Ибрагимов (г. Салават Башкирской АССР) интересуется происхождением глаголов *попрать* и *прегнать* и просит разъяснить особенности их употребления в современном русском литературном языке.

Оба глагола имеют старославянское происхождение. Они встречаются, например, в одном из древнейших памятников — «Остромировом евангелии» (1056—1057).

Глагол *попрать* образован посредством приставки *по-* от старославянского *пораги* в значении 'давить, топтать'. Следовательно, в древнерусском языке *попърати* (после падения глухих *попрати*) первоначально обозначало 'потоптать, затоптать ногами'. Позднее, в процессе развития русского языка (по показаниям древнерусских письменных памятников, с XI века), глагол *попрать* приобретает вторичные, переносные значения: 'низвергнуть, победить' и 'презреть, презреть, унижить'.

Глагол имеет соотносительную видовую пару — форму несовершенного вида *попирать*, которая в своем прямом значении, по свидетельству «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 года, еще свободно употреблялась в пушкинскую эпо-

ху. Словарь иллюстрирует это значение следующим пояснительным примером: '*попирать змею*', то есть топтать ее ногами.

См. также у Лермонтова:

Ногою гордой попирает
Убитого... Увидел он,
Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.

Кавказский пленник

У Пушкина: «Драгуны ударили в палаш и въехали в город, рубя и попирая бегущих» (История Пугачева).

В современном русском языке глагол *попрать* (попирать) имеет ярко выраженную книжно-риторическую

стилистическую окраску и употребляется преимущественно в официально-деловых документах и публицистической речи. Основное значение его сейчас — грубо нарушать

что-либо, пренебрегая установленными ограничениями: попира́ть закон; попира́ть чьи-нибудь права; попира́ть международные договоры и соглашения; попира́ть суверенитет страны и т. п. Употребление его в значении 'притеснять, угнетать' свойственно лишь разговорно-бытовой речи: «Попирает, понимаешь, мать, попирает жену и меня попирает норовит» (Панова. Времена года).

Претить

Глагол *претить* образован от старославянского существительного *прѣтъ* 'препятствие, угроза'; ср. в латышском предлог *pret* 'против', в древнерусском *прѣтъва*, *прѣтъба* — 'пререкания, ссора'. Первоначальное значение глагола, видимо, было 'препятствовать, запрещать, удерживать, останавливать', которое развило вторичное 'угрожать, грозить' (ср. древнечешское *prĕtiti* и сербское *претити* 'грозить').

С глаголом *претить* в значении 'запрещать, препятствовать, возбранять' мы встречаемся в русском литературном языке XIX века. Вот некоторые примеры: «Наливку пить закон не претит» (Загоскин. Юрий Милославский); «Егор-то Ильич и сам бы не прочь в такой день погулять и попраздновать, да Фомка претит» (Достоевский. Село Степанчиково). Как стилистический архаизм он выступает в поэтической речи символистам: «И вся семья, и все родные Претят, мешают ей во всем» (Блок. Возмездие).

В современном русском языке в результате смыслового развития объемом значения *претить* резко сузился, и глагол сохранил единственное значение — 'вызывать у кого-либо чувство отвращения, быть противным,

неприятным' (нередко — в безличном употреблении). Например: «Рыбий жир (или в разговорно-бытовой речи: от рыбьего жира) мне претит»; «Вы ненавидите службу, и вам она претит» (Чехов. Рассказ неизвестного человека), но ср. в речи Треплева: «... от его произведений мне претит» (Чехов. Чайка); «Они давали ему мелкие поручения, от которых претило» (Горбатов. Алексей Гайдаш); «В царской России некоторым ученым, зараженным духом кастовости, претил демократический облик В. И. Чернышева» («Русская речь», 1969, № 4).

Изменение значения повлекло за собой и изменение системы грамматических форм глагола. Так, приведенные в академическом Словаре 1847 года формы 1-го и 2-го лица (прещу, претишь) в современном русском языке вышли из употребления. На это указывает еще довоен-

ный «Голковский словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Кроме того, глагол *претить* лишен формы совершенного вида и управляет только дательным падежом. Поэтому считается неправильным использование его в разговорно-бытовой речи в значении переходного глагола: *Это меня претит* вместо *Это мне претит*.

Грубой ошибкой является также встречающееся иногда произношение этого глагола с ударением на первом слоге. Следует помнить, что ударение во всех его формах постоянное — на втором слоге.

И. Т. Сергеев

Сосновый бор или сосновая роща?

Меня как экскурсовода интересует, как правильно: «В Пицунде — сосновый бор или сосновая роща?» — спрашивает Э. Ю. Сейбе из Пицундского экскурсионного бюро.

В русском языке, кроме слова, обозначающего родовое понятие, — *лес*, существует много слов, которые определяют разновидности леса: *сосняк*, *ельник*, *осиновый* и др. В говорах и в специальной литературе по лесоводству сохранились также более старые наименования: *суборь* — сосново-еловый лес, *рамень* — еловый лес на суглинке, *сурамень* — елово-сосновый лес и т. п. Эти слова не вошли в литературный язык и теперь почти забыты, за исключением слова *бор*, обозначавшего ранее сосновый лес на сухой песчаной почве. Оно активно употребляется в литературном языке, хотя и несколько расширило свое значение. Так теперь называют любой хвойный лес, и поэтому без поясняющих слов или определений оно обычно не встречается: «Лишь в бору поникши ели Зелень мрачную хранят» (Лермонтов, Осень); «Берег Волги, стройный бор сосновый» (Жаров. Чкалов); «Тайга в Западной Сибири состоит главным образом из ели и пихты с включением боров кедровых» (Баранский. Экономическая география СССР). Называть словом *бор* какой-либо лиственный лес недопустимо, хотя имеются примеры такого упот-

ребления как в разговорной речи, так и в литературе.

На мысе Пицунда растут сосны. Поэтому вполне оправданно название статьи в газете «Известия» (17 ноября 1956) «Спаси ценный бор», начинающаяся словами «Красота Пицундского бора изумительна».

Почему же сосновый бор в Пицунде называют сосновой рощей? «Словарь современного русского литературного языка» объясняет слово *роща* как небольшой, обычно лиственный лес. Рощей можно назвать и небольшой хвойный лес: «На берегу пруда тянулась заповедная кедровая роща» (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо); «След гусениц сводил ... во мглу горелой сосновой рощи» (Леонов. Взятие Великошумска); «Хороши также словые рощи» (Зворыкин. Охота на тетерева).

Определяющее значение слова *роща* — величина, размер: «— Там почти сразу за переправой — лес. — Ну, какой же это лес, — роща, — постарался как можно мягче поправить Татарова Гильчевский» (Сергеев-Ценский. Брусиловский прорыв).

Территория в 196 гектаров, которую занимает Пицундский бор, не настолько велика, чтобы не было оснований называть его рощей. Поэтому мы чаще всего говорим и слышим слово *роща*: «Пицунда — знаменитая роща реликтовой длиннохвойной сосны, сохранившейся только здесь» («Комсомольская правда», 5 июня 1969).

Как же все-таки правильно называть — *сосновая роща* или *сосновый бор*? Говоря о прошлом — *бор*, о настоящем — предпочтительнее *роща*. Да, когда-то на берегу Черного моря шумел могучий сосновый бор, который дошел до нашего времени в виде прекрасной сосновой рощи.

Н. В. Соловьев

Балка и овраг

Объясните, пожалуйста, различие между словами овраг и балка, — просит в своем письме в редакцию читательница Н. Гордеева из Московской области. — Первое из них приходится встречать часто и в устной и письменной речи. Балка встречается реже. Чем это объясняется?

В семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» слово *балка* (об овраге) сопровождается пометой «областное». Между тем это слово хорошо всем известно и употребляется в художественной литературе; в географической литературе оно используется в качестве научного термина. Так, в «Русской энциклопедии» (1911) читаем: «Балки (суходолы) — овраги с пологими склонами, одетыми растительностью, и широким выровненным дном» или у Л. С. Берга: «В отличие от оврагов балки имеют склоны пологие и задернованные или покрытые лесом» (Физико-географические зоны СССР). Таким образом, географический термин *балка* обозначает овраг определенного вида, с пологими склонами, покрытыми дерном или поросшие лесом».

В литературном русском языке это слово стало известно относительно недавно. Материалы картотеки «Словаря русских народных говоров» (Ленинград) показывают, что *балка* распространена в донских, терских, кубанских, воронежских, саратовских, астраханских и других говорах.

Слово обозначает здесь «крутые горы, окружающие равнину» или «узкую долину между двумя возвышенностями», «всякого рода овраг». Нередко собиратели отмечают, что балкой называется не всякий овраг, а

овраг определенного вида: «длинный, неглубокий овраг в степи, поросший кустарником или лесом» или «овраг в лесу».

Следовательно, можно считать, что *балка* пришла в общенародный язык из речи той части населения, которая жила на юге России (на Северном Кавказе, Кубани, на Дону и т. п.)

Уже в XVIII веке *балка* употреблялась в литературном языке, но имела при этом окраску областного слова. Указание на местное, южное употребление («В южных странах называют у нас сим именем ущелья гор, или узкие долины») содержит, например, словарная статья *Балка* в «Словаре Академии Российской».

Долгое время, примерно до середины XIX века, *балка*, хотя и используется писателями, но в литературном языке остается словом чужеродным, с заметной областной окраской. Его употребляют при описании южных местностей России для обозначения всякого оврага. При этом писатели, как правило, стремятся подчеркнуть нелитературность слова. Так, Лермонтов, Гоголь, пользуясь словом *балка*, считали нужным заметить, что оно имеет ограниченное распространение, не всем известно: «Наконец, опустились отлогостью в низменную лощину, — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался поток» (Гоголь. Тарас Бульба); «Дорога идет, извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги... Спустился в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии балками, я остановился, чтоб напоить лошадь...» (Лермонтов. Герой нашего времени).

Такое положение слова в литературном языке первой половины XIX века (его чужеродность, областную

окраску) отражает академический «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года, в котором *балка* имеет помету «областное». Составители первого словаря местных слов, изданного Академией наук в 1852 году, — «Опыта областного великорусского словаря» — сочли возможным включить это слово в свой словарь. Указание на местный характер слова содержится и в Словаре В. И. Даля. Интересно, что еще Л. Толстой в одном из ранних рассказов, пользуясь словом *балка*, дает к нему комментарий: «балка на кавказском наречии значит овраг, ущелье» (Набег).

Лишь во второй половине XIX — начале XX века *балка* освобождается от областной окраски и утверждается в литературном языке. С этого времени слово (уже без пояснений и комментариев) встречается у многих прозаиков (Лескова, Златовратского, Боборыкина и др.) и поэтов (Полонского, А. К. Толстого). Находим его у Куприна, Горького, Шолохова, А. Н. Толстого, Сергеева-Ценского, Паустовского и других.

Причем заметна тенденция употребления слова не в значении оврага вообще, а оврага того вида, о котором пишет Берг, — удлиненного, с пологими, задернованными или лесистыми склонами. Эту дифференциацию значений оврага и балки можно видеть уже у Данилевского: «Скоро мелькнул перед студентом овраг, перешедший потом в глубокую балку» (Беглые в Новороссии. 1862).

Таким образом, окончательное вхождение слова в литературный язык связано с сужением его значения, размежеванием в значениях со словом *овраг*. Употребление *балки* в значении оврага определенного вида становится устойчивым: «Далеко, пока видел глаз, уходила неглубокая

кривая балка. От пологих склонов, покрытых красноватой прошлогодней травой разбегались крутобокие яружки» (Наседкин. Большая семья).

Такое употребление слова в литературном языке подкрепляется применением его в географической литературе в качестве термина. В заключение можно добавить, что вышедшие на несколько лет позже 17-томного Словаря «Словарь русского языка» в 4-х томах (1957) и «Словарь русского языка» С. И. Ожегова учли изменение в стилистической оценке слова *балка* и поместили его без пометы «областное».

О. Д. Кузнецова

Втирать очки

«Как понять выражение *втирать очки*?» — спрашивает наш читатель Т. С. Симонов из города Ordжоникидзе.

Выражение *втирать (втереть) очки* имеет значение «из-за своей выгоды внушать кому-нибудь ложное представление о чем-нибудь, представляя действительность в неправильном, но выгодном для себя свете; обманывать»: «Позвольте, однако, — сказал один из чиновников, — в 82 году пшеница уродилась сам — 40. Я это отлично знаю. — Это вам очки втирают» (Чехов. Остров Сахалин).

Академик В. В. Виноградов в одной из работ восстановил историю этой идиомы, возникшей в среде картежников-шулеров начала XIX века. Слово *очки* здесь не имеет никакого отношения к очкам (оптическому прибору). Втирать их никуда нельзя, и никто никогда этого не делает. Это омонимы, слова-двойники, совпадающие только по внешней форме, звучанию, и разные по смыслу. Но слово *очки* в устойчивом сочетании

втирать (втереть) очки имеет прямое отношение к сочетанию *играть в очко*, где *очко* означает цифровой показатель игровой карты.

А что же все-таки значило *втирать*, именно *втирать очки* в языке карточных игроков? Оказывается, это был один из приемов шулерской игры. Он заключался в том, что при помощи особого клейкого состава и порошка (черного или красного — в зависимости от карточной масти) на карту наносилось дополнительное очко, например, на шестерку наносился еще один знак, и получалась семерка. Такие карты назывались порошковые. В том случае, когда шулеру нужна была шестерка, он неза-

метным движением карты по сукну, которым были покрыты игорные столы, *стирал* порошковое очко и таким образом выдавал нужное ему за действительное.

Втирание очков в шулерской среде, как писал В. В. Виноградов, уже получило некоторый переносный смысл и значило 'изменение действительности путем ловких ухищрений в целях выигрыша, достижения преимуществ'.

Выйдя из среды картежников, выражение *втереть (втирать) очки* стало означать 'ловко обмануть, представив действительность, события в выгодном для себя свете'.

В русском литературном языке много слов и выражений, пришедших из языка различных профессиональных или социальных групп, из жаргонов. Кроме выражения *втирать очки*, из жаргона карточных игроков в общее употребление вошли, например, выражения: идти ва-банк; ставить на карту, пиковый интерес и др.

Устойчивое сочетание *втирать очки* в литературном языке дало жизнь словам *очковтиратель*, *очковтирательство*, *очковтирательский*, которых в картежном жаргоне не было.

В. П. Фелицына

Дублировать

Заместитель председателя комитета по радиовещанию и телевидению Чечено-Ингушской АССР Н. Петров обратился к нам с вопросом: «Как правильно писать в тексте радио- и телепрограммы: „Фильм дублируется на ингушском языке“ или „Фильм дублируется на ингушский язык“?».

Глагол *дублировать* в значении 'переводить речевую часть кинофильма на другой язык' — сравнительно новый в русском языке. В этом новом значении первоначально употреблялся с неустойчивым управлением или вовсе без управляемых, зависимых слов: «Фильм дублирован по-русски», «Фильм дублирован на нескольких языках» или просто «Фильм дублирован (на такой-то студии)», так как из текста ясно, о каком языке идет речь; ср. профессиональное выражение *фильм титрован*, то есть сопровождается титрами (надписями переводами).

В наши дни появляется потребность в том, чтобы указать язык перевода при слове *дублировать*. Особенно это характерно в условиях дву-

язычия и многоязычия национальных республик и автономных областей (о чем, кстати говоря, свидетельствует и автор письма). Что касается самих слов *дублировать*, *дублируется*, *дублирован* (о кинофильмах), то они стали теперь довольно привычными в употреблении и получили общее значение 'переводить', 'переводиться', 'переведен'.

В связи с этим в современной литературной норме закрепляются как вполне закономерные конструкции: «Фильм дублирован на русский (ингушский и т. п.) язык»; «Фильм дублируется на какой-нибудь язык», — наряду со старыми: «Фильм дублирован по-русски (по-ингушски и т. п.)» или «Фильм дублирован» (когда речь идет о переводе на русский язык).

Л. С.

Строп — стропа

Читательница А. В. Какушкина из Свердловска обратила внимание на то, что в «Орфографическом словаре русского языка» (изд. 2-е. М., 1957) приведены две формы существительного *строп* и *стропа*.

В современном русском языке есть группа существительных, у которых наблюдаются колебания в грамматическом роде. В большинстве случаев в таких словах закрепилась форма мужского рода; ср. устарелые варианты (санатория, фильма, зала) и современные (санаторий, фильм, зал). В некоторых случаях современный язык предпочел форму женского рода (туфля, манжета и др.).

Иногда отнесение к мужскому или женскому роду зависит от сферы употребления слова: в общелитературной лексике или терминологической; ср.: желатин и желатина (в технике).

Но бывают случаи, когда два варианта применяются как равноправные. К числу таких существительных относятся и *строп* — *стропа*. Можно только сказать, что более старый вариант — *строп*. Орфографический словарь приводит оба варианта рассматриваемого слова. Форма родительного падежа множественного числа будет соответственно: *строп* от *стропа* и *стропов* от *строп*.

Тара

А. В. Какушкину интересуют также, имеет ли существительное *тара* множественное число.

Слово *тара* употребляется только в единственном числе.

Б. З. Букчина

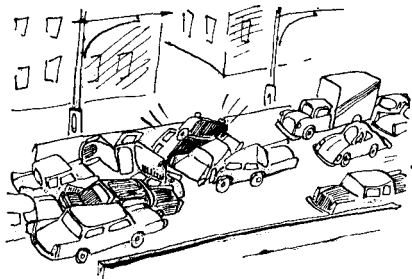
Часы пик

«Что означает выражение *время пик*?» — спрашивает В. А. Старкова из Оренбургской области.

Одно из значений слова *пик* в современном русском литературном языке — 'высшая точка в развитии какой-либо деятельности; наибольший объем работы предприятия, средств транспорта и т. п.'. Например: «Сезонность создает неизбежные трудности в работе транспорта, „пики“ в энергоснабжении, приводит к перерасходу фонда заработной платы» («Известия», 29 мая 1964); «Август — пора тревог, пора волнений. Сезон „пик“ для хлеборобов нашей страны» («Омская правда», 20 августа 1964).

Со словом *пик* в этом значении употребляются выражение *часы(час) пик* и реже *время пик* — 'время наивысшего напряжения, наибольшей загруженности в работе транспорта, предприятия и т. п.': «Крушнейшие

заводы маялись на голодном пайке электроэнергии. В часы пик диспетчер отключал часть предприятий» (Гранин. Искатели); «Дорога многолюдна, как городская улица в ча-

сы „пик“» (Славин. Свидание с Польшей); «На голубой трассе канала час пик. Наш маленький теплоходик лихо обходит „ракеты“ и „метеоры“» («Комсомольская правда», 15 июля 1967).

В. Н. Сергеев

Напольные весы

В «Неделе» (1968, № 27) опубликована реклама такого содержания:

**ВЕСЫ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
ПОЛЬЗОВАНИЯ**

**Следить за своим весом
Это значит следить за своим
здоровьем.**

**В этом вам помогут напольные
весы.
Регулярно проверяйте свой вес...**

Читатель нашего журнала В. В. Кучин обращает внимание на употребленное здесь прилагательное *напольный*. «Впервые нам пришлось встретиться с таким прилагательным, — пишет он, — в одном из хозяйственных магазинов Москвы... Оно совершенно нетерпимо, так как даже нельзя сказать, от какого имени су-

ществительного оно образовано: *поле* или *пол*?».

В русском языке употребляются два прилагательных *напольный*.

Одно из них, образованное от слова *поле*, в недавнем прошлом употреблялось в значении, близком к прилагательному *полевой*, — «происходящий, бывающий на поле», «находящийся, расположенный на поле»: *напольная дорога*, *напольная изба*, *напольная трава* (Словарь В. И. Даля); «С нынешнего лета начинаю *напольную* работу» (Писемский. Леший). В этом значении прилагательное *напольный* устарело; однако оно продолжает употребляться как сельскохозяйственный термин, относящийся к техническим приспособлениям, устанавливаемым в поле, на открытом воздухе: *напольные переносные установки*, *напольные печи* (открытые временные печи, помещаемые под навесом).

Другое прилагательное *напольный* — от слова *пол* — используется тоже как специальный (преимущественно технический) термин в значении «устанавливаемый на полу, предназначенный для работы на полу»: *напольная лампа*, *напольные ве-*

сы, *напольные часы* (в отличие от стенных, настольных или наручных часов); «В углу стояли огромные

напольные часы» (Казакевич. Дом на площади).

Оба прилагательных образованы при помощи приставки *на-* и суффикса *-н-* по образцу таких слов, как *настенный, настольный, наручный, нагрудный*. Первое соотносится с предложным сочетанием *на поле*, второе — с сочетанием *на полу*.

Мешает ли употреблению этих двух слов их омонимичность — совпадение в звучании? Не более, чем употреблению любых других омонимов. В русском языке есть, например, три разных слова *коса*, два слова *лук*. Помогает разграничивать их контекст. Прочитав весь текст рекламы в «Неделе», нетрудно убедиться, что речь идет о весах, устанавливаемых *на полу*, что поле здесь ни при чем.

В. Л.

Склоняется ли «ноль целых»?

Ф. С. Валева из Елабуги спрашивает: «Склоняется ли слово *ноль* (*нуль*) в сочетаниях типа *около 0,5 м, расстояние равно 0,5 км* и т. п., если числа в них писать словами? Как сказать: „около ноль целых пять десятых метра“ или „около ноля целых пяти десятых метра“?».

Со словами *около, равняется, равно* и т. п. дробные числительные склоняются так же, как и составные числительные. Мы говорим: «Длина пути между городами *около ста восьмидесяти километров*», а не «около сто восемьдесят километров». Подобно тому, как строятся конструкции «Длина равна двум целым восьми десятым метра» или «Вес изделия *около двух целых и трех десятых тонн*», следует строить и конструкции со словом *ноль*.

При этом надо учитывать, что в косвенных падежах слово *ноль* обычно употребляется в форме *нуль*. Итак, следует говорить: «Длина *около нуля* целых пяти десятых метра»; «Расстояние *около нуля* целых пяти десятых километра» и т. п.

В письме Ф. С. Валева есть и другой вопрос. «Как правильно сказать: „Колхоз купил 300 грушевых деревьев по *ноль* целых шестьдесят пять сотых рубля за штуку“ или „по *нолю* (*нулю*) целых шестидесяти пять сотых рубля за штуку“?».

В современном русском языке числительные от *пяти* до *тридцати* и от *пятисот* до *девятисот* с предлогом *по* в так называемом распределительном значении (при указании на количество или цену каждого из многих) могут употребляться как в дательном, так и в винительном падеже: «Купить билеты *по пятьдесят копеек*» и «*по пятидесяти копеек*»; «Продавать кур *по семи рублей за пару*» и «*по семь рублей за пару*» и т. п.

Интересно, что старая, традиционная литературная норма (вплоть до конца XIX — начала XX века) предписывала точное распределение падежей для разных числительных. Числительные *два, три, четыре* употреблялись (как и теперь) только в форме винительного падежа (по два или по две, по три, по четыре), а числительные *пять, шесть, семь, восемь* и т. д. требовали согласования только в дательном падеже (по пяти, по шести, по семи, по десяти и т. д.). Например, в «Мертвых душах», когда Чичиков и Собакевич торгуются о ценах на ревизские души умерших крестьян, читаем: [Собакевич:] «Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку!»; [Чичиков:] «...по восьми гривен за душу, это самая

красная цена!»; [Собакевич:] «...извольте по семидесяти пяти рублей за душу» (Гоголь. Мертвые души).

Еще в 20-30-е годы нашего века формы *по пять, по десять, по пятьсот* оценивались как просторечные, нелитературные (см., например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова). В современной литературной речи произошло как бы «выравнивание» падежных форм: винительный падеж с числительных *два, три, четыре* (по два, по три, по четыре) распространился на те числительные, которые по старой норме требовали дательного падежа. Теперь мы говорим: по пяти копеек и по пять копеек, по семи рублей и по семь рублей и т. п.

Все сказанное относится и к дробным числительным. Одинаково правильно: «по нулю целых шестидесяти пяти сотых рубля» и «по ноль целых шестьдесят пять сотых рубля». Можно отметить, однако, что как и в случае с количественными числительными, формы с дательным падежом оказываются общелитературными и книжными, а формы с винительным падежом ограничены по преимуществу сферой разговорной речи. С учетом этого стилистического различия и следует ими пользоваться.

Л. С.

Можно ли без предлога ?

«В последнее время,— пишет из Хабаровска А. В. Бердужев,— в газетах часто встречается употребленное мною выражение, но только без предлога. Например: „Последнее время поступали сведения...“ и т. п. Насколько это правомерно?»

В русском языке с давних пор для обозначения времени употреблялись

и предложные формы винительного падежа и беспредложные. Правда, словосочетания с винительным падежом без предлога, обозначающие время, были непродуктивными образованиями, что в конечном счете привело к их фразеологизации. Иначе говоря, активное употребление в языке находили лишь отдельные выражения, ставшие фразеологизмами: *вчерашний день, одно время, прошлый год, первое время* и т. п.

Конечно, не каждый из таких фразеологизмов ведет свое начало из глубины веков. Некоторые из них (в частности, выражение *последнее время*) возникли сравнительно недавно. Однако модель, по которой они создавались, относится к древнейшим явлениям русского языка. В ряде случаев подобные выражения употреблялись и употребляются параллельно с предложными словосочетаниями.

Так, четырехтомный академический «Словарь русского языка» приводит в качестве фразеологических вариантов выражения *в первое время* и *первое время*. Здесь же зарегистрировано и заинтересовавшее А. В. Бердужева выражение *последнее время* вместе с синонимичным ему *в последнее время*.

Интересно отметить, что выражение *первое время* (с пометой «разговорное») есть в появившемся еще в довоенные годы «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Там дается такой пример: «Первое время будет трудно, потом привыкнете». Словосочетание *последнее время* регистрируется лишь словарями 50-х годов. Помимо четырехтомного словаря, о котором говорилось выше, здесь можно сослаться и на появившийся в 1951 году второй том большого, семнадцатитомного «Словаря современного рус-

ского литературного языка». В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова выражения *последнее время* нет, здесь находим лишь синонимичные ему предложные сочетания: в последнее время, за последнее время.

Впрочем, в начале 50-х годов словосочетание *последнее время* еще не стало достоянием всех толковых словарей: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1953 — 3-е издание) его не зарегистрировал. Лишь 4-е издание этого словаря (1960) фиксирует наряду с выражением *в последнее время* и его вариант *последнее время*.

Таким образом, фразеологизм, о котором идет речь, стал фактом русского литературного языка сравнительно недавно, хотя в просторечии появился, конечно, раньше (очевидно, по аналогии с выражением *первое время*).

Фразеологизированные выражения *первое время, последнее время, последние годы, последние дни* и т. п., входя в состав русского литературного языка, являются принадлежностью разговорного стиля. В официально-деловой документации, в научных статьях и т. п. их вряд ли можно считать уместными. Что касается газетных материалов, то здесь все зависит от жанра. Например, в очерке или в фельетоне, где разговорные слова и выражения находят широкое употребление (так же, как и в произведениях художественной литературы), выражения *первое время, последнее время* вполне закономерны. Однако в официальном сообщении, пропагандистской статье и т. п. они в большинстве случаев осмысливаются как стилистически чужеродные.

Именно поэтому следует признать неудачным предложение «Последнее время поступали сведения...». Здесь,

с одной стороны, сугубо книжный оборот *поступали сведения*, с другой — разговорное выражение *последнее время*. Надо полагать, что А. В. Бердужев не удивился бы, если б словосочетание *последнее время* было употреблено, например, в таких предложениях: «Что-то ты последнее время к нам совсем не заходишь»; «Наш автобус последнее время почти каждый раз опаздывает»; «Марина, как уехала, присылала по два письма в день, а последнее время совсем не пишет» и т. д.

А. К. Панфилов

Планирование Нормирование Премирование

В. А. Минати из Северодонецка Луганской области пишет: «Есть слова, в которых ударение в обиходной речи ставится не в соответствии с нормативными указаниями. Например: премирование — премирование; нормирование — нормирование».

А вот в слове *планирование* такого расхождения нет.

Чем отличается слово *планирование* от двух вышеуказанных?».

Слова с суффиксом *-ние* имеют ударение на том же слоге, что и глаголы, от которых они образованы: лавировать — лавирование, реагировать — реагирование, позировать — позирование; пломбировать — пломбирование, командировать — командирование, полировать — полирование, формировать — формирование. Этому правилу подчиняются и слова *планирование* (планировать), *премирование* (премировать) *нормирование* (нормировать). Однако два последних слова имеют двоякое ударение: на *-ва*- и на *-ир*-. Обе фор-

мы (премиро́вание и преми́рование, нормиро́вание и норми́рование) можно услышать в живой речи, но словари рекомендуют лишь формы с ударением на *-ва-*.

Чем же объясняется колебание ударения в этих словах в живой речи? Дело в том, что такие же колебания имеют место и в глаголах, от которых образованы эти существительные: в живой речи можно встретить как *премиро́вать*, *нормиро́вать*, так и *преми́ровать*, *норми́ровать*. Правда, словари рекомендуют лишь первые из указанных форм. Что касается форм *преми́ровать*, *норми́ровать*, то их появление объясняется следующим образом. Большинство глаголов на *-ировать* имеет ударение на слоге *-ир-* (баррикади́ровать, инспекти́ровать и мн. др.), и лишь немногие глаголы — на *-ва́ть* (трими́ровать, лаки́ровать). Вот некоторые из них и попадают под влияние большинства.

Таким образом, колебания в произношении существительных *премиро́вание* — *преми́рование* — результат колебаний в произношении глаголов *премиро́вать* — *преми́ровать*. В слове *плани́рование* таких колебаний нет, поскольку глагол *плани́ровать* не имеет варианта с ударением на *-ва́ть*.

И. С. Улуханов

Как выделить прямую речь

Ученик IX класса Володя Трофимов из города Мыски Кемеровской области в письме, присланном нам из редакции «Правды», просит объяснить, почему в школе учат выделять прямую речь кавычками, а в печатных текстах кавычки не всегда ставятся.

Прямая речь выделяется на письме двумя способами:

1. Если прямая речь пишется в строку, без абзаца, то перед началом и в конце ее ставятся кавычки:

И, держа нож в кулаке, как меч, он говорил: «Каждый человек должен иметь свои обязанности!» (Чехов. Анна на шее).

2. Если же прямая речь начинается с абзаца, то перед началом ее ставится тире:

И, держа нож в кулаке, как меч, он говорил:

— Каждый человек должен иметь свои обязанности!

Оба эти способа выделения прямой речи равнозначны. Выбор одного из них обусловлен тем, как пишется прямая речь: в подбор (в строку, без абзаца) или с абзаца.

В школе учат в диктантах и других работах писать прямую речь в подбор и выделять ее кавычками. В печатном тексте чаще прямая речь дается с абзаца и выделяется тире перед ее началом (хотя и первый способ выделения прямой речи встречается в печати).

Р. В. Макарова

Окаянный

Читатель В. Полетаев (Мурманская область) интересуется происхождением и значением слов *окаянный* и *бесибабашный*.

Первое из этих прилагательных проникло в русский литературный язык книжным путем из церковнославянского языка. Оно было страдательным причастием прошедшего времени от глагола *окаяти*, означавшего 'осудить, проклять'. *Окаяти* — в свою очередь производное от *каяти* 'порицать, осуждать' (*о-* — приставка). Таким образом, первоначальное и буквальное значение слова *окаянный* — 'осужденный, проклятый'. Все эти слова употреблялись преимуще-

ственно в церковном обиходе и связывались с осуждением прежде всего за грехи в религиозном понимании этого слова. Так, первоначальное значение глагола *каяться*, употребляющегося и в современном литературном языке (*каяться*), — «признаваться в своих грехах». Эпитет *окаянный* (древнерусские *оканьный*, *окаяный*) применяется в отношении грешников, язычников, предателей самого дьявола. Недаром этим эпитетом был «награжден» князь Святополк — убийца «святых» братьев Бориса и Глеба.

В русском литературном языке нового времени слово *окаянный* продолжало широко употребляться в своем первоначальном смысле — «проклятый, отверженный церковью»:

Бесовский сын, расстрига окаян-
ный,
Прослыть умел Димитрием в народе.
Пушкин. Борис Годунов

и в близком к первому смысле «гrehовный, нечестивый»:

И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцелуи его окаянные.

Лермонтов.
Песня про купца Калашникова

Такое употребление слова *окаянный* в современном языке надо признавать архаичным, устаревшим. Однако слово это сохранилось и широко употребляется в живой разговорной речи как бранное, лишенное своей религиозной окраски: «[Бабка] гнала от огорода гусей и кричала: — Всю капусту потолкли, окаянные, чтоб вам переколет!» (Чехов. Мужики).

Бесшабашный

Прилагательное *бесшабашный* проникло в русский литературный язык в прошлом веке из диалектов. Обра-

зовано оно от слова *шабаш*, которое было заимствовано из древнееврейского языка, где обозначало субботу — праздник, день молитвы. В русской народно-разговорной речи слово *шабаш* употребляется в смысле «отдых, конец работе, время, свободное от дела», в том числе и как междометие: *шабаш!* «стой, будет, конечно», а производный от него глагол *шабашить* означает «кончить работу в урочный час».

Отсюда *бесшабашный* — буквально «не знающий отдыха, конца», первоначально применительно к работе (ср. в Словаре В. И. Даля: «У нас работа бесшабашная»), а затем и к человеку в смысле «беспечный, отчаянный, безрассудный, беспутный»: бесшабашная головушка, бесшабашный гуляка и т. д.

В. Л.

Корточки

Наш читатель М. Г. из Таллина пишет: «Прошу мне объяснить, какие это *корточки*, на которых можно сидеть, а также происхождение слова *захолустье*».

Слово *корточки* известно в значениях: «сидеть, согнув ноги в коленях и держась на носках» или «сидеть на задних ногах» (о животных): «Перед печкой сидит на корточках Егорыч и сует железку в огонь» (Чехов. Старый дом); «Егорка, поднявшись с корточек, направился к своей койке» (Станюкович. Пассажирка);

Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит
духу...

Крылов. Пустынник и Медведь

Как видно из приведенных примеров, слово *корточки* ныне употребляется только в формах множественного числа и только в застывших оборотах речи: «сесть на корточки», «встать с корточек».

По своему внешнему облику *корточки* — слово такого же типа, что и

клеточки, лопаточки, ниточки и т.п., которые образовались в прошлом от слов *кльгъка, лопатъка, нитъка* при соединении к основе уменьшительного суффикса *-ька*: *кльгък-ька* стало *клеточка, лопатък-ька* — *лопаточка, нитък-ька* — *ниточка* (в древности *к* перед *ь* переходил в *ч*); таким же образом *корточки* от **къртък-ька*. Говоря иначе, в прошлом было слово **къртъка* в значении «кривое»; «согнутое». Наличие в диалектах слова *закоргышки* подтверждает, что **къртъка* образовано от основы слова **къртъ* в значении «кривое», так же, как *кльгъка* от *кльгъ, лопатъка* от *лопата* и т. д. Наше древнее **къртъ* имеет соответствие в древнегреческом *kúrtoz* и латинском *curvus* «кривой».

Слово *корточки* по своему корню и происхождению является древнейшим, но из славянских языков оно сохранилось лишь в русском языке в уменьшительном образовании и то только в определенных оборотах речи.

Корточки буквально означает «сесть на малую согнутость, искривленность».

Захолустье

Слово *захолустье* употребляется в значении «удаленное, глухое, малонаселенное место»; «глушь»: «Равнина, покрытая хвойным лесом и болотами — таков был общий вид нашего захолустья» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя уекли в наше захолустье» (Пушкин. Капитанская дочка). Отсюда и прилагательное *захолустный*: «Местность, в которой я родился... даже в захолустной пошехонской стороне считалась захолустьем» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «Ваши-то все — провинция захолустная, что-то серое, скучное, нелепое, а те — настоящая столица, блеск и торжество» (Стасов. Две художественные выставки).

В недалеком прошлом даже тихие окраины города называли захолустьем: «Я жил в одном из лондонских захолустий» (Герцен. Тюрмы и ссылки); «Склонность к уединению заставила Тахтамышеву поселиться... в отдаленнейшем захолустье Москвы» (Григорович. Проселочные дороги). В говорах, кроме того, *захолустье, захолустье* известно еще в таких значениях: «глухое место в лесу, из которого не видно поля», «чаща в лесу». Рядом с формами *захолустье, захолустье* в говорах в тех же значениях известны еще формы *захолузье, захолужье, узулустье* (последнее из *охолустье* так же, как диалектное *кустум* из *костум*).

Приведенные примеры показывают, что общей частью слов является *хол-*, которая может звучать и как *хал-*. Этот *хол-* встречается во многих словах, в частности *холудье* «кустарник», «мелкий лес», «хворост»; *халужина* «длинная хворостина», *голобу-*

да, *халобуда* 'шалаш из хвороста' из *хол-о-буда*; *буда*, *будка* 'строение', *холобуда* 'строение из хвороста'.

Захолустье, *захолусье* — такое же образование, как и слова *закустье*, *залесье*, *заречье* и т. д., которые указывают на место за кустами, за лесом, за речкой. *Захолустье* значит за холустьем или за холудьем, то есть за кустарником. Первичными в связи с этим являются обозначения словом *захолустье* 'чаща в лесу' или 'глухое место в лесу', находящиеся обычно за кустарниками.

Значения 'тихая окраина города', 'глушь', 'глухое удаленное место' развились позднее как переносные.

Говоря иначе, *холудье*, *холустье* первоначально обозначали 'кустарник'. *Холустье* от **холус* (в отдельном употреблении оно не дошло до нас) по типу *ярус* 'лес, растущий около яра', *пахтус* 'ком масла, сбитого из сметаны' от *пахтать*; *стеклярус* от *стекляр* 'специалист изделий из стекла' и т. д. Наряду с *холус*, видимо, было еще образование *холусть*, от последнего *холустье*, ср. белорусское *халусце* 'хлам'.

За-хол-ус-тье — образование приставочно-суффиксальное, то есть к корню слова присоединились не только суффиксы *-ус-тье*, но одновременно и приставка *за-*.

А. С. Львов